Герритсен Тесс

Свидетель

Пролог

Ветки хлестали по лицу, сердце стучало так, что казалось, вот-вот вырвется из груди, но он все бежал и бежал, потому что не мог остановиться. Преследователь нагонял. Еще немного, и пуля прорвет ночь и ударит в спину. А может, уже ударила. Может, за ним уже стелется кровавый след. Онемев от ужаса, он не чувствовал ничего – осталось одно лишь жадное, отчаянное стремление выжить. Дождь бил в лицо, холодный, колючий, слепящий. Дождь стучал по опавшим, мертвым листьям. Продираясь сквозь густую тьму, он споткнулся и рухнул лицом в грязь. Рухнул с оглушительным шумом. Треск ломающихся веток выдал его, и преследователь тут же сменил курс. Теперь враг шел прямо к нему. Приглушенный хлопок выстрела, короткий свист пролетевшей у щеки пули… Да, обнаружили. Он заставил себя подняться и резко подался вправо, снова сворачивая к шоссе. Здесь, в лесу, у него шансов нет. Там, на автостраде, если повезет привлечь чье-то внимание, если удастся остановить машину, какая-то надежда еще есть.

Хруст веток, проклятие – преследователь, кажется, тоже споткнулся. Выиграно несколько секунд. Несколько драгоценных, спасительных мгновений. Он снова побежал, почти наугад, руководствуясь одним лишь смутным чувством направления. Вокруг тьма и ни единого огонька, только тусклый отблеск хмурых туч, закрывших ночное небо. Дорога должна быть впереди. Еще чуть-чуть, и ноги ощутят асфальт.

И что потом? Что, если никакой машины не будет? Что, если помощи ждать не от кого?

Словно в ответ впереди, за деревьями, мигнул свет, два дрожащих лучика.

Собрав остаток сил, он метнулся к автомобилю. Легкие горели, дождь слепил глаза. Еще одна пуля прошла рядом и ввинтилась в ствол дерева, но стрелок за спиной был уже не важен. Теперь все зависело от тех огоньков, что манили, звали к себе, дразнили обещанием спасения.

Он даже опешил, выскочив на дорогу, ощутив под ногами твердое покрытие. Огоньки еще оставались впереди, прыгали где-то за деревьями. Неужели опоздал? Неужели они удаляются и сейчас исчезнут за поворотом? Нет, приближаются… они уже ярче. Он побежал навстречу машине, к повороту, понимая, что преследователь видит его как на ладони. Звук шагов отскакивал от мокрого асфальта и отдавался

хлестким эхом. Огоньки повернули, и тут его настиг третий выстрел. Что-то толкнуло сзади – с такой силой, что он упал на колени. Пуля разорвала плечо. Он почувствовал, как кровь потекла по руке теплой струйкой, но не ощутил боли. Сейчас важно было другое – остаться в живых. Он встал, пошатнулся, выпрямился, сделал шаг вперед и…

…И чуть не ослеп от ударившего в глаза яркого света. Увернуться, броситься в сторону уже не было времени. Он не успел даже запаниковать. Взвизгнули покрышки. Из-под колес полетели брызги.

Он не почувствовал удара. Понял только, что лежит на земле, что дождь бьет по лицу, что вода стекает в рот и что ему очень, очень холодно.

Он знал, что должен сделать что-то. Что-то важное.

Рука дрожала. Он сунул ее в карман ветровки, и пальцы нащупали небольшой пластиковый цилиндр. Нащупали и сжали. Чем важен этот предмет, что в нем такого особенного, он не помнил, но, обнаружив его, испытал облегчение. Только бы не выпустить, не потерять.

Его кто-то звал. Женщина. Дождь мешал увидеть ее лицо, но он слышал голос, слегка охрипший от паники, пробивающийся сквозь туман и шум в голове. Он попытался заговорить, предупредить ее, что нужно поскорее убираться, что там, в лесу, смерть. Но с губ сорвался только стон.

Глава 1

В трех милях от Редвуд-Вэлли дорогу перегородило упавшее дерево, а путь в объезд Уиллитса из-за усилившегося дождя и скопления машин отнял у Кэтрин Уивер почти три часа. К тому времени часы уже показывали десять, и она поняла, что попасть в Гарбервиль до полуночи не получится. Хорошо бы Сара не стала засиживаться допоздна, а легла пораньше спать. Впрочем, зная Сару, Кэтрин не сомневалась, что ее будет ждать теплый ужин в духовке и пылающий камин в гостиной. Беременность явно пошла подруге на пользу. Сара мечтала об этом ребенке несколько лет и говорила о нем годами. Даже имя – Сэм или Эмма – выбрала задолго до зачатия. Тот факт, что у нее не было больше мужа, большого значения не имел. «Все, что требуется, – это дождаться нужного отца, – говорила Сара, – а потом взять дело в свои руки».

Она так и поступила. Биологические часы уже отсчитывали последние годы, когда Сара приехала к Кэти в Сан-Франциско и спокойно, без суеты выбрала в справочнике клинику для страдающих бесплодием. Разумеется, либерально ориентированную, такую, где смогли бы понять желания и потребности тридцатидевятилетней незамужней женщины. Сам процесс оплодотворения, как она рассказывала позже, прошел в

деловой обстановке. Запрыгиваешь на стол, суешь ноги в стремена, и – опля! – через пять минут ты уже беременна. Ну или почти. В любом случае процедура проста, доноры отобраны тщательно, и их здоровье подтверждено специальным сертификатом, а самое главное, женщина может реализовать свой материнский инстинкт без чепухи с замужеством.

Ох уж эти брачные игры! Они обе прошли через них с немалыми потерями. Обе развелись и продолжали жить дальше – уже с боевыми шрамами.

«Сара такая смелая, – подумала Кэти. – По крайней мере, ей достало сил вынести все трудности и испытания в одиночку».

Она стиснула зубы, сдерживая рванувшуюся из глубины старую, но еще не остывшую злость. Своему бывшему Кэти простила многое. Эгоизм. Придирчивость. Неверность. Но Джек не дал ей шанса завести ребенка, и этого она простить ему не могла. Да, конечно, можно было бы обойтись и без его согласия, но она хотела, чтобы ребенок был желанным для обоих родителей. И все ждала, ждала, ждала. Но за те десять лет, что длился их брак, Джек так ни разу и не «созрел», ни разу не почувствовал, что «время пришло».

Но Джек хотя бы должен был признаться, сказать, что ему не до ребенка, что для него самое главное – он сам.

«Мне уже тридцать семь. Мужа больше нет. И даже бойфренда постоянного нет. Но я бы со всем этим смирилась, если бы смогла держать на руках своего малыша».

Что ж, пусть судьба улыбнется хотя бы Саре.

До срока оставалось четыре месяца. Через четыре месяца у Сары будет малыш. Кэти невольно улыбнулась.

В ветровое стекло бил дождь. В последние минуты он усилился, и «дворники» не справлялись с потоками воды, хотя и метались туда-сюда как угорелые. Кэти взглянула на часы – ого, уже половина двенадцатого. Дорога оставалась пустынной, ни впереди, ни позади других машин видно не было. Случись что с двигателем, и ночевать придется на заднем сиденье – помощи не будет до утра.

Кэти подалась вперед, пытаясь рассмотреть разделительную полосу, но дорогу надежно скрывала плотная полоса дождя. Хочешь – смейся, хочешь – плачь. Наверное, нужно было все же остановиться в том

мотеле, в Уиллитсе. Не остановилась. Глупо останавливаться, когда за спиной такой далекий путь, а до цели всего лишь пятьдесят миль.

Впереди вынырнул из темноты указатель «Гарбервиль, 10 миль». Оказывается, она ближе, чем думала. Еще двадцать пять миль по шоссе, потом поворот вправо и еще пять миль через лес, к дому Сары. Воодушевленная мыслью о скором окончании путешествия, Кэти нетерпеливо поддала газу старенькому «датсуну». Стрелка спидометра подползла к отметке сорок пять миль в час. Опасная, конечно, скорость, если принять во внимание все обстоятельства, но уж очень хотелось поскорее оказаться в теплом, сложенном из кедра доме и выпить горячего шоколада.

Дорога повернула совершенно неожиданно. Кэти резко вывернула руль вправо, колеса заскользили по мокрому асфальту, и машину занесло. Она не стала давить на тормоз, но еще крепче вцепилась в руль, пытаясь восстановить управление. Вышедший из-под контроля «датсун» отнесло на несколько футов, к самому краю шоссе, но в тот момент, когда сердце сжалось от страха, а до ближайших деревьев оставалось рукой подать, покрышки вцепились-таки в асфальт. Машина все еще шла со скоростью двадцать миль в час, но уже по прямой. Стиснув руль липкими от холодного пота пальцами, Кэти прошла поворот до конца и облегченно выдохнула.

То, что произошло дальше, стало для нее полнейшей неожиданностью. Едва она успела поздравить себя с удачным маневром, как случилось невероятное.

Человек вынырнул прямо из темноты. Застывший на полусогнутых ногах в ярких лучах фар, он напоминал замершее в ужасе и панике дикое животное. Рефлекс опередил мысль – Кэти ударила по тормозам, но было уже поздно. Пронзительный визг покрышек завершился глухим ударом тела о капот.

Она застыла, вцепившись в руль, вперив взгляд в ветровое стекло, по которому все так же бесшумно метались «дворники». Потом, словно осознав реальность случившегося, страшную реальность того, что совершила, толкнула дверцу и выскочила под дождь.

В первый момент Кэти не увидела ничего, кроме черной, блестящей в туманном свете задних фонарей полоски асфальта. *Где же он?* Щурясь от бьющего в лицо дождя, она прошла по дороге назад и вдруг услышала донесшийся с обочины негромкий стон.

Сойдя с асфальта, Кэти моментально оказалась по лодыжки в присыпанной сосновыми иголками грязи. И снова услышала стон, теперь уже ближе, почти рядом.

– Где вы? Помогите мне найти вас! – крикнула она.

– Здесь… – донеслось в ответ. Голос прозвучал едва слышно, но Кэти уже сориентировалась. Сделав несколько шагов в сторону, она чуть не споткнулась в темноте о тело. В первый момент Кэти различила только темное пятно, похожее на кучку мокрой, сброшенной второпях одежды. Потом обнаружила руку и, наклонившись, попыталась нащупать пульс. Пульс был учащенный, но ровный – в отличие от ее собственного, скакавшего, словно перепуганный заяц. Его пальцы стиснули ее запястье. Незнакомец перекатился на бок и попытался сесть.

– Нет! Пожалуйста, не двигайтесь!

– Нельзя… здесь нельзя оставаться…

– Где у вас болит?

– Некогда. Помогите мне. Быстрее.

– Я не стану вам помогать, пока не скажете, где болит.

Он поднял руку и, схватив ее за плечо, начал вставать. Самое удивительное, что ему это даже почти удалось. Несколько секунд они стояли, схватившись друг за друга, покачиваясь, потом силы оставили его, и они оба упали на колени. Дыхание у незнакомца сбилось, каждый вдох и выдох сопровождался хрипом. Что же все-таки с ним? Если открылось какое-то внутреннее кровотечение, он может умереть в считаные минуты, прямо здесь, у нее на глазах. Его нужно срочно доставить в больницу. Даже если придется тащить к машине на себе.

– Хорошо. Давайте попробуем еще раз. – Кэти подхватила незнакомца справа, положив его левую руку себе на плечо. Он глухо застонал от боли, и она тут же отступила. Рука оставила на плече теплый, немного липкий след. *Кровь*.

– С другой стороны, – прохрипел он. – Там у меня все в порядке.

Она подхватила его справа. Не будь положение столь отчаянным, Кэти, наверное, сочла бы сцену достаточно комичной – со стороны их вполне можно было принять за двух поддерживающих друг друга пьянчужек. В конце концов ей удалось поставить незнакомца на ноги. Пару секунд они стояли, покачиваясь, в грязи. Хватит ли у него сил хотя бы просто переставлять ноги? Перетащить его самостоятельно она бы определенно

не смогла. Он не был крупным, но оказался намного выше, чем она подумала вначале, так что ей при росте в пять футов и пять дюймов служить ему надежной опорой было бы затруднительно.

Но что-то как будто толкало его вперед, какие-то скрытые, проявившиеся в экстраординарных обстоятельствах ресурсы. Даже сквозь промокшую насквозь одежду Кэти чувствовала жар его тела, ощущала увлекающую его вперед волю. С десяток вопросов уже кружились в голове, но все ее силы уходили на то, чтобы держаться самой и поддерживать незнакомца. Только бы довести до машины, а потом доставить в больницу.

Обхватив незнакомца за пояс, она вцепилась пальцами в ремень. Они двинулись к дороге – медленно, борясь за каждый шаг. Его правая рука обвилась вокруг ее шеи тугой, натянутой петлей. И не только рука. Все в нем было, казалось, напряжено до предела. Во всех движениях чувствовалось отчаяние, и оно передавалось ей, проникало через кожу и тоже толкало вперед. Паника, столь же явственно ощущаемая, как и жар, заразила Кэти нетерпением, тем более бессмысленным, что идти быстрее они просто не могли. Через каждые несколько секунд ей приходилось останавливаться, смахивать с лица упавшие на глаза волосы и всматриваться в темноту. Дождь и тьма сомкнулись вокруг них спасительной пеленой, укрыв от опасности.

Впереди замаячили задние огни – два мутных рубиновых глаза. Теряя с каждым шагом силы, мужчина наваливался на нее все сильнее. Ноги дрожали, и Кэти уже боялась, что они не дойдут, свалятся прямо на дороге, и уж тогда подняться просто не хватит сил. Голова незнакомца то и дело поникала, и тогда вода со спутанных волос текла по ее щеке и шее. Кэти механически переставляла ноги, подтягивала его за собой, и это несложное в общем-то занятие настолько овладело ее вниманием, что ей даже не пришло в голову оставить бедолагу на дороге, сесть за руль и сдать чуть назад. Огоньки постепенно приближались; казалось, от них отделяет только еще одна стена дождя.

В конце концов Кэти все же втолкнула его в салон, на переднее сиденье. Руки повисли как плети и, казалось, вот-вот отвалятся. Незнакомец соскользнул с кресла. Дверца не закрывалась, и она довольно бесцеремонно – на нежности не осталось сил – отпихнула его подальше. Ноги все равно торчали наружу. Кэти наклонилась, подняла сначала левую, потом правую и занесла их внутрь, успев отстраненно подумать, что человек с такими лапами вряд ли может быть элегантен и любезен.

Едва она села за руль, как он предпринял неудачную попытку поднять голову, а потом, откинувшись на спинку, прошептал:

– Скорее…

Кэти повернула ключ в замке зажигания. Мотор чихнул и затих. «Господи, ну заводись же. Заводись!» Она вынула ключ, медленно сосчитала до трех, снова вставила и повернула. На этот раз двигатель заработал. Едва не вскрикнув от радости, Кэти резко, так, что покрышки протестующее взвизгнули, развернула машину в сторону Гарбервиля. Даже в самом захолустном городишке должна быть больница. Или по крайней мере медпункт. Вот только найдет ли она этот самый пункт в такой ливень? А если ошибется? Если ближайшее медучреждение только в Уиллитсе, что в противоположном направлении? Она теряет здесь драгоценные минуты, а человек умирает от кровопотери.

Чувствуя, что начинает паниковать, Кэти взглянула на незнакомца. Он сидел неподвижно, откинувшись на спинку кресла, безвольно свесив голову.

– Эй, вы как? Живы?

– Пока еще здесь, – прошептал он.

– Господи, я уж подумала… – Она оглянулась. – Здесь где-то должна быть больница…

– Возле Гарбервиля…

– Знаете, как ее найти?

– Я проезжал мимо… это миль пятнадцать отсюда…

«Если проезжал, где же машина?»

– Что с вами случилось? Попали в аварию?

Он начал говорить, но вдруг осекся на полуслове – позади вспыхнул свет. Незнакомец попытался обернуться, но не смог и только выругался. Кэти вздрогнула и с тревогой посмотрела на него:

– В чем дело?

– В той машине.

Она бросила взгляд в зеркало заднего вида.

– И что такого?

– Она давно за вами следует?

– Не знаю. Наверное, несколько миль. А что?

Похоже, попытка держать голову поднятой отняла слишком много сил – он снова тяжело осел.

– Не могу сообразить… не могу…

«Потерял слишком много крови». Кэти придавила педаль газа, и «датсун» как будто прыгнул вперед, сквозь дождь. Из-под колес ударили фонтанчики брызг. Руль задергался, словно живой. В стекло бросилась тьма. «Осторожно! Сбрось газ! Или разобьешься вместе с ним».

Она отпустила педаль. Стрелка спидометра съехала до вполне приемлемых сорока пяти миль в час. Незнакомец снова заворочался и попытался выпрямиться.

– Пожалуйста, не напрягайтесь. Сидите смирно, – умоляюще пробормотала Кэти.

– Та машина…

– Ее уже нет.

– Уверены?

Она посмотрела в зеркало. Вдалеке что-то мигало, но были ли то фары идущего следом автомобиля? Вряд ли.

– Уверена, – соврала Кэти.

Незнакомец вроде бы поверил и успокоился. «Далеко ли еще? Сколько ехать? Пять миль? Десять?» И тут же в голове застучала тревожная мысль: он может умереть по дороге.

Ее пугало его молчание. Хотя бы подал голос, сказал что-то, развеял ее страхи.

– Поговорите со мной. Пожалуйста.

– Я… я так устал…

– Не умолкайте. Говорите. Что… как вас зовут?

– Виктор, – еле слышно прошептал он.

– Виктор. Отличное имя. Мне нравится. Чем вы занимаетесь, Виктор?

Он не ответил. Похоже, ему сейчас не до разговоров. Но молчать нельзя. Нельзя допустить, чтобы он потерял сознание. Она должна слышать его голос! Должна знать, что он жив, что он с ней! Если и эта, такая слабая ниточка оборвется, он может уйти от нее, провалиться в беспамятство и уже никогда не очнуться.

– Ладно. – Она произнесла это слово негромко и спокойно, заставляя себя держаться, не поддаваться панике, не срываться на крик. – Тогда я буду говорить. А вы молчите. Берегите силы. Но только слушайте, хорошо? Меня зовут Кэтрин. Кэти Уивер. Живу в Сан-Франциско. Округ Ричмонд. Знаете такой? – Ответа не последовало, но она почувствовала, как Виктор качнул головой. – Вот и хорошо. – Тишину нужно было чем-то заполнять, и Кэти продолжила: – Может, вы его и не знаете, но это не важно. Я работаю в одной независимой кинокомпании. Вообще-то компания принадлежит Джеку, моему бывшему мужу. Мы снимаем фильмы ужасов. Категории «Б». Однако кое-какую прибыль они приносят. Наш последний назывался «Рептилия». Я занималась гримом и спецэффектами. Вот уж настоящая жуть. Зеленая чешуя, слизь и все такое… – Она рассмеялась странным, чуть ли не истерическим смехом.

Нужно держать себя в руках.

Сбоку что-то мелькнуло, и Кэти снова бросила взгляд в зеркало. Огоньки фар едва виднелись за пеленой дождя. Несколько секунд она следила за красными точками, не зная, сказать о них Виктору или нет. Потом огоньки еще раз мигнули и пропали.

– Виктор? – негромко позвала Кэти. Он пробормотал что-то неразборчивое, но ей было достаточно и этого – значит, жив. «Только не давай ему отключиться», – напомнила себе Кэти, пытаясь придумать новую тему для разговора. Пустая болтовня, треп ради трепа, столь ценимые на киношных тусовках, никогда не были ее сильной стороной. Хорошо бы вспомнить какую-нибудь шутку, пусть даже глупую, но смешную. Не зря же говорят, что смех лечит. Помнится, ей где-то встретилась фраза, что под натиском комедий съеживается даже опухоль. «Ну конечно, – возразила себе Кэти, – ты только рассмеши его, и кровотечение остановится само собой».

В конце концов, так ничего и не придумав, она вернулась к той теме, что первой пришла на ум: к своей работе.

– Наш следующий проект намечен на январь. «Вурдалаки». Снимать будем в Мексике. Мне там не нравится – всегда жуткая жара, грим течет…

Кэти взглянула на Виктора, но он не отозвался – ни голосом, ни даже намеком на кивок, – и она, испугавшись, схватила его за руку, чтобы проверить пульс. Не тут-то было. Он засунул руку в карман ветровки, а когда Кэти потянула за локоть, отреагировал самым неожиданным образом: дернулся в сторону и даже попытался оттолкнуть ее.

– Виктор, все в порядке! – воскликнула она, отбивая его выпад и одновременно удерживая одной рукой руль. – Успокойтесь! Это же я, Кэти. Я всего лишь хочу вам помочь!

При звуке ее голоса сопротивление ослабло. Она почувствовала, как Виктор снова обмяк, привалился к спинке сиденья и даже опустил голову ей на плечо.

– Кэти, – с облегчением и как будто изумлением прошептал он. – Кэти…

– Правильно. Это я. – Она протянула руку, осторожно убрала упавшие на лицо мокрые волосы. Какие они, черные или русые? Совершенно неуместный вопрос тем не менее приобрел вдруг непонятную значимость. Виктор потянулся к ее руке. Пальцы сжали запястье с неожиданной силой. «Я с тобой, – словно говорили они. – Я жив, я дышу». Он прижался к ее ладони губами. Щетина небритого подбородка пощекотала кожу. Жест получился настолько нежный, что Кэти даже опешила.

Придя в себя, она переключила внимание на дорогу. Виктор снова затих, но его голова так и осталась на ее плече, и тепло его дыхания касалось ее волос.

Буря слабела. Ветер унялся, хотя дождь еще лил. Кэти добавила газу. Справа промелькнуло придорожное кафе, облезлая будка с одиноким фонарем. Свет на мгновение вырвал из темноты лицо Виктора. Кэти увидела только профиль: высокий лоб, нос с горбинкой, твердый, выдвинутый вперед подбородок. В следующую секунду их окутала тьма, и ее пассажир снова стал тенью. Но теперь она знала – это лицо останется с ней навсегда. Вглядываясь в темноту, Кэти видела перед собой четкий, словно выжженный в памяти профиль.

– Думаю, уже близко, – сказала она, обращаясь не столько к нему, сколько к себе. – Где кафе появилось, там и город должен быть. – Молчание. – Виктор? – Он опять не ответил. Прикусив губу, чтобы не поддаться панике, Кэти прибавила до пятидесяти пяти.

Кафе осталось далеко позади, а глаз фонаря все мигал и мигал в зеркале заднего вида. Странно, они ведь отъехали от него никак не меньше мили. Присмотревшись, Кэти поняла, что видит не один огонек, а два и что они движутся по шоссе. Фары. Уж не тот ли автомобиль, что шел за ними раньше?

Словно два близнеца-призрака, огоньки танцевали среди деревьев, потом вдруг пропали, растворились в темноте. А может, и вправду призрак, мелькнула шальная мысль. Будто зачарованная, не в силах оторваться от зеркала, она ждала, что они вот-вот материализуются, замигают, запрыгают между деревьями. И так засмотрелась, что едва не пропустила дорожный указатель.

«ГАРБЕРВИЛЬ население 5750

Заправка – Еда – Ночлег».

Еще через полмили сквозь противную морось пробился желтоватый свет фонаря. Мимо, но в противоположном направлении, пронесся грузовичок. Игнорируя требование ограничительного знака, она не стала сбрасывать скорость до тридцати пяти и даже еще немного придавила педаль газа. И где же полиция? Почему ее никто не останавливает?

Из ниоткуда выскочил указатель «Больница». Едва успев притормозить, Кэти повернула вправо. Еще четверть мили, и красный знак с надписью «Неотложная помощь» направил ее по дорожке к боковому входу. Оставив Виктора в машине, она ворвалась в отделение и подбежала к невысокой стойке, за которой сидела дежурная медсестра.

– Пожалуйста, помогите! У меня в машине человек…

Дежурная мгновенно поднялась и вслед за Кэти вышла на улицу. Для оценки ситуации ей хватило одного взгляда на бессильно поникшего Виктора.

На помощь им поспешил плотный здоровяк санитар, но и втроем справиться с пострадавшим получилось не сразу. Съехав с сиденья, Виктор зацепился за рукоятку ручного тормоза.

– Эй, мисс! – рявкнул санитар, обращаясь к Кэти. – Зайдите с другой стороны да отцепите его поскорей!

Кэти торопливо влезла на сиденье и только тут вспомнила, что именно эта рука у него повреждена. Она осторожно взяла его за локоть и потянула вверх. Не получилось. Мешал браслет, зацепившийся за

карман ветровки. Расстегнув браслет, Кэти наконец подняла раненую руку. Виктор застонал.

– Порядок! – кивнул санитар. – Теперь подтолкните его в нашу сторону, а мы тут подхватим.

Кэти подтолкнула, постаравшись сделать так, чтобы плечо и голова Виктора избежали контакта с торчащей рукояткой тормоза, потом пролезла сама и помогла погрузить пострадавшего на каталку. Санитар защелкнул крепления, и они вкатили носилки через распахнутые двери.

– Что случилось? – бросил через плечо санитар.

– Я сбила его… на дороге…

– Когда?

– Минут пятнадцать – двадцать назад.

– Вы быстро ехали?

– Миль тридцать пять в час.

– Он был в сознании, когда вы его нашли?

– Вначале – да, потом отключился.

– Рубашка в крови, – заметила медсестра. – И осколок стекла в плече.

Только теперь, на бегу, в резком свете ламп, Кэти смогла как следует рассмотреть лежащего на каталке мужчину. Худощавое, забрызганное грязью лицо, плотно сжатые губы, широкий лоб, спутанные светло-русые волосы. Их взгляды встретились, и он, приподнявшись, взял ее за руку:

– Кэти…

– Я здесь, Виктор.

Он сильно, до боли, сжал ее ладонь и, морщась от боли, прошептал:

– Я должен… должен сказать вам…

– Потом! – перебил санитар.

– Нет, подождите! – Он все еще держал ее за руку, словно от этого физического контакта зависело что-то важное. Боль мешала говорить, и на его лице прорезались страдальческие морщины.

Кэти не могла не откликнуться на этот отчаянный призыв.

– Да, Виктор, – прошептала она, склоняясь над ним и гладя по влажным волосам. – Что вы хотите сказать?

– Мы теряем время! – рявкнул санитар. – Закатываем в палату!

Носилки дернулись, и то звено, что соединяло их несколько коротких секунд, оборвалось. Двери распахнулись, и они оказались в жутком помещении из сверкающей стали и слепящего света. Виктора подняли с каталки и переложили на смотровой стол.

– Пульс сто десять, – сказала медсестра. – Давление восемьдесят пять на пятьдесят.

– Поставьте две капельницы, – распорядился врач. – Выясните группу крови. И вызовите хирурга. Нам может потребоваться помощь…

Треск голосов, металлический лязг ящичков, звяканье инструментов… Шум, деловитая суета… Позабытая всеми, оставшаяся в одиночестве у двери, Кэти с волнением и затаенным страхом наблюдала за тем, как медсестра взяла со столика нож и принялась резать окровавленную одежду. Мокрые, тяжелые полоски падали на пол, обнажая все больше и больше плоти. В конце концов от рубашки и ветровки не осталось ничего, а взгляду Кэти открылась широкая грудь, густо покрытая спутанными темными волосками. Для медиков лежащий на операционном столе был всего лишь еще одним объектом приложения сил, еще одним пациентом, жизнь которого им надлежало спасти. Для Кэти же он был живым, дышащим и страдающим человеком, успевшим стать близким за те последние, короткие и мучительные мгновения. Срезав одежду, медсестра быстро и ловко расстегнула ремень, решительно стащила брюки и трусы и бросила их на грязные лохмотья. В операционную уже спешили другие люди в халатах, и Кэти пришлось посторониться. Отступая, она не сводила глаз с левого плеча Виктора – из раны сочилась и стекала на стол свежая кровь. Вот почему он задрожал, когда она схватила его за плечо. Как же, должно быть, ему было больно!

К горлу подступил тошнотворный комок. Сдерживая приступ рвоты, Кэти отошла на несколько шагов и тяжело опустилась на ближайший стул. Несколько минут она сидела, не замечая общей суматохи, потом опустила голову и вздрогнула от ужаса, увидев на руках кровь.

– Вот вы где, – сказал кто-то рядом. Вышедшая из операционной медсестра, держала пакет с вещами пациента. – Нам нужно записать вашу фамилию и адрес – на случай, если у врачей возникнут вопросы. – Она кивком пригласила Кэти к столу. – Придется уведомить полицию. Вы им уже звонили?

Кэти покачала головой:

– Нет… Наверное, надо позвонить…

– Можете воспользоваться этим телефоном.

– Спасибо.

Трубку на другом конце сняли только после восьмого гудка. Ей ответил сонный, слегка хрипловатый голос. Похоже, в тихом Гарбервиле даже полиция не привыкла к ночным инцидентам. Выслушав Кэти, дежурный что-то записал и пообещал связаться с ней позже, после осмотра места происшествия.

Открыв бумажник Виктора, медсестра перебрала содержимое, отложила несколько карточек и принялась заполнять формуляр.

Имя: Виктор Холланд. Возраст: 41 год. Профессия: биохимик.

Ближайшие родственники: неизвестны.

Так вот, значит, как его зовут. Виктор Холланд. Кэти взяла из стопки карточек верхнюю. Судя по всему, это был пропуск на территорию какой-то компании. «Виратек». С маленькой цветной фотографии на нее смотрел сам Виктор – спокойное, серьезное лицо, твердый, прямо в камеру, взгляд зеленых глаз. Даже если бы она ни разу не видела это лицо, именно таким она бы его и представила – с этим неуступчивым выражением, с этим решительным взглядом. Она дотронулась до ладони в том месте, где он поцеловал ее.

– Что с ним? – тихо спросила Кэти. – Все ведь будет хорошо, да?

– Он потерял много крови, – не поднимая головы и продолжая писать, ответила медсестра. – Но думаю, выкарабкается – парень крепкий…

Кэти кивнула. Да, крепкий. Она хорошо помнила, как он, преодолевая боль, собрав остаток сил, шел к дороге. Да, такой выкарабкается.

Закончив писать, медсестра протянула ей ручку и листок:

– Пожалуйста, впишите внизу свое имя и адрес. На всякий случай. Возможно, от вас еще потребуется какая-то информация.

Кэти достала из сумочки записную книжку с адресом и телефоном Сары и переписала их на листок.

– Меня зовут Кэти Уивер. Вы сможете найти меня вот по этому адресу.

– Остановитесь в Гарбервиле?

– Я пробуду здесь три недели. Навещаю подругу.

– Да уж, не самое лучшее начало отпуска.

Кэти вздохнула и поднялась:

– Да, вы правы. Это ужасно.

Проходя мимо операционной, она на секунду задержалась. Там, за дверью, Виктор Холланд боролся за жизнь. В сознании ли он? Помнит ли ее? Ей почему-то было важно, чтобы помнил.

Кэти повернулась к медсестре:

– Вы позвоните мне? Я бы хотела знать… ну, как он…

– Хорошо. Не беспокойтесь, мы вам сообщим.

Кэти вышла на улицу. Дождь наконец-то прекратился, и в разрывах туч уже поблескивали звезды. Какая приятная картина для уставших глаз! Выезжая с парковочной площадки, она поймала себя на том, что дрожит от усталости. Наверное, из-за усталости Кэти не заметила ни автомобиля, припаркованного в тени на другой стороне улицы, ни вспыхнувшего и тут же потухшего огонька сигареты.

Глава 2

Уже через минуту после отъезда Кэти двойная дверь больницы распахнулась и в приемную, неся с собой свежие запахи бурной ночи, вошел мужчина. Дежурная медсестра еще заполняла бумаги на последнего пациента. Почувствовав дыхание сквозняка, она подняла голову и увидела у стойки незнакомца лет тридцати пяти, с суровым худощавым лицом и темными, слегка тронутыми сединой волосами. На дорогом светло-коричневом плаще поблескивали капли дождя.

– Я могу вам чем-то помочь, сэр? – спросила она, глядя в черные, блестящие, как камешки в пруду, глаза.

Незнакомец кивнул:

– Если не ошибаюсь, к вам поступил недавно пациент. Виктор Холланд.

Дежурная пробежала глазами по лежащему перед ней формуляру. Пациента звали Виктор Холланд.

– Да, поступил. А вы родственник?

– Брат. Как он?

– Его только что привезли, сэр, и как раз сейчас оперируют. Если подождете, я попробую узнать и… – Она не договорила – зазвонил телефон. Из лаборатории сообщили, что готовы результаты анализов. Записывая данные, медсестра краем глаза взглянула на незнакомца – тот отвернулся и смотрел на закрытую дверь приемной палаты. В этот самый момент дверь открылась, пропуская санитара с пухлым, перепачканным кровью пластиковым пакетом. В коридор выплеснулись встревоженные голоса:

– Давление сто десять на семьдесят!

– В операционной все готово.

– Где хирург?

– Едет. У него какие-то проблемы с машиной.

– Готовим к рентгену! Все по местам!

Дверь медленно закрылась, голоса еще звучали, но уже приглушеннее. Дежурная повесила трубку, а санитар положил пластиковый пакет на ее стол.

– Что это? – спросила она, поморщившись.

– Его одежда. Все в крови, рваное. Может, выбросить?

– Одежду я заберу, – вмешался человек в плаще. – Здесь все?

Санитар замялся, потом быстро взглянул на дежурную:

– Даже не знаю… может, ему и не понравится. Я к тому, что там все… э… грязное…

Дежурная кивнула:

– Мистер Холланд, с вашего разрешения от одежды мы избавимся сами. Ничего стоящего здесь нет, а все ценное я уже собрала. – Она выдвинула ящик и достала запечатанный конверт из плотной бумаги с ярлычком, на котором было написано: *«Холланд Виктор. Содержимое: бумажник, наручные часы».* – А вот это можете забрать. Только, пожалуйста, распишитесь в получении.

Мужчина кивнул и расписался – Дэвид Холланд.

– Скажите, Виктор в сознании? – спросил он, опуская конверт в карман. – Он что-нибудь говорил?

– Боюсь, что нет. Его привезли в полубессознательном состоянии.

Мужчина выслушал ее молча, без каких-либо комментариев, и это его молчание почему-то насторожило и встревожило медсестру.

– Извините, мистер Холланд. А как вы узнали, что ваш брат пострадал? Я, к сожалению, еще не успела известить родственников…

– Мне позвонили из полиции. Виктор вел мою машину. Ее обнаружили на обочине, разбитую.

– О! Какой ужас.

– Да, кошмар.

– Хорошо еще, что им удалось найти вас. – Она перебрала стопку бумаг и вытянула из нее нужный листок. – Будьте добры, ваш адрес и номер телефона. На случай, если нужно будет связаться с вами.

– Понимаю. – Мужчина взял листок, пробежал взглядом по строчкам, затем вписал свое имя и номер телефона в графу «Ближайшие родственники». – Кто такая Кэтрин Уивер? – Он ткнул пальцем в другую, самую нижнюю графу.

– Это женщина, которая привезла сюда вашего брата.

– Мне нужно поблагодарить ее. – Он положил листок на стол.

– Сестра?

Дежурная обернулась – в двери палаты стоял доктор.

– Да?

– Позвоните в полицию. Пусть пришлют кого-нибудь как можно скорее.

– Они только что звонили, доктор, и уже знают о несчастном случае…

– Позвоните еще раз. Это не несчастный случай.

– Что?

– Мы только что сделали рентген. У нашего пациента пуля в плече.

– Пуля? – Дежурная зябко поежилась, словно ночь дохнула на нее холодным ветром, и медленно повернулась к человеку в плаще, назвавшемуся братом Виктора Холланда. К ее полнейшему изумлению, его уже не было. Створки входной двери качнулись и замерли.

– И куда ж он подевался? – прошептал санитар.

Несколько секунд дежурная смотрела на закрытую дверь, потом, встрепенувшись, огляделась. Ни на столе, ни на полу ничего не было. Пакет с одеждой Виктора Холланда исчез.

– Снова из полиции? Почему?

Кэти медленно положила трубку, плотнее запахнула толстый махровый халат – ее все еще знобило – и, повернувшись, посмотрела через кухню на Сару:

– Тот мужчина на дороге… у него в плече нашли пулю.

Подруга, разливавшая в этот момент чай, удивленно вскинула голову:

– Хочешь сказать, в него кто-то стрелял?

Кэти молча подсела к столу, на котором уже стояла чашка с крепким чаем. После горячей ванны она еще целый час нежилась у камина, так что тревожное происшествие на дороге успело отступить в прошлое и вспоминалось только как тяжелый сон. Здесь, в светлой, уютной кухне с веселыми ситцевыми занавесками, ароматом корицы и еще каких-то специй, думать о переполняющем мир насилии не хотелось. Да и сам этот мир казался таким далеким…

Сара склонилась над подругой:

– Они знают, что случилось? Он что-нибудь сказал?

– Его только что прооперировали. – Кэти посмотрела на телефон. – Мне нужно позвонить в больницу…

– Не нужно. Ты уже сделала все, что только могла. – Сара положила руку ей на плечо. – Не забудь про чай, а то остынет.

Кэти убрала упавшую на глаза влажную прядку. Рука дрожала. В голову лезли беспокойные мысли. Пуля в плече? Откуда? Почему? И что это было? Стал ли Виктор случайной жертвой дорожного маньяка, пальнувшего из окна машины в абсолютно незнакомого человека? Или дело в другом? В газетах не раз писали о жестоких разборках на шоссе, когда точку в споре ставят, просто потянув за спусковой крючок.

А может быть, нападение было спланированным и убить хотели именно Виктора Холланда?

Снаружи что-то зашуршало и ударило в стену. Кэти вздрогнула и выпрямилась:

– Что это?

– Не пугайся, это не бука, – рассмеялась Сара и, подойдя к двери, протянула руку к засову.

– Подожди! – воскликнула, привставая, Кэти. – Не отпирай!

– Посмотри сама. – Сара отодвинула засов и распахнула дверь. Свет из кухни метнулся к навесу для автомобиля, под которым стояло несколько мусорных баков. Через подъездную дорожку, оставляя за собой след из пустых бумажных пакетов и оберток, метнулась и растворилась во мраке ночи какая-то тень. – Еноты. Приходится привязывать крышки, чтобы эти проказники не замусорили весь двор. – Из бака высунулась голова, два крошечных, мерцающих глаза злобно уставились на них. Сара хлопнула в ладоши. – А ну-ка убирайся! – Енот не испугался. – Тебе что, податься некуда? Дома нет? – Зверек спрыгнул наконец на землю и неторопливо затрусил к деревьям. – Смелеют год от году. Ничем их не проймешь, – вздохнула Сара и, закрыв дверь, подмигнула подруге. – Так что не волнуйся. Это тебе не город.

– Спасибо, что напомнила. – Кэти взяла кусочек бананового хлеба и пододвинула блюдечко со сладким маслом. – Знаешь, по-моему, провести Рождество здесь, с тобой, будет куда приятнее, чем со стариной Джеком.

– Угу. Ну, раз уж речь зашла о бывших… – Сара подошла к шкафчику, – самое время настроиться на правильный лад. И чай тут не поможет. – Она усмехнулась и помахала бутылкой бренди.

– Эй, ты же не собираешься пить?

– Я – нет. – Сара поставила на стол бутылку и бокал для вина. – А вот тебе промочить горло не помешает. Натерпелась за вечер да и продрогла. К тому же мы ведь собираемся поговорить о жалких созданиях, ошибочно именующих себя мужчинами.

– Ну, если ты так ставишь вопрос… – Кэти щедро плеснула в бокал из бутылки. – За мужчин, – провозгласила она. Бренди обожгло горло и раскатилось внутри приятной, теплой волной.

– И как старина Джек? – спросила Сара.

– Как всегда.

– Блондинки?

– Переметнулся на брюнеток.

– Неужели всех блондинок в мире хватило только на год?

Кэти пожала плечами:

– Ну, парочку он, может, и пропустил.

Они рассмеялись. Легко и непринужденно. И этот смех лучше всяких слов свидетельствовал, что старые раны понемногу зарастают, а мужчины перешли в разряд существ, которых можно обсуждать без боли и печали.

Кэти подняла бокал к свету, любуясь цветом напитка.

– Как думаешь, в мире еще остались настоящие парни? Может быть, хотя бы один еще болтается где-то, а? Бывают же мутации или что-то в этом роде? Всего-то и нужен один корявенький мужичонка.

– Один точно остался. Где-нибудь в Сибири. Но ему сильно за сотню.

– Мне всегда нравились парни постарше.

Они снова рассмеялись, но на этот раз уже не так весело, без прежней беспечности. Сколько же лет прошло с тех давних студенческих дней,

когда они точно и наверняка знали, что сказочные принцы еще не перевелись в этом мире.

Кэти допила бренди и поставила пустой бокал на стол.

– Что же я за подруга такая, а? Не даю спать беременной леди! Кстати, который час?

– Всего лишь половина третьего.

– Ох, Сара. А ну-ка марш в постель! – Кэти подошла к раковине и принялась смачивать бумажные полотенца.

– А ты что собираешься делать? – поинтересовалась Сара.

– Хочу немного почистить машину. У меня там кровь на сиденье осталась.

– Я ее уже отмыла.

– Что? И когда же ты успела?

– Пока ты принимала ванну.

– Сара, ты чем только думаешь, а?

– Успокойся, я же не развалилась? И выкидыша не случилось. Да, чуть не забыла… – Сара указала на лежащую на полке кассету с фотопленкой. – Нашла на полу в салоне.

Кэти со вздохом покачала головой:

– Это не моя – Хикки.

– Хикки? Вот уж на кого точно время тратить не стоит.

– Он мой добрый друг.

– Ну да, ни на что другое Хикки не годится. *Друг*. И что там, на пленке? Как всегда, голые девочки?

– Не знаю и знать не хочу. Когда я высадила его в аэропорту, он передал мне с полдюжины кассет и пообещал забрать по возвращении. Наверное, не хотел тащить с собой в Найроби.

– Так вот куда он намылился, в Найроби.

– Да, будет снимать, как он сам выражается, «роскошных африканских дамочек». – Кэти опустила кассету в карман халата. – Вывалилась, должно быть, из бардачка. Надеюсь, тут не порнография.

– Зная Хикки, я бы сказала, что, скорее всего, именно порнография.

Они снова рассмеялись. Какая ирония! Хикман фон Трапп, вся работа которого состояла в том, чтобы фотографировать обнаженных женщин в эротических позах, абсолютно не интересовался противоположным полом, за исключением разве что своей матери.

– А знаешь, Хикки только подтверждает правильность моего вывода, – бросила через плечо Сара, поднимаясь по лестнице к себе в спальню.

– Напомни, какого именно?

– Что в мире не осталось настоящих мужчин.

Из пучины беспамятства Виктора вытащил свет. Свет, который был ярче десятка солнц и который бил в сомкнутые веки. Приходить в себя Виктор не хотел – какая-то часть мозга, еще продолжавшая функционировать, предупреждала, что, очнувшись, вынырнув из благословенного забытья, он снова почувствует боль и тошноту и, что еще хуже, к нему снова вернется ужас. Ужас перед чем? Он не помнил. Перед смертью? Нет. Смерть уже стояла рядом, теплая, черная, уютная. Но ему еще нужно было что-то сделать. Что-то важное, нечто такое, о чем забыть он не мог себе позволить.

Пытаясь вспомнить, он напрягал память, но помнил только руку, нежную и одновременно сильную, касавшуюся его лба, и голос, проникавший к нему через тьму.

Меня зовут Кэтрин…

Вместе с ее прикосновением, ее голосом возвращался и страх. Не за себя – ведь он уже умер? – за нее. За Кэтрин, нежную и сильную. Он видел ее лицо лишь короткое мгновение и едва представлял его, но знал – оно прекрасно. Так слепой, обделенный даром зрения, знает, что прекрасны радуга, небо и лицо его ребенка. И теперь Виктор боялся за нее.

Где ты?

– Пациент приходит в сознание, – произнес женский голос (не Кэтрин – этот был слишком сухим и твердым), за которым зазвучали другие голоса.

– Осторожнее, капельница!

– Мистер Холланд, лежите спокойно. Все будет хорошо…

– Я же сказал, держите капельницу!

– Передайте мне второй пакет крови…

– Не двигайтесь, мистер Холланд…

Где ты, Кэтрин?

Крик как будто взорвался у него в голове. Тьма беспамятства манила, звала, и он, борясь с соблазном соскользнуть в ее теплые объятия, напрягся и попытался поднять веки. Сначала возникли свет и краски, такие яркие, такие резкие, что боль, воткнувшись иголками в глаза, впилась в мозг. Потом мутное пятно начало рассеиваться, в нем проступили контуры лиц, какие-то странные фигуры в голубом. Незнакомые люди озабоченно смотрели на него сверху. Он попытался сфокусировать зрение, но желудок отозвался на это усилие недовольным спазмом.

– Спокойно, мистер Холланд. Полегче, – произнес негромко грубоватый голос. – Вы в больнице. В послеоперационной палате. Вам только сделали операцию на плече. Теперь вам нужно отдохнуть, поспать…

«Нет, нет, мне нельзя спать», – попытался сказать он.

– Введите ему пять миллиграммов морфина, – распорядился кто-то, и Виктор почувствовал, как теплая струйка поползла вверх по руке и растеклась по груди.

– Это должно помочь, – донесся до него тот же грубоватый голос. – А теперь – засыпайте. Все прошло хорошо… просто замечательно…

«Вы не понимаете, – хотел крикнуть он. – Я должен предупредить ее…» Сознание померкло, и свет снова поглотила мягкая, неслышно подкравшаяся тьма.

Лежа одна на широкой кровати, Сара улыбалась. Нет, смеялась! Смех переполнял ее. Хотелось петь и танцевать. Встать перед распахнутым окном и кричать от радости! Врачи объясняли – это все гормональное, этот химический взрыв, эта эмоциональная встряска. Сара знала, что должна отдохнуть, что нужно научиться быть спокойной и безмятежной,

но сегодня она совсем не устала. Бедняжка Кэти едва доплелась до своей спальни наверху. А ей, Саре, совсем не хотелось спать.

Она закрыла глаза и направила мысли на ребенка, еще не родившегося, еще дремлющего внутри ее. «Как ты там, любовь моя? Ты спишь? Или слушаешь меня? Слушаешь мои мысли?»

Ребенок заворочался, потом снова затих. Это был его ответ, его тайное послание, понятное только им двоим. Сара даже радовалась, что у нее нет мужа, который отвлекал бы ее от этого бессловесного общения, который лежал бы сейчас рядом, злясь и ревнуя, чувствуя себя чужаком, лишним. Есть только мать и дитя, древнейшая в мире связь, мистические узы.

«Бедная Кэти». Волна радости отступила, а следующая за ней принесла печаль. Сара переживала за подругу, зная, как сильно Кэти хочет ребенка. Увы, время лишило ее такого шанса. Романтическая натура, Кэти не понимала, что обстоятельства могут так и не сложиться, а мужчина всегда способен подвести. Целых десять лет понадобилось ей, чтобы осознать, что брак не удался. А ведь она так старалась, чтобы все получилось. Пыталась даже не замечать очевидного – явных, лезущих в глаза недостатков Джека, в первую очередь его непомерного себялюбия. Поразительно, что женщина столь умная и проницательная тянула так долго, откладывая решительный шаг. Ничего не поделаешь, такова Кэти. Она и в тридцать семь откровенна, доверчива и верна – ну просто до идиотизма.

Ее внимание привлек долетевший снаружи звук, словно кто-то ступил на посыпанную мелкой галькой подъездную дорожку. Сара замерла и прислушалась. Сначала ничего, только знакомое поскрипывание деревьев да постукивание веток по крыше. Потом звук повторился – будто камешки разлетелись по дорожке. И едва слышный металлический скрежет. Опять эти еноты. Если не прогнать – к утру разбросают весь мусор.

Сара со вздохом села, ощупью отыскала шлепанцы и, не включая света, тихонько вышла из спальни и спустилась по лестнице вниз, в кухню. Ночь была слишком тиха, чтобы тревожить ее светом, и потому Сара не стала включать лампу под навесом, а взяла фонарик, лежавший на привычном месте на полке, и отодвинула засов.

За тонкой, рваной пеленой облаков мерцала луна. Сара направила луч на мусорные ящики, но ни разбросанных бумажек, ни затаившихся зверьков он не нашел. Странно. Не зная, что и думать, она прошла к навесу через двор и остановилась возле «датсуна», на котором приехала Кэти.

Вот тогда-то она и заметила в салоне слабое свечение, а присмотревшись, увидела, что бардачок почему-то открыт. Сначала Сара подумала, что крышка упала сама или, может быть, Кэти просто забыла ее закрыть, но в следующий момент заметила расстеленную на переднем сиденье дорожную карту.

Налетевший вдруг страх зашипел в уши. Сара попятилась, отступила, но ужас сковал тело, и ноги сделались ватными. Лишь тогда она ощутила присутствие поблизости кого-то еще, чужака, притаившегося в темноте. Она чувствовала его так же явственно, как прохладное дыхание ночи.

Сара повернулась к дому, и в этот момент луч фонарика, разрезав дрожащей дугой темноту, выхватил из мрака мужское лицо. Выхватил и застыл на нем. Смотревшие на Сару черные глаза напоминали гладкие, отшлифованные рекой камешки. Другие детали лица – хищный нос, тонкие, бескровные губы – она отметила лишь мельком. Все внимание притягивали глаза. Глаза человека, у которого нет души.

– Привет, Кэтрин, – прошептал он, и она услышала в его голосе зов смерти.

«Пожалуйста! – хотела крикнуть Сара, почувствовав, как он схватил ее сзади за волосы и потянул голову, обнажая шею. – Отпустите! Позвольте мне жить!»

Но с губ ее не сорвалось ни звука. Слова так и застряли в горле, остановленные острым лезвием.

Кэти проснулась от пронзительного писка ссорящихся за окном голубых соек. Трепет крыльев за окном, драчливая, какая-то маниакальная суета пернатых соперниц… Она невольно улыбнулась. Как же все это не похоже на привычный утренний рев автобусов и гул автомобилей. Птахи перелетели на крышу, где соперничество продолжилось – теперь Кэти слышала, как коготки царапают по доскам. Казалось, сойки исполняют некий боевой танец. Некоторое время она следила за их перемещением с одной стороны крыши на другую, потом перевела взгляд на окно.

Солнечный свет заполнял комнату мягкой золотистой дымкой. Идеальное помещение для детской! Она уже представляла, что сделает здесь Сара, какие внесет изменения – повесит яркие занавески, акварели с животными. Счастливо улыбаясь, Кэти села, вздохнула и посмотрела на стоящие на прикроватной тумбочке часы – половина десятого! Так и утро пройдет!

Выбравшись из-под теплого одеяла, Кэти открыла чемодан и, порывшись в вещах, достала свитер и джинсы. Одевалась она под непрекращающийся птичий щебет – теперь сойки перекочевали на дерево. Некоторое время они еще прыгали с ветки на ветку, потом одна, признав поражение, вспорхнула, словно выбросила белый флаг, и улетела. Победительница, чье превосходство никто больше не оспаривал, пискнула еще раз и принялась прихорашиваться.

И только тогда Кэти обратила внимание на тишину, полное безмолвие дома, молчание, усиливавшееся с каждым ударом сердца, с каждым вдохом.

Выйдя из комнаты, она спустилась по ступенькам и остановилась на пороге пустой гостиной. На каминной решетке еще лежала остывшая горка золы. С новогодней елки свисала серебристая гирлянда. На полке замер картонный ангел с блестящими крылышками. Кэти повернулась и, пройдя по коридору, заглянула в комнату Сары. Никого. Только неубранная постель да отброшенное одеяло.

– Сара?

Голос проглотила тишина. Коттедж вдруг показался не просто большим, а огромным. Она вернулась в гостиную, прошла в кухню. В раковине – две чайные чашечки. Так и остались со вчерашнего вечера. Дверь была открыта, и на подоконнике подрагивала ветка спаржи.

Переступив порог, она направилась к навесу, под которым стоял старенький «додж» подруги.

– Сара?

На крыше что-то зашуршало. Кэти вздрогнула, вскинула голову и… рассмеялась – на дереве бойко щебетала голубая сойка. Похоже, победитель оповещал всех о своем триумфе. Что ж, даже в птичьем царстве свои уловки.

Она уже повернулась было к дому, когда взгляд скользнул по бурому пятну на гальке под задним колесом машины. Несколько секунд Кэти растерянно смотрела на него, не понимая, что оно может значить, потом медленно двинулась в обход «доджа».

Шаг… еще шаг… еще… Она подняла голову. Ржавый след вел к дорожке, и там этот высохший ручеек заканчивался алой лужицей, в которой лежала…

Победная песня сойки оборвалась – к деревьям метнулся другой звук. То был пронзительный, полный ужаса вопль Кэти.

– Мистер… Эй, мистер.

Виктор попытался отгородиться от надоедливого звука, но тот бился и бился в ухо, как настырная муха.

– Мистер… Эй, мистер. Вы очнулись?

Он открыл глаза и, морщась от боли, сфокусировал взгляд на сухощавом лице с торчащими седыми бакенбардами. Привидение ухмыльнулось, явив пустой, беззубый рот. «Я умер и попал в ад», – подумал Виктор.

– Эй, мистер, сигаретка найдется?

Виктор покачал головой и едва слышно прошептал:

– Сомневаюсь.

– Ну тогда хоть доллар занять можно?

– Отвали, – прохрипел Виктор, щурясь от яркого дневного света. Он попытался вспомнить, где находится, но голова болела, а нудный голос не давал сосредоточиться.

– Да, здесь сигареткой не разживешься. Как в тюрьме. Я бы встал да ушел, но, знаешь, на улице сейчас холодно. Опять же дождь всю ночь лил. Не будь тут теплее…

Дождь всю ночь… В голове как будто щелкнуло, и Виктор вспомнил. Дождь. Лес. И он бежит… через лес… под дождем…

Виктор открыл глаза:

– Где я?

– Палата номер три. Территория злобных гадин.

Он попытался сесть и едва не задохнулся от боли. В глазах помутилось. Он зацепился взглядом за металлическую стойку с пластиковым пакетом, наполовину заполненным какой-то жидкостью, медленно капающей в длинную прозрачную трубку, которая шла к его руке. Левое плечо было перебинтовано. За окном светило солнце.

– Который час?

– Не знаю. Наверное, часов девять. Завтрак вы пропустили.

– Мне нужно уйти отсюда. – Виктор спустил с кровати ноги и обнаружил, что, кроме дешевого больничного халата, на нем ничего нет. – Где моя одежда? Бумажник?

Старик пожал плечами:

– Сестра должна знать. Вы у нее спросите.

Кнопка вызова нашлась под простыней. Нажав ее несколько раз, Виктор начал отдирать пластырь, фиксировавший на руке трубку от капельницы.

Дверь с тихим шипением открылась, и женский голос рявкнул:

– Мистер Холланд! Вы что это себе позволяете?

– Ухожу отсюда, вот что я делаю, – ответил он, отбрасывая комочек пластыря. А вот вытащить из вены трубку не удалось – медсестра, метнувшись к кровати, накрыла катетер марлевым тампоном.

– Я ни при чем, мисс Редферн! – завопил старик.

– Марш в постель, Ленни! Живо! А что касается вас, мистер Холланд… – Она пронзила Виктора суровым взглядом. – Предупреждаю, вы потеряли слишком много крови.

– Верните мне одежду.

– Не спорьте, мистер Холланд. Вам придется остаться.

– Почему?

– Потому что у вас капельница, вот почему! – рявкнула мисс Редферн, надежно закрепляя трубку.

– Мне нужна моя одежда! – требовательно повторил он.

– Нам никакую одежду не присылали. Надо в неотложке спросить.

– Ну так спросите! Позвоните им, черт возьми! – Медсестра неодобрительно нахмурилась, и Виктор, скрипнув зубами, с натянутой вежливостью добавил: – Пожалуйста, если вам не трудно.

Прошло еще полчаса, прежде чем появившаяся в палате женщина объяснила, что случилось с его одеждой.

– Боюсь, мы… э… да… потеряли вашу одежду, мистер Холланд, – явно нервничая под его удивленным взглядом, призналась она.

– То есть как «потеряли»? Что это значит?

– Ваша одежда… – женщина замялась, – ее украли. Из отделения неотложной помощи. Поверьте мне, ничего подобного у нас раньше не случалось. Нам очень, очень жаль, мистер Холланд. Но уверяю вас, мы все возместим… купим вам другую одежду…

Слишком озабоченная поиском выхода из неприятной ситуации, она не заметила, как изменилось лицо пациента. События минувшего вечера смешались в памяти в беспорядочный клубок. Дергая за ниточки неясных, обрывочных воспоминаний, он пытался понять, что же случилось с фотопленкой. Да, кассета была с ним, пока они ехали в больницу. Лежала в кармане ветровки. Виктор помнил, что все время держал ее в кулаке. Помнил, как отмахнулся и едва не ударил свою спасительницу, когда она попыталась вытащить его руку из кармана. Но что было потом? Дальнейшее слилось в неясное пятно.*Неужели я потерял кассету? Неужели я потерял свою единственную улику?*

– …Деньги пропали, но ваши кредитные карточки, похоже, на месте, так что все не так уж и плохо.

Он непонимающе посмотрел на нее:

– Что? Что вы говорите?

– Я говорю о ваших личных вещах, мистер Холланд. – Женщина указала на бумажник и часы, которые только что положила на прикроватный столик. – Охранник нашел их в урне во дворе. Похоже, вора интересовали только наличные.

– Да. И моя одежда.

Как только она вышла, Виктор тут же нажал кнопку вызова. Мисс Редферн появилась буквально тут же – с заставленным едой подносом.

– Поешьте, мистер Холланд. Вы так нервничаете, а может, дело всего только в гипогликемии.

– В неотложку меня привезла какая-то женщина. Ее зовут Кэтрин. Мне нужно найти ее.

– Ну вот! Вы только посмотрите, что у нас тут. Яичница и «райе криспиз». Вот ваша вилка. Берите-ка да…

– Мисс Редферн! Вы можете забыть на минуту об этих чертовых хлопьях!

– А вот чертыхаться не надо! – Мисс Редферн решительно водрузила поднос на столик.

– Мне необходимо найти эту женщину!

Не говоря ни слова, мисс Редферн развернулась и, приняв обиженный вид, промаршировала к двери. Вернувшись через несколько минут, она протянула ему листок, на котором рядом с именем Кэтрин Уивер был указан местный адрес.

– Вы уж завтракайте побыстрее. Вас там полицейский дожидается. Хочет поговорить.

– Ладно, – проворчал он, поддевая вилкой кусочек холодной, застывшей, похожей на резиновую яичницы и отправляя его в рот.

– А еще звонили из ФБР. Их человек уже едет сюда.

Виктор нервно вскинул голову:

– Человек из ФБР? Как его имя?

– Господи, да откуда ж мне знать! – Она пожала плечами. – Вроде бы что-то польское.

Виктор кивнул и медленно опустил вилку.

– Половски, – негромко сказал он.

– Вроде бы так, Половски. – Мисс Редферн повернулась и, качая головой, вышла из палаты. – ФБР… надо же, – проворчала она. – Интересно, что такое надо натворить, чтобы тобой заинтересовалось ФБР?

Дверь еще не закрылась, а Виктор уже вскочил с кровати и, сорвав тампон, вытащил из вены трубку. Боли он даже не почувствовал – мысли были заняты другим. Как можно скорее, пока здесь не появился Половски, выбраться из больницы. Виктор не сомневался, что именно фэбээровец подставил его прошлым вечером. Второй попытки им дать нельзя.

Он повернулся к соседу по палате:

– Ленни, где ваша одежда?

Старик неохотно указал на шкаф возле умывальника:

– Там. Только другой у меня нет. Да она вам и не подойдет, мистер…

Виктор распахнул дверцу. Достал поношенную, с бахромой на рукавах хлопчатобумажную рубашку, мешковатые штаны из полиэстера. Штаны оказались коротковаты, так что из-под манжет торчали добрых шесть дюймов волосатых ног, но такая мелочь Виктора не смутила. Он решительно затянул ремень. Настоящей проблемой могла стать обувь, слишком маленького для него размера. К счастью, в шкафу нашлись шлепанцы. Правда, пятки выступали на целый дюйм, но жаловаться не приходилось – все лучше, чем босиком.

– Эй, они же мои! – запротестовал Ленни.

– Вот. Можете взять. – Виктор бросил старику часы. – Сдадите в ломбард – обновите весь гардероб.

С сомнением посмотрев на часы, Ленни поднес их к уху:

– Хлам. Они ж даже не тикают.

– Потому что кварцевые.

– А… Ну да. Я так и подумал.

Виктор положил в карман бумажник, подошел к двери и, приоткрыв ее, выглянул в коридор. В одном его конце находился пост дежурной медсестры, другой заканчивался дверью с предостерегающей надписью: «Запасной выход. Снабжен сигнализацией».

Выскользнув в коридор, он неторопливо, с трудом сдерживаясь, чтобы не побежать, направился к запасному выходу. До двери оставалось несколько шагов, когда его догнал знакомый голос, эхом разлетевшийся по пустому коридору:

– Мистер Холланд! Немедленно вернитесь в палату!

Он метнулся к спасительному выходу, врезался в дверь, выскочил на лестницу и помчался вниз по бетонным ступенькам, оставляя за собой гулкое эхо. К тому времени как мисс Редферн добралась до запасного выхода, Виктор уже достиг первого этажа и летел к последней двери, отделявшей его от свободы.

– Мистер Холланд! – завопила медсестра.

Ее крик еще бился в ушах, когда он, выскочив во двор, помчался через парковочную площадку.

Пройдя восемь кварталов, Виктор зашел в «Кей-март» и уже через десять минут обзавелся рубашкой, джинсами, бельем, носками и теннисными туфлями, заплатив за покупки кредитной карточкой. Старая одежда Ленни отправилась в мусорный ящик.

Прежде чем выйти из магазина, он посмотрел в окно. Ничего особенного. Обычное декабрьское утро провинциального городка. Протянутые через улицу безвкусные рождественские гирлянды. Неспешно прогуливающиеся горожане. Полдесятка автомобилей на перекрестке, терпеливо дожидающиеся, когда погаснет красный. Виктор уже шагнул к двери, когда заметил выезжающую из-за угла полицейскую машину. Отступив за стоящий в витрине голый манекен, он проводил взглядом автомобиль, который, миновав «Кей-март», продолжил движение в направлении больницы. Похоже, полицейские кого-то искали. Уж не его ли?

Прогулка по Мейн-стрит оборачивалась слишком рискованным предприятием. Неизвестно, кто еще, кроме Половски, вовлечен в их грязную игру.

Прошло не меньше часа, прежде чем Виктор добрался до окраины. За этот час он так устал, что едва держался на ногах. Прилив сил, вызванный выброшенной в кровь дозой адреналина и помогший сбежать из больницы, давно ушел. Чувствуя, что свалится, если сделает еще хотя бы шаг, Виктор опустился на камень у шоссе и без особой надежды поднял руку. Ему повезло – остановилась первая же машина, груженный дровами пикап. Забравшись в кабину, он благодарно кивнул и рухнул на продавленное сиденье.

Водитель сплюнул в окно и, посмотрев на попутчика из-под козырька бейсболки с логотипом популярного сельскохозяйственного кооператива, спросил:

– Далеко путь держишь?

– Нет, тут рядом. Оук-Хилл-роуд.

– Понятно. Как раз буду проезжать мимо. – Вывернув на дорогу, водитель дал газу, и грузовичок, устало чихнув черным дымом, покатил по шоссе под рвущиеся из динамика звуки кантри.

Сквозь гитарные переборы пробился резкий, пронзительный звук. Виктор вздрогнул. Сирена. Обернувшись, он увидел догоняющую их

сзади патрульную машину. «Вот и все. Они меня нашли. Сейчас остановят пикап… арестуют…»

Но за что? За то, что ушел из больницы? За оскорбление мисс Редферн? Или Половски уже сочинил обвинение посерьезнее?

С чувством полной безысходности Виктор снова откинулся на спинку сиденья, ожидая, когда патрульный автомобиль догонит их и подаст сигнал остановиться. Он настолько уверовал в собственный прогноз, что даже удивился, когда машина с мигалкой пронеслась мимо.

– Должно быть, что-то случилось, – проворчал водитель, кивая вслед быстро удаляющемуся автомобилю.

– Думаете, случилось? – Виктор облегченно перевел дыхание.

– Не иначе. Просто так они с сиреной не раскатывают, но раз уж включили, значит, что-то случилось. Ух ты, неужто и по городу с ней пролетят!

Сердце еще колотилось о ребра. «Успокойся, – приказал он себе. – Расслабься». Беспокоиться не о чем. Полиция ищет не его – у них, похоже, других забот хватает. Интересно, какая катастрофа постигла городок, что они так всполошились? Скорее всего, какие-нибудь подростки угнали чью-то машину.

К повороту на Оук-Хилл-роуд пульс уже вернулся в норму. Виктор поблагодарил хозяина пикапа, вышел и огляделся. И где же дом Кэтрин Уивер? Оказалось, идти нужно еще довольно далеко. Путь лежал через сосновую рощу. Ориентироваться помогали вынесенные к дороге почтовые ящики. За деревьями просматривались дома.

Только вот что он ей скажет? До сих пор главной целью было добраться до ее дома, теперь предстояло придумать убедительное объяснение неожиданного визита. Ради чего он сорвался с больничной койки и притащился в такую даль? Только для того, чтобы поблагодарить? «Спасибо, вы спасли мне жизнь». Нет, такой вариант не пройдет. Ему нужна кассета с фотопленкой. Но если спросить напрямую, она, разумеется, поинтересуется, что такого важного на этой чертовой пленке.

«Ты можешь сказать правду».

Нет, нельзя. Только не это. Нетрудно представить, какой будет ее реакция, когда он заведет рассказ о вирусах, погибших ученых и ведущих

двойную игру фэбээровцах. «Так вас ищет ФБР? Понятно. И кто же еще гонится за вами, мистер Холланд?»

Абсурд. Бред параноика. Он и сам поднял бы на смех того, кто выступил бы с подобными заявлениями. Нет, с такими откровениями недолго снова оказаться в больнице, только теперь уже в другой палате. Такой, в сравнении с которой та, где он был, покажется раем.

Правду ей знать не обязательно. Это в ее же интересах. Кэтрин Уивер спасла ему жизнь, и он не станет подвергать женщину опасности. Все, что ему нужно, – это получить у нее кассету с пленкой. И больше она его не увидит.

Репетируя будущий разговор с Кэтрин Уивер, Виктор заметил полицейские машины только тогда, когда прошел последний поворот. Прошел и замер. Перед грубоватым, сложенным из кедра коттеджем стояли три патрульные машины – вероятно, весь автомобильный парк полиции Гарбервиля. Неподалеку, на посыпанной гравием подъездной дорожке, собралось с полдюжины соседей. Люди негромко переговаривались и качали головами. Неужели с Кэтрин что-то случилось?

Справившись с первым порывом – повернуться и бежать, – Виктор прошел мимо автомобильного кордона, обогнул толпу зевак и чуть не наткнулся на вставшего перед ним полицейского.

– Извините, сэр. Дальше мы никого не пускаем.

Ошеломленный, Виктор огляделся и увидел, что полиция уже растянула по периметру красную ленту. Взгляд его скользнул к навесу, у которого стоял старенький «датсун». Чья это машина? Кэтрин? Он попытался вспомнить марку ее автомобиля, но от прошлой ночи остались только темнота и боль, в которых потерялось все остальное. Судя по тому, что ноги постоянно во что-то упирались, модель была компактная. Присмотревшись, Виктор заметил на заднем бампере выцветший парковочный стикер: «Парковка разрешена, киностудия, площадка А».

«Я работаю в независимой кинокомпании».

Значит, машина ее.

Взгляд остановился на ржавом пятне у заднего колеса «датсуна». Сомневаться в его происхождении не приходилось – Виктор сразу понял, что это засохшая кровь, – но сердце отказывалось верить, и он пытался придумать какое-то другое объяснение и страшному пятну, и не предвещающему ничего хорошего присутствию полиции.

Из горла вырвалось что-то похожее на сухой скрежет камней.

– Вы что-то сказали, сэр? – спросил полицейский.

– Что… что случилось?

Полицейский покачал головой:

– Прошлой ночью здесь убили женщину. В наших краях первое убийство за десять лет.

– Убийство? – Виктор никак не мог отвести глаза от залитой кровью гальки. – Но… почему?

Полицейский пожал плечами:

– Пока еще неизвестно. Возможно, ограбление, хотя взять было особенно нечего. – Он кивнул в сторону навеса. – Взломана только машина.

Виктор не помнил, ответил что-то или нет. Мысли смешались. Ноги сами понесли его назад, к дороге – мимо зевак, мимо полицейских машин… Яркое солнце слепило глаза. Он не видел, куда идет, и ничего вокруг не замечал, но это было не важно.

«Я убил ее. Она спасла мне жизнь, а я убил ее…»

Горло перехватило так, что он не мог дышать. Каждый шаг отдавался болью. Добравшись до дороги, Виктор остановился и долго стоял на обочине – опустив голову, молча оплакивая женщину, которую никогда раньше не знал. Сияло солнце, трещали на ветках сойки, а он все стоял, скорбя по той, которую не знал.

Когда боль наконец отпустила, и он смог поднять голову, его глаза горели гневом. Кэтрин погибла, и в ее смерти виновны двое: убийца и тот, кто навлек на нее смертельную опасность. Убийца явился за пленкой и, вероятно, нашел ее в «датсуне», потому что если бы не нашел, то обшарил бы и дом.

И что теперь? В разбитой машине остался кейс с другими уликами, но разыскивать его бессмысленно – туда киллер заглянул в первую очередь. С потерей фотопленки у него не осталось никаких улик. Выступать против «Виратека» с голословными обвинениями бессмысленно – газеты не поверят, посчитав, что им движет желание отомстить бывшим работодателям. После предательства Половски нельзя доверять и ФБР.

Вспомнив о Половски, Виктор прибавил шагу. Из Гарбервиля надо убираться как можно скорее. Поймать попутку и уехать подальше. В какое-нибудь безопасное место. Туда, где можно спокойно, не торопясь, обдумать следующий шаг.

Пожалуй, лучше всего на юг. В Сан-Франциско.

Глава 3

Стоя у окна своего офиса, Арчибальд Блэк видел, как проплывший по длинной подъездной дорожке лимузин остановился перед главным входом. Блэк презрительно фыркнул. Ковбой вернулся в город, черт бы его побрал. И надо же, после стольких разглагольствований о важности соблюдения режима секретности, о необходимости сохранить этот визит в тайне идиот не придумал ничего лучше, как заявиться в лимузине. Да еще наверняка и с шофером в форме.

Отвернувшись от окна, Блэк прошел к столу. Презирая в душе нынешнего гостя, он не мог не признать, что испытывает в его присутствии беспокойство. Груда мускулов и слишком мало мозгов. Уж больно много власти забрали эти придурки, любящие называть себя людьми действия. А разве не такие управляют и всей страной?

Зазвенел интерком – секретарша.

– Мистер Блэк? К вам мистер Тайрон.

– Просите.

Когда дверь открылась и в кабинет вошел Мэтью Тайрон, лицо мистера Блэка выражало уже не презрение, а вежливое почтение.

Мужчины обменялись рукопожатиями. Гость сжал тонкую, сухую ладонь старика, будто желая показать, за кем тут сила. Все в нем выдавало отставного морпеха, и только располневшая талия свидетельствовала о том, что дни военной службы остались далеко позади.

– Как долетели? – осведомился Блэк, когда оба, хозяин и гость, сели напротив друг друга.

– Обслуживание на борту отвратительное. Эти коммерческие рейсы, скажу я вам, совсем не те, что были когда-то. И за что только платят американцы.

– Полагаю, никакого сравнения с бортом номер один.

Тайрон улыбнулся:

– Что ж, перейдем к делу. Расскажите мне, что тут и как. Насколько я понимаю, у вас тут небольшой кризис.

«У вас, – подумал Блэк. – Значит, теперь это уже моя проблема». Разумеется. Эти люди никогда и ни в чем не ошибаются. Если что-то идет не так, виноватым всегда оказывается кто-то другой. В случае утечки полетит, конечно, его, Блэка, голова. В то же время он сам – и в его лице «Виратек» – прекрасно понимал, какую ответственность берет на себя и чем рискует. Но уж очень соблазнительным было предложение. От таких контрактов не отказываются.

– Документы мы вернули. Фотопленки тоже. Негативы сейчас проявляют.

– А двое ваших служащих?

Блэк осторожно откашлялся.

– Необходимости в дальнейших шагах нет.

– Они – угроза национальной безопасности.

– Ну нельзя же их просто убить!

– Нельзя? Неужели? – Холодные глаза Тайрона отливали стальным блеском. Подходящие глаза для человека, называющего себя Ковбоем. С тем, у кого такой взгляд, спорить может только тот, кто начисто лишен инстинкта самосохранения.

Блэк почтительно кивнул.

– Я не занимаюсь такого рода… бизнесом. И мне не нравится вести дела с этим вашим Сэвичем.

– Мистер Сэвич уже работал на нас раньше и всегда хорошо справлялся.

– Он убил одного из моих лучших сотрудников!

– Полагаю, так было нужно.

Блэк опустил голову. При одной лишь мысли об этом чудовище Сэвиче его бросало в дрожь.

– А теперь объясните, что случилось с Мартиником? Почему он вдруг сорвался?

«Потому что у него была совесть», – подумал Блэк, хмуро взглянув на Тайрона.

– Все произошло неожиданно. Мартиник десять лет работал в нашем исследовательском отделе, и никаких проблем с ним не было. На прошлой неделе выяснилось, что он вынес секретные документы. Вот тогда в дело оказался замешанным и Виктор Холланд…

– Холланду много известно?

– К проекту Холланд отношения не имел. Но он умен. Если видел документы, мог вычислить, о чем идет речь.

Теперь заволновался и Тайрон:

– Расскажите мне о Холланде. – Он побарабанил пальцами по столу. – Что вы о нем знаете?

– Я просмотрел его личное дело. Сорок один год. Родился и вырос в Сан-Диего. Поступил в семинарию, но через год ушел. Потом учился в Стэнфордском университете и Массачусетском технологическом институте. Имеет докторскую степень по биофизике. В «Виратеке» работает четвертый год. Один из самых многообещающих наших исследователей.

– Личная жизнь?

– Жена умерла три года назад от лейкемии. Сейчас у него никого нет. Живет один. Человек спокойный, любит классический джаз. Играет на саксофоне в какой-то любительской группе.

Тайрон рассмеялся:

– Типичный зануда. У вас ведь большинство таких.

Реплика в духе тупого морпеха, неприязненно подумал Блэк. Ни на что другое ума не хватает. Десять лет назад он сам создал «Виратек нндастриз». Для него, ученого-биохимика, пусть и бывшего, комментарий Тайрона был почти прямым оскорблением.

– Что ж, значит, избавиться от такого будет нетрудно, – продолжал гость. – Опыта никакого. Да и напуган, наверное. – Он потянулся за кейсом. – Мистер Сэвич – эксперт в подобного рода вопросах. Считаю, вам следует поручить ему решить эту проблему.

– Конечно. – По правде говоря, ничего другого, как согласиться, ему и не оставалось. Николас Сэвич представлял собой темную, пугающую силу,

которая, будучи выпущенной на свободу, становилась абсолютно неконтролируемой.

Снова ожил интерком.

– Здесь мистер Грегорьян из фотолаборатории, – сообщила секретарша.

– Пусть войдет. – Блэк взглянул на Тайрона. – Пленку проявили. Давайте посмотрим, что успел сфотографировать Мартиник.

Грегорьян вошел в кабинет с пухлым конвертом.

– То, что вы просили, – сказал он и, положив на стол перед Блэком конверт, прикрыл ладонью рот, сдерживая звук, подозрительно похожий на смех.

– Что такое, мистер Грегорьян? – недовольно осведомился Блэк.

– Ничего, сэр.

Блэк вытряхнул из конверта пять фотографий и разложил их на столе для всеобщего обозрения. Гость привстал.

Несколько секунд все молчали. Тишину нарушил Тайрон:

– Это что, шутка?

Грегорьян рассмеялся.

– Что это? – сердито спросил Блэк.

– Печать с тех негативов, что вы, сэр, сами мне дали, – объяснил Грегорьян. – Я лично с ними работал.

– Хотите сказать, что это и есть те фотографии, которые вы забрали у Холланда? – с обманчивой мягкостью поинтересовался Тайрон и, не сдержавшись, взревел: – Фотографии с голыми женщинами?

– Это какая-то ошибка, – заволновался Блэк. – Не та пленка…

Грегорьян уже хохотал.

– Прекратите! – рявкнул Блэк и посмотрел на Тайрона: – Не понимаю, что случилось, но…

– Значит, нужная нам пленка все еще где-то там?

Блэк устало кивнул.

Тайрон потянулся к телефону.

– Необходимо провести полную зачистку. И быстро.

– Кому вы звоните? – спросил Блэк.

– Тому, кто сделает все как надо, – проворчал Тайрон, набирая номер. – Сэвичу.

Расхаживая по вытертому, цвета авокадо, ковру в комнате мотеля на Ломбард-стрит, Виктор Холланд пытался выработать план действий. Подойдя к вопросу логически, как и подобает ученому, он разложил ситуацию на элементы исследовательского проекта. Прежде всего определить проблему: его хотят убить. Сформулировать гипотезу: Джерри Мартиник раскопал что-то опасное и из-за этого погиб. Теперь они думают, что информация – и улики – перешли к нему. Но ее у него нет. Цель: остаться в живых. Метод: любыми, черт возьми, средствами!

Последние два дня вся его стратегия сводилась к тому, что он прятался в дешевых мотелях да ходил вот так, из угла в угол. Но вечно скрываться невозможно. Если в деле замешаны федералы – а у него были основания считать, что они замешаны, – то рано или поздно его найдут по следу, оставленному кредитными карточками.

«Мне нужен план решения задачи».

Вариант с ФБР отпадал. Виктор уже выходил на контакт с агентом Сэмом Половски. Они договорились встретиться в Гарбервиле. Никто другой об этой встрече знать был не должен. Но Сэм Половски в условленное время не появился.

Зато пришел кто-то другой. Забывать о едва не закончившемся трагически рандеву не позволяло раненое плечо.

Можно было бы обратиться к прессе. Но как убедить в своей правоте скептически настроенных репортеров? Кто поверит рассказу о проекте, реализация которого угрожает жизни миллионов людей? Его сочтут параноиком, излагающим свои бредовые идеи.

«А я не параноик».

Виктор посмотрел на часы и включил телевизор – время пятичасовых новостей. Ведущая программы, демонстрируя идеальную прическу, с улыбкой рассказывала о событиях прошедшего дня, связанных с

рождественскими каникулами. Перейдя к следующей теме, она посерьезнела. Виктор замер перед экраном.

«В Гарбервиле, штат Калифорния, продолжается расследование убийства. Напомню, что утром в среду у своего дома была обнаружена Сара Бойлан, тридцати девяти лет, умершая от полученных ножевых ранений. Жертва находилась на пятом месяце беременности. Полиция озадачена отсутствием мотива, приведшего к столь ужасной трагедии. Подозреваемых в совершении преступления пока нет. Переходим к другим новостям…»

Нет, нет, нет! Она не была беременна. И звали ее не Сара. Это ошибка…

Или нет?

«Меня зовут Кэтрин…»

Кэтрин Уивер. Да, именно так ее знали. Он не мог ошибиться. И это имя не забудет до конца жизни.

Виктор опустился на кровать и попытался сопоставить новые факты с тем, что уже знал. Сара… Кэти… Убийство в Гарбервиле…

Через несколько минут он поднялся – нет, вскочил – с кровати в состоянии близком к панике. Схватил с тумбочки телефонный справочник, торопливо пролистал до «У». Теперь все стало на свои места. Убийца ошибся, приняв Сару за Кэти. Если Кэти еще жива, пленка может быть у нее. Или она знает, где ее найти. Нужно спешить.

Пока до Кэти не добрался кто-то другой.

* * *

В свою квартиру в Сан-Франциско Кэти вернулась совершенно подавленная. В ночь после убийства Сары, в мотеле Гарбервиля, она выплакала, казалось, все слезы, но ужас случившегося вернулся, и вот они снова поползли по щекам. Кэти плохо помнила, как добралась домой – она как будто оцепенела на несколько часов, – но у двери квартиры, на площадке второго этажа, где царила мертвая тишина, ее настигла новая волна скорби. Страшная картина снова и снова вставала перед глазами, и вместе с ней вопрос, ответа на который она, как ни старалась, не находила. *Почему Сара? Почему?*

Она начала разбирать вещи, но так и не закончила. Потом, понимая, что нужно найти какое-то дело, отвлечься, обследовала холодильник. Съестного почти не осталось. Другого предлога, чтобы сбежать из четырех стен, и не требовалось. Она натянула свитер и, чувствуя себя в

каком-то смысле беглянкой, отправилась в магазин, находившийся в четырех кварталах от дома. Купила только самое необходимое: хлеб, яйца, фрукты. Вполне достаточно, чтобы продержаться несколько дней, прийти в себя, а потом уже попытаться вернуться в привычную колею.

Держа по бумажному пакету в каждой руке, Кэти возвращалась домой. Вечер выдался холодный, и она уже жалела, что не надела пальто.

– Пора обедать! – крикнула в открытое окно какая-то женщина, и двое детей, игравших на тротуаре в кикбол, тут же поспешили на зов.

Замерзшая, едва удерживая в руках пакеты с покупками, Кэти вошла в подъезд, устало поднялась по лестнице, достала неуклюже ключ и открыла дверь. Она уже повернулась, чтобы запереть ее за собой, когда услышала быстрые шаги, а в следующее мгновение кто-то метнулся к ней и втолкнул в вестибюль. Пакет опрокинулся, яблоки раскатились по полу. Кэти споткнулась и не упала только потому, что ухватилась за деревянные перила. Дверь с грохотом захлопнулась у нее за спиной.

Она обернулась, готовая сопротивляться до последнего.

Перед ней стоял Виктор Холланд.

– Вы? – изумленно выдохнула Кэти.

А вот он, казалось, не был так уверен, что нашел ту, кого искал.

– Кэти? – Он всматривался в ее лицо с отчаянной надеждой, словно искал подтверждения тому, что она – это она. – Кэти Уивер?

– И что это вы себе позволяете? Какого…

– Где ваша квартира? – перебил Виктор.

– Квартира… э… выше… но…

– Идемте. – Он схватил ее за руку, но Кэти уперлась.

– Мои покупки… – Она растерянно посмотрела на раскатившиеся яблоки.

Виктор быстро подобрал их, рассовал по пакетам и подтолкнул ее к лестнице.

– У нас мало времени.

Она послушно поднялась до второго этажа, но в холле остановилась.

– Минутку. Вы сейчас же объясните, в чем дело, мистер Холланд, или я не сделаю больше ни шагу!

– Дайте мне ключи.

– Вы не имеете права вот так…

– Дайте мне ваши ключи!

Шокированная требовательным тоном, Кэти молча уставилась на него и вдруг поняла, что видит в его глазах панику. И вообще он походил на человека, которого загнали в угол.

Не говоря ни слова, она протянула ему ключи.

– Подождите здесь, – бросил Виктор. – Мне надо проверить вашу квартиру.

Кэти растерянно смотрела, как он открывает дверь и осторожно входит в прихожую. Некоторое время из квартиры не доносилось ни звука. Она представила, как он ходит по комнатам. И долго это будет продолжаться? Квартира у нее небольшая, и, чтобы ее проверить, достаточно нескольких секунд. Почему же его нет?

Она нерешительно шагнула к двери и только собралась переступить порог, как он вырос перед ней из ниоткуда. От неожиданности Кэти вскрикнула. Пакет снова выпал из рук, и Виктор едва успел его подхватить.

– Все в порядке. Входите.

Она вошла, и он тут же запер дверь на замок.

– Вы собираетесь объяснить, что происходит? – спросила Кэти, проходя за ним в комнату.

– У нас неприятности.

– Хотите сказать, у *вас* неприятности.

– Нет. Именно у нас. У нас обоих. – Он повернулся и посмотрел ей в глаза. – Пленка у вас?

– О чем вы говорите? – удивилась Кэти, сбитая с толку неожиданным вопросом. – Какая пленка?

– Я говорю о тридцатипятимиллиметровой фотопленке. В черном пластиковом контейнере. Она у вас?

Кэти не ответила. Но вспомнила. *Прошлый вечер… они в кухне Сары… и черная кассета на столе…* Кассета, принадлежавшая, как она подумала, ее приятелю Хикки. Она положила пленку сначала в карман халата, а потом в сумочку. Но делиться этой информацией Кэти не собиралась. По крайней мере до тех пор, пока Виктор не расскажет, зачем ему пленка. Вот почему она ответила ему недоуменным взглядом, сделав вид, что не понимает, о чем идет речь.

Заметно разочарованный ее ответом, он все же сдержался, перевел дыхание и начал заново:

– В ту ночь, когда вы нашли меня… на шоссе… кассета лежала в кармане. В куртке. Но потом, когда я очнулся в больнице, ее у меня не было. Я мог обронить ее в вашей машине.

– Почему для вас так важна эта пленка?

– Она нужна мне… как доказательство.

– Доказательство чего?

– Слишком долго объяснять.

Кэти пожала плечами:

– В таком случае мне ничего не остается…

– Черт возьми! – Он шагнул к ней, схватил за плечи, повернул к себе. – Неужели непонятно? Из-за этой пленки убили вашу подругу! Они искали пленку в вашей машине!

Секунду она смотрела на него растерянно, а когда поняла, содрогнулась от ужаса:

– Сара…

– Вашей подруге просто не повезло. Должно быть, убийца принял ее за вас.

Кэти попыталась отвести глаза и не смогла. Он держал ее в тисках пристального, неумолимого взгляда. Чувствуя, что вот-вот упадет, она бессильно опустилась на ближайший стул и застыла в оцепенении.

– Вам нужно уходить отсюда, – сказал Виктор. – Как можно скорее. Пока они не нашли вас. Пока не просчитали, что вы и есть та самая Кэти Уивер, которую они ищут.

Она не шелохнулась. Не смогла. Ее как будто парализовало.

– Ну же, Кэти. У нас мало времени.

– Что на той пленке? – чуть слышно спросила она.

– Я уже сказал. Улики. Против одной компании, которая называется «Виратек».

Она нахмурилась:

– Но… разве это не та компания, на которую вы работаете?

– Работал… раньше.

– Что же такого они сделали?

– Занимаются разработкой нелегального проекта. Детали я вам сказать не могу.

– Почему?

– Потому что сам их не знаю. Понимаете, улики собирал не я. Мне их передал коллега… друг. Передал перед самой своей смертью.

– Его тоже убили?

– Полиция считает, что имел место несчастный случай. У меня другое мнение.

– Хотите сказать, что вашего друга убили из-за какого-то научного проекта? – Кэти с сомнением покачала головой. – Тогда это было что-то очень опасное.

– Да. Речь идет о разработке биологического оружия. Вот почему сам проект незаконен. И крайне опасен.

– Биологическое оружие? Но для кого? Для какого-нибудь правительства?

– Да. Для нашего.

– Не понимаю. Если проект государственный, то как он может быть незаконным?

– Законы могут нарушать все. В том числе и люди наверху. Такое уже случалось.

– Вы говорите о людях наверху. На каком уровне?

– Не знаю. Но доверять нельзя никому. Ни полиции, ни министерству юстиции. Ни даже Федеральному бюро расследований.

Кэти недоверчиво покачала головой. То, что он говорил, походило на бред параноика. Но голос и глаза убеждали в его полной вменяемости. Эти глаза, зеленовато-синие, как море. Они не лгали. И смотрел он на нее открыто, искренне. Так мог смотреть только человек, который говорит правду.

– Хотите сказать, что ФБР тоже охотится за вами? – тихо спросила она. – Я правильно вас поняла?

Глаза вспыхнули гневом и тут же потухли. Он со стоном опустился на диван. Провел ладонью по волосам.

– Понимаю, что вы думаете. Понимаю, поверить в это трудно. Я вас не виню. Просто подумал, что если мне кто и поверит, то только вы…

– Почему я?

Виктор поднял голову:

– Потому что вы спасли мне жизнь. Потому что вы следующая, кого они попытаются убить.

Она застыла. Нет, нет, не может быть. Это безумие. Он хочет заставить ее поверить в свой бред, втянуть в придуманный им кошмарный мир убийств и заговоров. Но она не поддастся!

Кэти поднялась и прошлась по комнате. Раз, еще раз… Ее остановил его голос:

– Подумайте сами. Зачем кому-то убивать вашу подругу? Объяснение только одно: Сару приняли за вас. Сейчас они уже знают, что ошиблись. Они вернутся и на этот раз сделают все как надо. Им нужно вас убрать. На случай, если вы что-то знаете. На случай, если улики попали к вам и…

– Такого не может быть! – крикнула она, закрывая ладонями уши. – Это же просто безумие! Никто не станет…

– Посмотрите! – Виктор выхватил из кармана рубашки обрывок газеты. – По пути сюда я проходил мимо газетного киоска. Это было на первой полосе.

Кэти развернула мятый листок. С фотографии на нее смотрела незнакомая женщина средних лет. Подпись под снимком гласила: «Жительница Сан-Франциско застрелена на пороге собственного дома».

– Но какое отношение это имеет ко мне? – растерянно спросила она.

– Посмотрите, как ее звали.

Кэти пробежала взглядом по строчкам.

Убитую звали Кэти Уивер.

Бумажка выскользнула из пальцев и упала на ковер.

– В телефонной книге Сан-Франциско три Кэтрин Уивер, – продолжал Виктор. – Эта застрелена сегодня, в девять утра. Что случилось со второй, я не знаю. Не исключено, что ее уже нет в живых. Следующая в списке – вы. Времени, чтобы обнаружить вас, у них было достаточно.

– Меня не было в городе. Я вернулась буквально час-полтора назад…

– Вот и объяснение, почему вы еще живы. Может быть, они уже приходили сюда, но вас не застали и решили проверить двух других женщин.

Кэти вскочила – бежать, бежать, стучало в ушах.

– Нужно собрать вещи.

– Некогда. Давайте убираться отсюда поскорее.

«Делай, как он говорит!» – требовал внутренний голос.

Она кивнула, повернулась и шагнула к двери, но на полпути остановилась:

– Сумочка…

– Где она?

Кэти повернулась, прошла мимо занавешенного окна.

– Я вроде бы оставила ее возле…

Оконное стекло взорвалось, и от осколков Кэти спасли только сомкнутые шторы. Инстинкт самосохранения бросил ее на пол в тот самый момент, когда за первым выстрелом последовал второй. И тут же сорвавшийся с дивана Виктор Холланд накрыл ее собой. Третья пуля с визгом врезалась в дальнюю стену, раскидав кусочки дерева и штукатурки.

Растерзанные шторы обвисли.

Несколько секунд Кэти лежала неподвижно, парализованная ужасом и придавленная тяжелым мужским телом. Потом вывернулась и, подгоняемая паникой, бросилась к двери.

– Ложитесь! – крикнул Виктор.

– Они же пытаются нас убить!

– Так не облегчайте им задачу! – Он схватил ее за руку и заставил пригнуться. – Мы выйдем. Но только не через переднюю дверь.

– А как?

– Здесь есть пожарная лестница?

– Да, у окна спальни.

– Она ведет на крышу?

– Даже не знаю. Кажется, да.

– Тогда – за мной.

Они выползли на четвереньках в прихожую и проползли дальше, в темную спальню. Сели под окном. Отдышались. Прислушались. Из темноты не доносилось ни звука. Потом снизу, из вестибюля, долетел звон разбитого стекла.

– Он уже в здании! – прошептал Виктор, открывая окно. – Быстрей, быстрей!

Кэти не заставила себя ждать. Ухватившись трясущимися руками за перекладину, она вылезла на пожарную лестницу. Виктор последовал за ней.

– Вверх. На крышу.

«А что потом?» Она поднялась выше, к третьему этажу. Хозяйка квартиры, миссис Чанг, уехала на неделю к сыну, в Нью-Джерси, и

признаков жизни за темными, надежно запертыми окнами не наблюдалось. Здесь было не пройти.

– Дальше, – прошипел Виктор, подталкивая ее снизу.

Лестница кончалась. Еще несколько перекладин – и Кэти, перевалившись через бортик, свалилась на залитую асфальтом крышу. Секундой позже рядом упал Виктор. Здесь, на крыше, миссис Чанг устроила небольшую оранжерею, и в воздухе стоял густой аромат китайских трав и овощей.

Прокравшись между растениями, Кэти и Виктор добрались до противоположного края крыши, к которому подступал соседний дом.

– Прыгаем? – спросила Кэти.

– Вперед.

Они перепрыгнули на соседнюю крышу и сразу пробежали дальше. От следующего дома их отделяла пропасть в добрых три фута шириной. Кэти даже не задумалась – страх толкнул ее вперед. Пролетев над бездной, она по инерции помчалась дальше, унося ноги от опасности.

Остановилась она только на крыше четвертого здания, обнаружив вдруг, что дальше бежать некуда. Далеко внизу лежала улица. Все, конец. Стоя на краю, Кэти почувствовала, что у нее начинает кружиться голова. Пожарная лестница выглядела абсолютно ненадежной.

Она сглотнула подступивший к горлу комок.

– Сейчас, наверное, не самое лучшее время для признаний, но...

– Что?

– Я боюсь высоты.

Виктор перегнулся через бортик.

– Просто не смотрите вниз.

Правильно, подумала она, перебираясь на лестницу и пытаясь нащупать ногой ступеньку. Главное – не смотреть вниз. Ладони вспотели, и пальцы соскальзывали с перекладины. Снова закружилась голова. Кэти закрыла глаза и отчаянно вцепилась в шаткую стальную конструкцию.

– Не останавливайтесь! – прошептал сверху Виктор. – Спускайтесь!

Страх сковал мышцы. Она вжалась лицом в холодный металл, не чувствуя его шершавой поверхности.

– Все в порядке, Кэти. Ну же, смелее.

Ей помогла боль, блокировавшая и головокружение, и даже страх. Когда она снова открыла глаза, мир уже не раскачивался. Не чувствуя под собой ног, она спустилась на несколько ступенек и сделала короткую остановку на площадке третьего этажа, чтобы вытереть о джинсы влажные ладони. На следующей площадке Кэти снова остановилась и посмотрела вниз. До земли еще оставалось добрых пятнадцать футов. Она попыталась опустить складной пролет, но заржавевшее железо ответило жутким скрипом.

– Нет, слишком шумно. Придется прыгать.

– Но...

К ее удивлению, он легко перебрался через перила и спрыгнул.

– Давайте, Кэти! – донесся снизу шепот. – Здесь невысоко. Я вас поймаю.

Пробормотав короткую молитву, она повторила его маневр, свесилась над бездной и, собравшись с духом, разжала руки.

Виктор не подвел – он и впрямь поймал ее, но удержал только секунду. Раненое плечо напомнило о себе пронзительной болью, рука дрогнула и упала, и они оба свалились на землю. Волей случая Кэти оказалась сверху. Несколько секунд они только смотрели друг на друга – ошеломленные, растерянные, сконфуженные.

Где-то вверху отворилось окно.

– Эй вы, бездельники! – прогремел мужской голос. – Если сейчас же не уберетесь, вызываю полицию!

Повторять не пришлось. Кэти мгновенно скатилась с Виктора, но, поднимаясь, наткнулась на мусорный контейнер. Крышка с грохотом свалилась на тротуар.

– Будем считать, что передохнули, – проворчал Виктор, неуклюже поднимаясь с земли. – Уходим.

Они промчались по улице, свернули в переулок и понеслись дальше. И только миновав пять или шесть кварталов, остановились, чтобы отдышаться, и оглянулись.

Улица была пуста.

Спаслись!

* * *

Подойдя к аккуратно застеленной кровати, Николас Сэвич остановился и осмотрелся. Типично женская комната. В шкафу – с полдюжины недорогих, но элегантных платьев, в воздухе – сладковатый аромат, на туалетном столике – бутылочки с лосьонами, пудреница, флаконы с духами. Всего лишь пройдясь по комнате, он уже знал о живущей здесь женщине все. Стройная, размер платьев седьмой, обуви – шестой с половиной. Волосы в щетке каштановые и длинные, до плеч. Украшений мало. Ароматы предпочитает натуральные – розу и лаванду. Любимый цвет – зеленый.

Сбор информации Сэвич продолжил в гостиной. Хозяйка выписывала посвященные кино профессиональные журналы. Ее вкусы в музыке и книгах отличались эклектичностью. Заметив на полу обрывок газеты, он наклонился, поднял его и пробежал глазами заметку. Интересно. Похоже, смерть Кэтрин Уивер-1 не прошла незамеченной для Кэтрин Уивер-2.

Сэвич сложил газету и сунул в карман. Еще раз огляделся. И увидел на полу, у разбитого окна, дамскую сумочку.

Есть!

Он высыпал содержимое на кофейный столик. И что тут? Портмоне, чековая книжка, ручки, мелочь и… адресная книжка. Сэвич открыл ее на букву «Б». И сразу же наткнулся на имя, которое искал, – Сара Бойлан.

Теперь он знал, что здесь живет та самая, нужная ему Кэтрин Уивер. А ведь столько времени потрачено впустую, на поиски двух других.

Перелистав книжку, Сэвич обнаружил с десяток сан-францисских адресов. Что ж, ускользнуть от него она сумела. Но одно дело скрыться, и совсем другое – спрятаться надолго и не высовываться. Адресная книжечка с именами друзей, родственников и коллег может вывести прямиком на цель.

Где-то далеко, наверное на соседней улице, завыла полицейская сирена.

Пора уходить.

Забрав адресную книжку и портмоне, Сэвич направился к двери. Через несколько секунд он уже неторопливо шагал по улице.

Спешить было некуда.

А вот у Кэтрин Уивер и Виктора Холланда время истекало.

Глава 4

Отдыхать было некогда. Они пробежали еще шесть кварталов – Кэти показалось, несколько миль. Виктор как будто и не устал. Он вел ее по боковым улочкам, избегая людных перекрестков. Она послушно следовала за ним. Ужас понемногу уходил, и его место занимали усталость и безразличие. Кэти не понимала ни где они, ни куда идут. Ею все сильнее овладевало чувство нереальности. Сам город, утратив знакомые, узнаваемые приметы, представал каким-то киношным – асфальт, фонари, бетон и бесконечные повороты. Реальным был только идущий рядом мужчина – уверенный, быстрый, с цепким взглядом. Кэти знала, что ему тоже должно быть страшно, но никаких признаков этого страха не видела.

Виктор взял ее за локоть, и Кэти встрепенулась, словно тепло его руки и сила пальцев потекли к ней, вытесняя усталость и холод.

Она прибавила шагу.

– По-моему, на той улице полицейский участок. Надо только пройти еще пару кварталов…

– Мы не пойдем в полицию.

– Что? – Она резко остановилась и непонимающе посмотрела на него.

– Мы не пойдем в полицию. Пока. Сначала нужно все как следует обдумать.

Кэти покачала головой:

– Виктор. Нас пытаются убить. *Меня* пытаются убить. И что вы имеете в виду, когда говорите, что вам нужно все как следует обдумать?

– Послушайте, мы не можем терять время на разговоры. Нужно побыстрее убраться с улицы. – Он снова взял ее за руку. – Идемте.

– Куда?

– У меня есть комната. Здесь, неподалеку.

Он протащил ее за собой еще несколько ярдов, прежде чем она вырвала руку и остановилась:

– Подождите. Да подождите же.

Виктор повернулся и шагнул к ней:

– Чего ждать? Пока нас догонит тот маньяк? Ждать, пока снова полетят пули?

– Мне нужно объяснение.

– Я все объясню. Позже. Когда мы будем в безопасности.

Она попятилась:

– Почему вы боитесь полиции?

– Потому что не уверен, на чьей они стороне.

– У вас ведь есть на то причина, да? Бояться? Вы что-то сделали? Что?

На этот раз Кэти не успела отступить – он оказался быстрее и, в одно мгновение преодолев разделявшее их расстояние, схватил за плечи.

– Я только что вытащил вас из смертельной ловушки, не забыли? Пули летели в ваше окно, а не в мое!

– Но стреляли, может быть, в вас!

– Ладно. – Виктор опустил руки и сделал шаг назад. – Хотите сами убедиться? Попробуйте. Может быть, я не прав, и полиция действительно поможет вам. А может быть, и нет. Но я рисковать не стану. По крайней мере до тех пор, пока не вычислю, кто за всем этим стоит.

– Вы… вы меня отпускаете?

– Я вас в заложницы не брал.

– Да, конечно. – Кэти облегченно выдохнула – в холодном воздухе поплыл комочек пара – и посмотрела в конец улицы, в сторону полицейского участка. – Они помогут. Полиция ведь для того и существует… – Она как будто убеждала себя. – Разве не так?

– Так.

Кэти нахмурилась:

– Они зададут мне кучу вопросов.

– И что вы им скажете?

Их взгляды встретились, и ни один не отвел глаз.

– Правду.

– Которая в лучшем случае будет неполной. В худшем вам просто не поверят.

– У меня есть доказательства. Разбитое окно. Они найдут пули…

– Обычное дело – кто-то пальнул из проезжавшей машины. Случайное попадание.

– Они обязаны защитить меня.

– А если посчитают, что защита вам не нужна?

– Я расскажу им о вас. О Саре.

– Вас могут просто не принять всерьез.

– Но ведь они должны! Меня пытаются убить! Кто-то же должен меня защитить! – Она сорвалась на крик, и эхо стремительно поскакало по лабиринту улиц.

– Да, я знаю, – устало сказал Виктор.

Кэти оглянулась.

– Я пойду.

Он промолчал.

Она сделала несколько шагов. Остановилась. Обернулась.

– Виктор?

-Да?

– Вы спасли мне жизнь. Спасибо.

Он не ответил, а только кивнул и медленно побрел прочь. Несколько секунд Кэти стояла в раздумье. А правильно ли она делает? Конечно, правильно. Человек, который боится полиции, рассказывает какие-то бредовые истории… такой человек опасен.

«Но он спас мне жизнь».

А она спасла его – той дождливой ночью, по дороге в Гарбервиль.

Кэти еще раз перебрала события последней недели. Непонятное, так и оставшееся необъясненным и нераскрытым убийство Сары. Смерть другой женщины, носившей такие же, что и она, имя и фамилию – Кэтрин Уивер. Кассета с фотопленкой, которую Сара подобрала в машине…

Шаги Виктора стихли в конце улицы.

И в тот же миг Кэти вдруг осознала, что потеряла единственного человека, способного помочь найти ответы на все эти вопросы, единственного человека, оставшегося с ней в момент смертельной опасности. Единственного, кому – это подсказывала интуиция – она могла доверять. Стоя посреди пустынной улицы, Кэти почувствовала себя совершенно одинокой, беспомощной и никому не нужной. Накатившая внезапно паника как будто толкнула в спину. Она порывисто обернулась:

– Виктор!

Едва различимая в темноте фигура остановилась. В этом обезумевшем и смертельно опасном мире у нее осталось только одно убежище, только один островок надежности. Стоило лишь сделать первый шаг, как ноги понесли быстрее и быстрее, и она даже не заметила, как побежала, спеша в объятия человека, которого едва знала. Он прижал ее к груди, закрывая от всех опасностей и страхов, заключил в крепкое кольцо рук. Она чувствовала, как стучит его сердце, и что-то подсказывало ей, что на этого мужчину можно положиться, что он не предаст и не отвернется в трудную минуту.

– Я здесь… здесь… – шептал он, гладя ее по волосам, сжимая кольцо рук. Жар его дыхания коснулся лица, и она задрожала и подалась к нему. В следующее мгновение он уже жадно искал ее губы, и она отвечала на его поцелуй с не меньшей страстью. Пусть незнакомец, но он был сейчас рядом, и его руки защищали ее от таящихся в ночи ужасов.

– Я не знаю, что делать, – шептала Кэти, прижимаясь все теснее и теснее. – Мне так страшно…

– Мы во всем разберемся. Вместе. Слышишь? Мы победим их, вдвоем.

Кэти кивнула. Глядя ему в глаза, она находила то, что искала, то, чего так недоставало ей, – уверенность и силу.

Порыв ветра пронесся по улице. Кэти поежилась.

– Что сделаем в первую очередь? – прошептала она.

– В первую очередь, – Виктор снял ветровку и набросил ей на плечи, – тебе нужно согреться. – Он взял ее за руку. – Идем. Горячая ванна, хороший ужин – и ты сможешь взглянуть на мир по-другому.

Им пришлось пройти еще пять кварталов до мотеля «Кон-Тики». Не претендуя на звание шикарного заведения, «Кон-Тики» имел по меньшей мере одно очевидное преимущество: он ничем не отличался от себе подобных – в меру уютный, серый, непримечательный. Получив ключ, они поднялись в номер 224, выходивший на пустынную в этот час парковочную площадку. Виктор открыл дверь и кивком предложил Кэти войти.

Переступив порог, она остановилась посредине комнаты, наслаждаясь теплом и ощущением безопасности. Как же приятно оказаться под защитой четырех стен! Вся обстановка сводилась к двуспальной кровати, комоду с зеркалом, двум тумбочкам с лампами и одному-единственному стулу. Стену украшала гравюра, изображавшая некий безымянный остров с пышной южной растительностью. На полу, у стены, стояла дешевая нейлоновая сумка. Покрывало смято – наверное, на кровати недавно лежали. Подушки сдвинуты к изголовью.

– Здесь, конечно, не слишком уютно, но по крайней мере тепло. К тому же номер оплачен вперед. – Виктор включил телевизор. – Скоро выпуск новостей. Может быть, скажут что-то новое по делу той женщины, Уивер.

«Той женщины... А ведь на ее месте могла быть я...» Кэти снова поежилась – теперь уже не от холода – и, опустившись на кровать, уставилась на экран. Виктор тем временем прошел по комнате, проверил окна, дверь, замок. Его молчаливая деловитость не позволяла забыть, насколько неопределенно их положение и как велика опасность. Большинство мужчин в такой ситуации несли бы чушь, пряча за болтливостью страх, – Виктор же, наоборот, сосредоточивался и умолкал. При этом не замечать его было невозможно – он как будто заполнял собой всю комнату.

Закончив, Виктор шагнул к кровати. Кэти невольно сжалась, когда он бережно взял ее руки и повернул их ладонями вверх. Опустив глаза, она увидела царапины с запекшейся кровью, ссадины и чешуйки ржавчины, оставшиеся на коже после спуска по пожарной лестнице.

– Я, наверное, жутко выгляжу, – прошептала Кэти.

Он улыбнулся и погладил ее по щеке:

– Умыться тебе не помешает. Иди. А я пока попробую раздобыть что-нибудь на ужин.

Кэти прошла в ванную. За дверью приглушенно бубнил телевизор. Виктор, позвонив в обслуживание номеров, заказывал пиццу. Она повернула кран и подставила озябшие, занемевшие руки под струю горячей воды. Зеркало над раковиной явило ей не слишком лестное отражение себя самой – спутанные волосы, грязь на подбородке. Кэти умылась, потерла, восстанавливая кровообращение, замерзшие щеки. На стеклянной полочке под зеркалом лежала бритва Виктора. Она взяла ее, и узкое, острое лезвие превратилось вдруг в смертельно опасное оружие. Кэти стало не по себе. Она как будто увидела себя со стороны, и в этой новой, непонятной, пугающей ситуации Виктор был высоким, за шесть футов, мужчиной с сильными руками. Рядом с ним она выглядела слабой и беззащитной. В комнате только одна кровать. Она пришла сюда по собственной воле. Что он думает о ней? За кого принимает? А не обрекла ли она себя на роль добровольной жертвы? Он может сделать с ней все, что угодно. Изнасиловать, убить… Ему даже и бритва не понадобится – задушит голыми руками. «Что я здесь делаю? Остаюсь на всю ночь с мужчиной, которого едва знаю».

Нет, время для сомнений ушло. Решение принято. У нее нет иного варианта, как только полагаться на внутренний голос, а внутренний голос подсказывал, что Виктор Холланд никогда ее не обидит.

Кэти вернула бритву на полочку. Она должна ему верить, потому что если не верить… Нет, об этом не хотелось даже думать.

В комнате хлопнула дверь. Ушел?

Она осторожно приоткрыла дверь ванной. Выглянула. Телевизор был включен. Виктора не видно. Кэти осторожно прошла в комнату. Так и есть, никого. Она осмотрелась. Неужели здесь нет ничего такого, что подсказало бы, кто этот человек? Ящики письменного стола были пусты. В шкафу тоже ничего не нашлось. Ничего удивительного – он ведь перебрался сюда ненадолго. Только переночевать.

Кэти подошла к нейлоновой сумке. Заглянула. Пара чистых носков, пакет с бельем, вчерашняя «Сан-Франциско кроникл». И какой вывод из всего этого можно сделать? Старается быть в курсе городских событий. Путешествует налегке.

Как преступник в бегах.

Порывшись в вещах, Кэти обнаружила квитанцию из банковского автомата. Накануне Виктор пытался снять со счета какие-то деньги. И

автомат выдал следующее: «Перевод не может быть выполнен. Пожалуйста, свяжитесь с вашим банком». Получить наличные не удалось. Почему? Потому что он превысил? Или автомат попался неисправный?

Щелчок замка застал врасплох. Она успела только повернуться к открывшейся двери.

Виктор бросил на нее удивленный взгляд. Кэти вспыхнула от стыда и медленно, стараясь не смотреть ему в глаза, выпрямилась.

Дверь захлопнулась.

– Вполне разумный шаг, – сказал он. – Обыскать мои вещи.

– Прости. Я просто… – Она виновато вздохнула. – Я просто хотела узнать о тебе больше.

– И что? Раскопала что-то ужасное?

– Нет, ничего.

– Может, наткнулась на какие-то темные тайны? Ну же, Кэти. Не бойся, скажи.

– Ничего я не нашла. Кроме квитанции. Ты пытался снять деньги через банкомат и не смог.

Виктор кивнул:

– Да, ситуация неприятная. Насколько я знаю, на моем счете оставалось около шести тысяч долларов. И вот теперь выясняется, что я не могу ими воспользоваться. – Не спуская с нее глаз, он сел на стул. – Что еще ты узнала?

– Что ты читаешь газету.

– Как и тысячи других людей. Что еще?

Она пожала плечами:

– Что ты носишь трусы-боксеры.

Он вскинул бровь:

– Знакомимся поближе?

– Ты… – Кэти собралась с духом. – Ты в бегах.

Несколько секунд Виктор смотрел на нее, не говоря ни слова.

– Поэтому и не хочешь обращаться в полицию. Так?

Он отвел глаза:

– На то есть свои причины.

– Назови хотя бы одну. Больше не надо. Назови хотя бы одну вескую причину, чтобы я тебе поверила. Убеди меня, и я ни о чем больше не стану спрашивать.

Он вздохнул:

– Сомневаюсь.

– А ты попробуй. Я ведь хочу тебе верить.

– Пока что у тебя есть все основания считать меня параноиком. – Виктор опустил голову, устало потер ладонями лицо. – Господи, иногда я и сам думаю, что рехнулся.

Она подошла к нему и опустилась на колени рядом со стулом.

– Те люди, что пытались убить меня, – кто они?

– Не знаю.

– Ты сказал, что в этом деле могут быть замешаны большие шишки.

– Это не более чем догадка. Если тот исследовательский проект, о котором я упоминал, осуществляется на федеральные деньги, то без высоких покровителей не обойтись. И эти исследования не только незаконны, но и крайне опасны.

– Разрешение на финансирование из федеральных средств требует санкции кого-то наверху.

Виктор кивнул:

– Кого-то, кто в состоянии нарушить или обойти закон. Кого-то, кому никак не нужен политический скандал. Кого-то, кто, пытаясь спасти собственную шкуру, может манипулировать не только ФБР, но и местной полицией. Вот почему я не могу к ним обратиться. Вот почему я выходил из номера, чтобы позвонить.

– Когда?

– Пока ты была в ванной. Я вышел на улицу, нашел платный автомат и позвонил в полицию.

– Ты ведь сказал, что не хочешь связываться с ними.

– Пришлось. Если помнишь, в телефонной книге значатся три Кэтрин Уивер.

Третья жертва в списке. У Кэти вдруг закружилась голова. Чувствуя, что теряет силы, она тяжело села на кровать и едва слышно спросила:

– И что ты сказал?

– Сказал, что у меня есть основания считать, что ей угрожает опасность. Что она не подходит к телефону.

– А ты пробовал позвонить ей?

– Дважды.

– Они тебя выслушали?

– Не только выслушали, но и потребовали назвать себя. Вот тогда я и смекнул, что им о ней известно и что-то уже случилось. Выскочил из будки и поспешил уйти. Звонок можно отследить за считаные секунды.

– Значит, уже трое, – прошептала Кэти. – Те две женщины. И я.

– Тебя им не найти. У них только твой адрес. Держись подальше от… – Он не договорил.

В дверь постучали, и оба замерли.

Стук повторился.

Они переглянулись, и каждый увидел в глазах другого страх. Виктор перевел дыхание.

– Кто там? – настороженно спросил он.

– Из «Домино», – ответил мальчишеский голос.

Виктор приоткрыл дверь – в коридоре переминался с ноги на ногу подросток с пакетом и картонной коробкой.

– Привет. Большая пицца, две кока-колы и салфетки. Так?

– Так. – Виктор сунул мальчишке пару бумажек. – Сдачу оставь себе. – Он закрыл дверь и, повернувшись, смущенно посмотрел на Кэти: – Ну вот. У страха глаза велики. А ведь иногда в дверь может постучать всего лишь разносчик пиццы.

Оба рассмеялись, но смех прозвучал вовсе не радостно, но нервно. Виктор облегченно выдохнул. Маска напряжения соскользнула с его лица, оно разгладилось и как будто потеплело. А ведь симпатичный парень, когда не хмурится, подумала Кэти.

– Вот что я тебе скажу. Давай-ка забудем обо всех этих неприятностях. Не пора ли нам перейти к самому важному пункту дня, а? Не знаю, как ты, а я проголодался.

Кэти кивнула и потянулась за коробкой.

Они набросились на пиццу, как два изголодавшихся зверя, устроив настоящий пир прямо на кровати. Разговор свелся к отдельным фразам в коротких паузах – каждый спешил сунуть в рот еще один жирный кусок. Подошло время десятичасовых новостей. Появившийся на экране щеголеватый ведущий объявил о перетряске в офисе мэра и отставке крупного городского управленца, что на фоне последних событий выглядело сущим пустяком. Утреннему убийству Кэтрин Уивер уделили не более тридцати секунд – полиция до сих пор никого не арестовала. О второй жертве с таким же именем не было сказано ни слова.

Виктор нахмурился:

– Странно. Похоже, та женщина, вторая, в новости не попала.

– Или с ней ничего и не случилось. – Кэти вопросительно взглянула на него. – Что, если со второй Кэти Уивер все в порядке? Когда ты позвонил в полицию, они могли задавать тебе самые обычные, рутинные вопросы. Когда нервы на пределе, легко…

– Вообразить невесть что? – Виктор посмотрел на нее так, что она чуть не прикусила язык.

– Нет. – Она покачала головой. – Не вообразить. Просто неверно что-то истолковать. Полиция не может реагировать на каждый анонимный звонок. В том, что тебя попросили назвать себя, нет ничего необычного.

– Не попросили, Кэти. Им не терпелось допросить меня. Они как с цепи сорвались.

– Я тебе верю. Просто стараюсь рассуждать логично в этой жуткой ситуации.

Он долго сверлил ее глазами, потом вздохнул:

– Слышу голос разумной женщины. Как раз то, чего мне сейчас не хватает. А то ведь, чего доброго, от собственной тени начну шарахаться.

– И про еду забудешь. – Кэти взяла из коробки еще один кусок. – Ты сам заказал это чудовище, так что теперь помогай мне его доесть.

Возникшая было напряженность мгновенно испарилась. Устроившись удобнее, Виктор принял предложенный кусок.

– А знаешь, тебе идет это выражение материнской заботы, – усмехнулся он. – Как и соус на подбородке.

– Что? – Кэти торопливо утерлась. – Вот еще. Будь добр, передай салфетки.

– С твоего разрешения, я сам. – Виктор взял салфетку и, наклонившись, осторожно вытер соус. Лицо его оказалось рядом, и она заметила, что в уголках глаз, когда он улыбается, проступают сеточки морщинок, а в русых волосах прячутся серебряные нити. Сейчас он мало походил на себя самого с фотографии на пропуске. Там Виктор был серьезен и неулыбчив, как настоящий ученый; здесь, в этой комнате, выглядел молодым, бодрым и даже счастливым.

Почувствовав ее взгляд, он отстранился и в упор посмотрел на нее. Улыбка медленно растаяла. Оба замерли, словно увидев в глазах друг друга то, чего не замечали раньше. Голоса в телевизоре притихли. Он коснулся ее щеки кончиками пальцев, и Кэти вздрогнула.

– Что дальше? – негромко спросила она. – Мы ведь не можем оставаться здесь долго.

– Вариантов несколько.

– Назови.

– У меня есть друзья в Пало-Альто. Можно уехать к ним.

– Или?..

– Или никуда не уезжать и остаться здесь. На какое-то время.

Остаться здесь. В этом мотеле. В этом номере. На этой кровати. Что ж, она бы, пожалуй, не возражала.

Сила, противиться которой было невозможно, влекла ее к нему. Он повернулся и раскрыл объятия. Удивительно, какими нежными могут быть такие большие и сильные руки, подумала Кэти и закрыла глаза, уже зная, что и поцелуй будет таким же нежным.

Она не ошиблась. К этому поцелую их привели не страх и отчаяние – то было тихое слияние оттаявших в тепле душ. Кэти прижалась к нему и оказалась в плену сомкнувшихся у нее за спиной рук. Она понимала, что рискует, балансирует на краю и готова вот-вот уступить незнакомцу. Ее руки уже обхватили его за шею, а пальцы запутались в его густых, подернутых сединой волосах.

Оставляя горячий след, его губы спускались ниже и ниже, к впадинке под горлом. Каждое прикосновение пробуждало желания, дремавшие все последние годы и требовавшие теперь утоления...

А потом все вдруг оборвалось, и облако окутывавшей ее магии рассеялось. Мгновенно. В первую секунду она не поняла, почему Виктор отстранился, и открыла глаза. На его лице застыло удивление, а взгляд уходил куда-то за спину ей.

Что же такое привлекло его внимание? Кэти обернулась.

С экрана телевизора на нее смотрело смутно знакомое лицо. Справа, в углу, виднелся логотип компании «Виратек». Но почему они показывают фотографию с удостоверения Виктора Холланда?

«...Разыскивается по обвинению в промышленном шпионаже. Полиция располагает уликами, указывающими на причастность доктора Холланда к смерти другого сотрудника компании «Виратек», доктора Джеральда Мартиника. Следствие полагает, что подозреваемый мог продать ценную научную информацию европейским конкурентам...»

Ошеломленные, они смотрели на вещающего с экрана ведущего, явно позаимствовавшего прическу у приятеля куклы Барби, Кена. Новости закончились, перерыв заполнила коммерческая реклама – скачущие по полю изюминки воспевали чудеса калифорнийского солнца. Музыка безжалостно била по ушам.

Наконец Виктор встал с кровати и выключил телевизор. Потом медленно повернулся к Кэти. Тишина вибрировала напряжением, как рана болью.

– Это неправда. Все – неправда.

Она пыталась прочесть что-то в непроницаемых зеленых глазах, отчаянно, из последних сил желая поверить ему. Губы еще не остыли от его поцелуев. Поцелуев мошенника? Преступника?

«Неужели это всего лишь еще одна ложь? Неужели все, что ты сказал мне, было ложью? Кто же ты, в конце концов, Виктор Холланд?»

Кэти отвела глаза. Взгляд упал на телефон. До него было так близко. Один звонок в полицию, и весь этот кошмар закончится. Всего лишь один звонок…

– Они меня подставили. «Виратек» дал ложную информацию.

– Но почему?

– Чтобы загнать меня в угол. Легче всего сделать это с помощью полиции.

Она подвинулась к тумбочке.

– Не надо.

Кэти замерла – впервые в его голосе прозвучала неприкрытая угроза.

Заметив в ее глазах страх, он тут же покачал головой и мягко добавил:

– Пожалуйста. Не звони. Я не сделаю тебе ничего плохого. Обещаю, что выпущу тебя прямо сейчас. Но сначала выслушай меня. Позволь рассказать, что случилось. Дай мне шанс.

Как не верить человеку, который смотрит тебе прямо в глаза? К тому же он был так близко, что мог без труда помешать любой ее попытке дотянуться до телефона. Например, сломать руку, если понадобится. Выбирать не приходилось. Она кивнула и отодвинулась к стене.

Виктор прошелся по комнате. На выцветшем зеленом ковре осталась цепочка следов.

– Все, что они сказали, – ложь. Только сумасшедший может поверить, что я убил Джеральда Мартиника. Мы с ним дружили. Вместе работали в «Виратеке». Я занимался разработкой вакцины, Джеральд был микробиологом и специализировался на вирусах. Проводил исследования по программе изучения генома.

– Генома? Это… что-то вроде хромосом?

– Вирусный эквивалент. Мы с Джерри всегда помогали друг другу в трудные времена. Ему пришлось пройти довольно болезненную процедуру развода, а я… – Он осекся. – Я три года назад потерял жену. Умерла от лейкемии.

Значит, был женат. Ее это почему-то удивило. Он казался слишком независимым человеком, чтобы произнести клятву верности.

– Месяца два назад, – продолжал Виктор, – Джерри перевели в новый исследовательский отдел. «Виратек» получил солидный грант на разработку какого-то проекта для министерства обороны. Работа совершенно секретная, так что деталей Джерри не рассказывал. Но я видел – его что-то беспокоит. Однажды он сказал мне буквально следующее: «Они не понимают, насколько это опасно. Не знают, с чем связываются». Сфера Джерри – изменение вирусных генов, поэтому я предположил, что проект имеет какое-то отношение к биологическому оружию. Джерри прекрасно отдавал себе отчет, что такое оружие запрещено международным соглашением.

– Если твой друг понимал, что проект незаконен, то почему участвовал в нем?

– Думаю, поначалу он не догадывался, на что нацелены исследования. Может быть, его уверили, что проект носит чисто оборонительный характер. Так или иначе, Джерри что-то заподозрил и решил выйти из программы. Он пошел на самый верх, к основателю «Виратека» Арчибальду Блэку. Явился к нему в кабинет и пригрозил предать гласности всю имеющуюся у него информацию, если работы не будут прекращены. Через четыре дня Джерри погиб. – В глазах Виктора полыхнул гнев, и, хотя направлен он был не на нее, Кэти все равно стало не по себе.

– Что с ним случилось? – спросила она.

– Его разбитую машину обнаружили на обочине. Джерри был в ней. Мертвый. – Глаза вдруг потухли, словно гнев смыла накатившая волна усталости. – Я думал, что в ходе следствия все выйдет наружу, но оно вылилось в фарс. Местные копы старались, но потом на место происшествия прибыл какой-то федеральный «эксперт», который заявил, что Джерри уснул за рулем. Дело закрыли. Только тогда я понял, насколько далеко все зашло. Я не знал, что делать, поэтому позвонил в отделение ФБР в Сан-Франциско. Сказал, что у меня есть доказательства.

– Ты имеешь в виду пленку?

Виктор кивнул.

– Незадолго до смерти Джерри рассказал мне, что спрятал у себя в сарае копии некоторых документов. После этого… несчастного случая я поехал к нему. В доме все было перевернуто. Но в сарай они заглянуть не додумались. Вот так ко мне попала папка с бумагами и кассета с пленкой. Я условился о встрече с сан-францисским фэбээровцем, парнем по имени Сэм Половски. До этого мы несколько раз разговаривали по телефону. Он предложил встретиться в Гарбервиле. Место выбрали за городом, чтобы никто не помешал. Я приехал с надеждой, что увижу его, но вместо Половски появился другой. И этот другой просто сбил меня с дороги. – Виктор посмотрел на нее. – Это случилось в ту самую ночь, когда ты меня нашла.

«Та ночь изменила всю мою жизнь», – подумала она.

– Ты должна мне верить.

Что сказать? Сердце подсказывало одно, разум настаивал на другом. Его история могла быть и правдой, и выдумкой. Вот только сам Виктор Холланд внушал доверие.

Кэти устало кивнула:

– Я верю тебе. Может быть, это безумие. Может быть, я просто такая легковерная. Но…

Кровать скрипнула – Виктор опустился рядом. Она ощущала идущее от него тепло.

– Сейчас только это и важно. Остальное меня не интересует. Сердце говорит тебе, что я не лгу, и…

– Сердце? – перебила Кэти и, покачав головой, рассмеялась. – Мое сердце всегда было паршивым психологом. Нет, дело не в сердце. Есть факты. Первый – ты оставил меня в живых. Второй – смерть другой Кэти Уивер…

Перед глазами встало вдруг лицо той женщины на фотографии в газете, и Кэти содрогнулась. Оно, это лицо, подтверждало правоту Виктора. Оно да еще выстрелы в окно ее квартиры. И конечно, смерть Сары. Бедная, бедная Сара.

Кэти поймала себя на том, что вот-вот расплачется – к глазам уже подкатились слезы, дыхание сбилось…

Она не противилась, когда Виктор сначала обнял ее, потом уложил на кровать и сам лег рядом. Он гладил ее по спине, шептал слова утешения и поддержки, а потом выключил лампу. Они лежали обнявшись,

держась друг за друга, две испуганных души, соединившиеся против жестокого, страшного мира. Прижимаясь к его груди, Кэти чувствовала себя в безопасности. Здесь она никого не боялась. Здесь ее никто не посмел бы обидеть. Да, тот, в чьих объятиях она укрылась от опасности, был чужаком, но и запах его рубашки, и биение его сердца, и многое другое уже казалось знакомым. Будь ее воля, она осталась бы здесь навсегда.

Она вздрогнула, когда его губы коснулись ее лба. Теперь он гладил ее лицо, шею, согревая, успокаивая. Когда его рука скользнула под блузку, она не стала протестовать. Виктор положил руку ей на грудь, и в этом не было ничего предосудительного, все казалось естественным – он не вторгался, как вор и насильник, а просто и мягко напоминал, что все хорошо, что тревожиться не о чем.

И все же тело само откликнулось на ласку.

Сосок напрягся под теплой ладонью, тепло разлилось дальше, накрыв волной шею и лицо. Она выпростала руку и принялась расстегивать пуговицы на его рубашке. В темноте получалось плохо, медленно и неуклюже. К тому времени, когда она наконец просунула руку под рубашку, оба уже дышали тяжело и шумно.

Кэти провела ладонью по широкой груди, густо заросшей жесткими, слегка пружинящими волосками, прошлась пальчиком вокруг соска, и Виктор глухо застонал и напрягся.

Играть с огнем опасно, в чем она и убедилась в следующую секунду, когда его губы впились в ее – жадно, беспощадно, стремительно. Прижатая к матрасу, с утонувшей в подушках головой, Кэти оказалась в полной его власти. Запах горячего мужского тела пьянил, сводил с ума. Водоворот полузабытых ощущений захватил ее и увлек в головокружительную бездну. И только когда он наконец отстранился, они оба вынырнули, чтобы отдышаться.

Виктор посмотрел на нее сверху с таким мучительным выражением, словно сопротивляться соблазну было выше его сил.

– Это безумие, – прошептал он.

– Да… да…

– У меня и в мыслях не было…

– У меня тоже…

– Просто мы оба напуганы. Напуганы и сами не знаем, что делаем.

– Не знаем. – В глазах защипало от подступивших неожиданно слез, и она зажмурилась. – Мне страшно, Виктор. Обними меня. Пожалуйста. Просто обними.

Он тут же прижал ее к себе – на этот раз нежно, без малейшего намека на страсть. Она опустила голову на его обнаженную грудь. Да, он, конечно, прав. Заниматься любовью было бы безумием, ведь они оба знают, что желание разжигал только страх. Теперь страсть обуздана…

Ее накрыло ощущение покоя. Свернувшись калачиком, она прижалась к нему и закрыла глаза.

Усталость сморила обоих. Напряжение уходило, и сон понемногу затягивал их в свою тень. Кэти, если бы даже и захотела, уже не смогла бы шевельнуть ни рукой, ни ногой. Словно бестелесный призрак, она парила в темноте, плыла в теплом, густом и темном, как чернила, море.

Потом между сомкнутыми веками прокрался свет.

Окутывавшее ее тепло рассеялось. Но где же оно? Еще мгновение, и Кэти почувствовала, как кто-то трясет ее за плечо.

– Кэти, проснись! Ну же, Кэти!

Она с трудом разлепила веки и сонно уставилась на него:

– Виктор?

– Там что-то происходит. Посмотри.

Кэти сползла с кровати, подошла вслед за ним к окну и приникла к просвету между шторами. Что именно встревожило Виктора, стало ясно с первого взгляда: у входа в мотель стояла патрульная машина. В ночной тишине было слышно сухое потрескивание рации.

Сон словно рукой сняло. Отступив от окна, она торопливо оглядела комнату – выход был только один.

– Уходим, быстро! – скомандовал Виктор. – Здесь мы в ловушке.

Он приоткрыл дверь, и они выбрались на идущий по периметру здания металлический мостик. Студеный ночной воздух ожег щеки не хуже пощечины. Кэти уже дрожала, но не столько от холода, сколько от страха. Пригнувшись, они пробежали по мостику и нырнули за торговый автомат.

Дверь в вестибюль открылась, и до них долетел голос менеджера:

– Да, наверх и вправо. Надо же. Кто бы мог подумать… с виду вполне приличный парень…

Взвизгнув покрышками, к мотелю подлетела еще одна патрульная машина.

Виктор подтолкнул Кэти в спину:

– Уходим!

Они проскользнули в переход и пробежали к другой стороне здания. Лестницы не было. Пришлось перелезать через перила и прыгать на парковочную площадку.

Со стороны мотеля донесся стук и требовательный голос:

– Откройте! Полиция!

Кэти и Виктор, как по команде, рванули в сторону от площадки. Никто их не заметил, никто не бросился за ними в погоню, но они бежали и бежали, пока не оставили за спиной несколько кварталов и не начали спотыкаться от усталости.

Первой сдалась Кэти. Едва держась на ногах, она прислонилась к стене и, отдышавшись, прохрипела:

– Как они тебя нашли?

– По звонку не могли… я не повесил трубку… – Виктор вдруг хлопнул себя по лбу. – Ну конечно! Кредитка! Мне пришлось воспользоваться ею, чтобы заплатить по счету.

– И что теперь? Попробуем найти другой мотель?

Он покачал головой:

– У меня осталось сорок долларов. Расплачиваться кредиткой нельзя – слишком большой риск.

– А я оставила сумочку в квартире. Признаться, идти туда сейчас как-то не хочется.

– Мы и не пойдем. За твоей квартирой, несомненно, наблюдают.

Наблюдают. Кто? Кэти уже знала – убийцы.

– И что же нам делать? – прошептала она.

Виктор ответил не сразу. Сунув руки в карманы, понурившись, он одним своим видом демонстрировал отчаяние.

– У тебя есть друзья, к которым можно уехать?

– Да, наверное. Есть подруга… Хотя… Нет, она вернется в город только к пятнице. Да и что я ей скажу? Как объясню твое присутствие?

– Ты права. Объяснить это невозможно. У нас нет сейчас ответов на расспросы любопытных.

«Значит, большинство моих друзей отпадает, – с горечью подумала Кэти. – Идти некуда. Обратиться не к кому. Разве что…»

Нет, она ведь дала себе слово, что никогда и ни за что не унизится до того, чтобы обращаться за помощью к этому субъекту. Ни при каких обстоятельствах…

Виктор огляделся.

– Тут неподалеку автобусная остановка. – Он пошарил в кармане, вынул руку и протянул ей несколько банкнотов и горстку монет. – Возьми. Уезжай из города. Отправляйся к кому-нибудь из знакомых, погости…

– А как же ты?

– Обо мне не беспокойся.

– У тебя же нет денег. И тебя все ищут. – Кэти покачала головой.

– Тебе опасно оставаться со мной. Лучше держись подальше. – Он вложил деньги ей в ладонь.

«Это же все, что у него есть, – подумала Кэти. – Он отдает мне последнее, а сам остается ни с чем».

– Нет, я не возьму.

– Другого варианта нет. Тебе необходимо уехать.

– Но…

– Не спорь со мной, – отрезал он.

Она вздохнула и неохотно кивнула.

– Я подожду, пока ты сядешь на автобус. Доедешь прямо до вокзала.

– Виктор…

Он остановил ее взглядом и, взяв за плечи, посмотрел в глаза:

– У тебя все будет хорошо. – Он наклонился и поцеловал ее в лоб. Губы на мгновение задержались, и тепло его дыхания колыхнуло ее волосы. – Уверен. Если бы сомневался, никогда бы не оставил тебя одну.

Из-за угла выехал автобус. Они обернулись.

– Вот и твой лимузин, – прошептал Виктор. – Ступай. – Он подтолкнул ее. – Береги себя, Кэти.

Она молча кивнула и пошла к остановке. Три шага… четыре… Она замедлила шаг. Остановилась. Обернулась. Он уже почти растворился в тени.

– Поднимайся! – крикнул Виктор.

Кэти посмотрела на автобус. «Нет, не могу».

Она оглянулась:

– Я знаю одно место! Место, где примут нас двоих!

– Что?

– Я не хотела им пользоваться, но…

Рев мотора заглушил ее слова. Автобус остановился и почти сразу же тронулся дальше.

Кэти пожала плечами:

– Придется немного прогуляться, но кров и стол нам обеспечены. И могу дать гарантию, что в полицию никто звонить не станет.

Виктор выступил из тени.

– Почему ты вспомнила об этом только сейчас?

– Я и раньше думала, но тогда ситуация еще не казалась настолько отчаянной.

– Не казалась настолько отчаянной, – задумчиво повторил он и, недоверчиво глядя на нее, шагнул к остановке. – Насколько отчаянной? Вот что, леди, объясните-ка, что именно вы имеете в виду?

– Успокойся. И пожалуйста, постарайся понять, что это – крайнее средство. И очень трудное для меня решение.

Он с прищуром посмотрел на нее:

– Что-то мне этот вариант начинает не нравиться. О чем именно идет речь? Куда ты меня приглашаешь? Это какая-то ночлежка?

– Нет, дом в районе Пасифик-Хайтс. Скорее даже не дом, а настоящий особняк.

– Вот как? И кто же там живет? Кто-то из твоих друзей?

– Наоборот. Виктор вскинул брови:

– Враг?

– Теплее. – Она устало вздохнула и махнула рукой. – Мой бывший муж.

Глава 5

– Джек, открой! Джек! – Кэти в десятый, наверное, раз постучала в дверь ненавистного дома. Никто не ответил. Окна смотрели на них пустыми, темными глазами. – Черт бы тебя побрал, Джек! – В отчаянии она шлепнула по двери ладонью. – Почему, когда ты мне нужен, тебя никогда нет дома?

Виктор огляделся. Их окружали роскошные, элегантные дома и аккуратно подстриженные кустарники.

– Ладно. Не стоять же здесь всю ночь.

– Всю ночь мы стоять не будем, – пробормотала Кэти и, опустившись на колени, принялась рыть землю в обложенной красным кирпичом клумбе.

– Ты что делаешь?

– Так, ничего. Нарушаю собственный зарок. – Джек всегда прятал запасной ключ под геранью, и если только не изменил привычкам… Пальцы наткнулись на что-то металлическое. Есть. Там, где всегда. Она поднялась, отряхнулась, вытерла грязь. – Но и у моей гордости есть пределы. Один из них – угроза смерти. – Кэти вставила ключ в замочную скважину, и… паника успела выпустить когти, когда он не повернулся с первого раза, но она чуть нажала, и замок поддался. Дверь отворилась, и перед ними открылся холл с тускло сияющим в темноте полированным деревянным полом и массивными стойками перил.

Кэти жестом предложила Виктору пройти вперед. Дверь мягко закрылась, отрезав их от всех опасностей внешнего мира. Оба облегченно выдохнули.

– И в каких ты отношениях со своим бывшим мужем? – спросил Виктор, наугад следуя за Кэти через темное фойе.

– Мы с ним разговариваем. Но только в самом крайнем случае.

– И он не будет возражать против твоего вторжения?

– Возражать? – фыркнула Кэти. – Через спальню Джека прошла добрая половина человечества, и он нисколько не возражал. Единственным условием было наличие XX-хромосом.

Проложив путь в гостиную, она подняла руку и, нащупав выключатель, включила свет. В следующее мгновение оба замерли в изумлении перед двумя обнаженными телами, привольно раскинувшимися на шкуре белого медведя.

– Джек! – вырвалось у Кэти.

Лежавший на ковре мужчина зашевелился и сел.

– Привет, Кэти! – Он почесал взлохмаченную голову и ухмыльнулся. – Почти как в старые добрые времена, а?

Женщина тоже проснулась, тряхнула копной рыжих волос и, коротко выругавшись, поднялась и, виляя голым задом, устремилась к ванной.

– Это Лулу, – представил подругу Джек и широко зевнул.

Кэти вздохнула:

– Вижу, вкус у тебя остался прежним. Пожалуй, надеяться на прогресс уже не приходится.

– Нет, милая, ошибаешься. Я показал себя тонким ценителем прекрасного, когда женился на тебе. – Нисколько не стесняясь своей наготы, Джек встал и оценивающе посмотрел на Виктора. Контраст между мужчинами бил в глаза. Джек был красавчиком и знал себе цену. Что же касается Виктора Холланда, то ему ярлык «Тщеславие» подходил так же, как Джеку бирка «Скромность». – Вижу, ты привела четвертого, – обронил Джек, поворачиваясь к бывшей супруге. – Ну что, ребята? Бридж или покер?

– Джек, мне нужна твоя помощь.

Он сделал большие глаза и с притворным изумлением покачал головой:

– Неужели?

– Ты прекрасно знаешь, что я не пришла бы сюда без крайней необходимости.

Джек подмигнул Виктору:

– Не верьте ей. Она до сих пор сходит по мне с ума.

– Мы можем поговорить серьезно?

– Дорогая, ты никогда не отличалась чувством юмора.

– Черт бы тебя побрал, Джек! Прекрати! – У каждого есть предел, и Кэти своего уже достигла. Как ни пыталась она держаться, слезы все же прорвались. – Ты можешь хотя бы раз в жизни меня выслушать?

И тут терпение лопнуло даже у Виктора. Да этот тип, Джек, полное ничтожество и придурок! Тут и психолога приглашать не надо – ясно с первого взгляда. Неужели не видит, что Кэти измотана и напугана? До сих пор Виктор восхищался выдержкой и силой этой женщины, и видеть ее плачущей было выше его сил.

Он шагнул к ней, обнял, а когда она спрятала заплаканное лицо у него на груди, бросил через плечо проклятие, в котором поминался не только сам Джек, но и его мама.

Владелец особняка не только не возмутился, но даже и бровью не повел – наверное, потому, что в его адрес летели словечки и похуже. И может быть, не только словечки. Сложив руки на груди, он лишь покачал головой:

– Как мы ее защищаем, а?

– Она нуждается в защите.

– Неужели? И от чего, если не секрет?

– Вы, может быть, не слышали. Три дня назад убили ее подругу Сару.

– Сару? Сару… Бойлан?

Виктор кивнул:

– Сегодня вечером кто-то пытался убить Кэти.

Джек уставился на него с открытым ртом. Потом, оправившись от шока, посмотрел на бывшую супругу:

– Это правда? То, что он говорит?

Кэти вытерла слезы и молча кивнула.

– Но почему ты мне сразу не сказала? С этого надо было и начать.

– Почему? Да потому, что ты с самого начала вел себя как последний придурок! – бросила она.

По холлу простучали каблучки.

– Она абсолютно права! – долетел из прихожей пронзительный женский голос. – Ты и есть придурок, Джек Цуккерман! – Дверь отворилась и захлопнулась. По особняку разнеслось глухое эхо.

Потом наступила тишина.

Первой, рассмеявшись сквозь слезы, ее нарушила Кэти.

– А знаешь что, Джек? Она мне понравилась.

Отступив на шаг и снова скрестив руки на груди – похоже, это была его излюбленная поза, – Джек бросил на нее сердитый взгляд.

– Либо я начинаю страдать от старческого слабоумия, либо ты, дорогуша, позабыла кое-что объяснить. Почему ты не обратилась в полицию? Зачем понадобилось беспокоить старину Джека?

Кэти и Виктор переглянулись.

– Мы не можем пойти в полицию, – вздохнула Кэти.

– И я так полагаю, что это имеет какое-то отношение к нему? – Джек ткнул пальцем в Виктора.

– Это долгая история…

– Не сомневаюсь. Раз уж ты боишься обратиться в полицию…

– Я могу объяснить, – перебил его Виктор.

– Вот как? Ну… хорошо. – Джек наклонился и поднял валявшийся на медвежьей шкуре банный халат. – Хорошо, – повторил он, спокойно затягивая пояс. – Мне всегда нравилось наблюдать за работой

человеческого воображения. Надеюсь, вы меня удивите. – Он опустился на обтянутый кожей диван и с улыбкой посмотрел на Виктора. – Я жду. Ваш выход. Вперед.

Лежа в постели, специальный агент Сэм Половски смотрел одиннадцатичасовые новости и безуспешно пытался согреться. Его трясло, все тело ныло, раскалывалась голова. Лежащий на прикроватной тумбочке термометр упорно показывал 40 градусов. Вот что значит менять колесо под проливным дождем. Поймать бы того шутника, что всадил гвоздь в покрышку, пока он перекусывал в придорожном кафе. Мало того что из-за него Сэм опоздал на встречу в Гарбервиле и в результате провалил задание, так он еще и потерял связь со своим единственным контактом по делу «Виратека», Виктором Холландом. И вот теперь, в довершение ко всему, еще и чертова простуда.

Выпростав руку из-под одеяла, Сэм потянулся за пузырьком с таблетками. К черту язву желудка. Когда так трещит голова, есть только одно, годами проверенное средство – аспирин.

Проглотить третью таблетку он не успел – ведущий упомянул Виктора Холланда.

«В деле появились новые улики, связывающие подозреваемого с убийством другого сотрудника компании «Виратек», доктора Джеральда Мартиника…»

Сэм сел повыше и подался к экрану.

– Какого дьявола? – прорычал он и тут же схватил трубку.

Ответили только после шестого гудка.

– Дефо? Это Половски.

– Ты хоть представляешь, который час? – сердито рыкнул шеф.

– Вы смотрели последний выпуск новостей?

– Знаешь, я уже в кроватке.

– Говорят о «Виратеке».

Пауза.

– Да. Знаю. Я уже все уладил.

– Что за чушь они там несут? Какой еще промышленный шпионаж? Их послушать, так Виктор Холланд просто…

– Вот что, Половски, успокойся и забудь.

– И с каких это пор Холланд превратился в подозреваемого в убийстве?

– Послушай, эта версия нужна нам для прикрытия. Я хочу его выманить и взять. Ради его же блага.

– И поэтому вы натравили на него копов, для которых единственное в жизни удовольствие – спустить курок?

– Ты слышал, что я сказал? Забудь.

– Но…

– Ты снят с этого дела, – бросил Дефо и положил трубку.

Несколько секунд Сэм в изумлении смотрел на телефон, потом перевел взгляд на телевизор и снова на телефон.

«Меня отстранили от дела?» Он с такой силой швырнул трубку на рычаг, что пузырек с таблетками покачнулся и упал с тумбочки.

«Ну нет, это только вы так думаете».

* * *

– С меня достаточно. – Джек поднялся с дивана. – И хочу, чтобы этот человек убрался из моего дома. Немедленно!

– Джек, пожалуйста! – вступилась за Виктора Кэти. – Дай ему шанс. Всего лишь…

– И ты поверила? Купилась на эту сказку?

– Да, я поверила ему.

– Почему?

Кэти посмотрела на Виктора – нет, все, что он рассказал, было правдой.

– Потому что он спас мне жизнь.

– Ты просто наивная дурочка. – Джек шагнул к телефону. – Неужели тебе мало того, что сказали в новостях? Его разыскивают за убийство. Не позвонишь в полицию – я сам позвоню, так что решай.

Но едва Джек взял трубку, как Виктор схватил его за руку.

– Нет, – сказал он негромко, но тоном человека, умеющего настоять на своем.

Несколько секунд мужчины молча смотрели друг на друга, и ни один не хотел уступать.

– Все не так просто, – добавил Виктор, когда напряжение немного рассеялось. – Речь идет не только об убийстве, но и о смертельно опасных исследованиях. О производстве запрещенного оружия. И ниточки тянутся в Вашингтон. К людям наверху.

– К кому именно?

– Я не знаю имен. Но они обладают большой властью и имеют возможность влиять на ситуацию здесь. У них есть доступ к федеральным фондам для финансирования исследований.

– Ясно. Какой-то благородный слуга народа убирает теперь этих ученых. С помощью ФБР.

– Джерри был не просто исследователем. Он понимал, что происходит, и не мог молчать. Чтобы остановить проект, он намеревался обратиться к прессе. Скандал отразился бы на всей администрации. Последствия представить нетрудно.

– Стоп. Вы имеете в виду Пенсильвания-авеню? Правительство?

– Может быть.

– Чепуха, – фыркнул Джек. – Послушайте, Холланд, я снимаю фильмы ужасов категории «Б». Но я не живу в них.

– Это не фильм. Это реальность. Пули здесь настоящие. И трупы тоже.

– В таком случае я тем более не желаю иметь с этим ничего общего. – Джек повернулся к Кэти: – Извини, милая. Ничего личного, но мне твоя нынешняя компания не нравится.

– Джек, ты должен нам помочь.

– Тебе – помогу. Ему – ни за что. С сумасшедшими и уголовниками дел не имею.

– Ты слышал, что он сказал? Его подставили!

– Ты такая легковерная.

– Только в отношении тебя.

– Кэти, все в порядке. – Виктор примирительно поднял руки. – Я уйду.

– Нет, не уйдешь. – Кэти вскочила с кресла, шагнула к бывшему мужу и посмотрела ему в глаза с такой ненавистью, что Джек вдруг поник и как будто усох. – За тобой должок, Джек. Ты еще не расплатился со мной за все годы нашего брака. За все те годы, что я вложила в твою карьеру, в твою компанию, в твои идиотские фильмы. Я ведь ничего не попросила и ничего не взяла. У тебя остался дом. «Ягуар». Банковский счет. Я ничего не просила, потому что ничего не хотела от этого брака. Но сейчас прошу. Этот человек спас мне сегодня жизнь. Если я небезразлична тебе, если ты хоть немного меня любил, ты окажешь мне небольшую услугу.

– И что я должен сделать? Приютить у себя преступника?

– Ненадолго. Только до тех пор, пока мы не решим, что делать дальше.

– И сколько времени вам на это потребуется? Недели? Месяцы?

– Не знаю.

– Люблю такие вот определенные ответы.

– Мне нужно какое-то время, чтобы разобраться, что пытался доказать Джерри, – сказал Виктор. – Над чем работает «Виратек».

– У вас же есть его файл. Почему бы просто не почитать эти чертовы бумажки?

– Я не вирусолог и не могу оценить информацию в полном объеме. Речь идет о некоей последовательности РНК, возможно, о вирусном геноме. Часть информации зашифрована. Пока я знаю только название проекта: «Цербер».

– И где же теперь те улики, о которых вы тут говорили?

– Я потерял папку. В тот вечер, когда меня подстрелили, она была со мной в машине. Скорее всего, они нашли ее.

– А пленка?

Виктор устало опустился в кресло. Усталость взяла свое – на посеревшем лице проступили морщины, черты обострились, глаза потухли.

– У меня ее нет. Я надеялся, что Кэти… – Он вздохнул, провел ладонью по волосам. – Ее я тоже потерял.

– Что ж, – пожал плечами Джек. – На мой взгляд, если не случится чуда, ваши шансы близки к нулю. А меня называют оптимистом.

– Я знаю, где пленка, – подала голос Кэти.

Виктор поднял голову и пристально посмотрел на нее:

– Что?

– Я не была уверена в тебе… поначалу. Не хотела говорить, пока не поверю по-настоящему…

Виктор вскочил на ноги:

– Где она?

Она вздрогнула от его резкого, требовательного тона. Заметив, как съежилась Кэти, он тут же постарался взять себя в руки:

– Извини. Мне нужна эта пленка. Нужна срочно, пока они ее не нашли. Где она?

– Кассету нашла Сара. В моей машине. Но я не знала, что пленка твоя! Подумала, что Хикки…

– Кто такой Хикки?

– Фотограф… мой знакомый…

– Хикки, – ухмыльнулся Джек. – Да, тот еще кавалер.

– Хикки спешил в аэропорт, – объяснила Кэти, – и в последнюю минуту оставил мне несколько своих кассет. Сказал, что заберет их по возвращении из Найроби. Но все его пленки из машины пропали.

– А моя? – спросил Виктор.

– В тот вечер, у Сары, я положила ее в карман халата… – Вспомнив подругу, она на мгновение опустила глаза. – Потом, приехав в город, я отправила ее почтой в студию Хикки.

– Где находится студия?

– На Юнион-стрит. Я отправила ее во второй половине дня…

– Значит, ее доставят по адресу завтра. – Виктор прошелся по комнате. – Нам нужно только подождать, пока придет почта.

– У меня нет ключа.

– Что-нибудь придумаем.

– Какой ужас, – вздохнул Джек. – Теперь он склоняет мою бывшую супругу к проникновению со взломом.

– Нам нужна только пленка!

– Тем не менее, дорогая, взлом есть взлом.

– Ты тут ни при чем.

– Но ты же просишь меня приютить взломщика.

– Только на одну ночь, Джек. Больше я не прошу.

– Звучит как реплика из дешевого фильма.

– Из твоего фильма. Но ведь в твоих картинах такие реплики всегда срабатывают, верно?

– Только не на этот раз.

– Ладно. Тогда вот тебе другая: 1988. Налоговая декларация. Точнее, отсутствие таковой.

У Джека отвалилась челюсть. Бросив полный злобы взгляд на Виктора, он с укором посмотрел на Кэти:

– А вот это уже удар ниже пояса.

– Твое самое уязвимое место.

– Я еще успею…

– Тогда попробуем еще одну. Аудит. Налоговое управление. Тюрьма.

– Ладно! Ладно! Сдаюсь. – Джек вскинул руки. – Господи, какое отвратительное слово! Ненавижу.

– Какое? Тюрьма?

– Не смейся, лапочка. Это слово легко применить к каждому из нас. – Он повернулся и направился к лестнице.

– Ты куда?

– Приготовлю постельки для гостей.

– Ему можно доверять? – спросил Виктор, когда хозяин особняка скрылся из вида.

Кэти устало опустилась на диван и закрыла глаза.

– Ничего другого не остается. Больше нам идти некуда…

Виктор ничего не сказал, но подошел и сел рядом. Она почувствовала на себе его взгляд и открыла глаза. Он смотрел на нее так пристально, так напряженно, будто пытался зарядить ее своей силой.

– Я знаю, как нелегко тебе пришлось. Просить Джека…

Кэти улыбнулась:

– Меня давно подмывало высказать ему все, что накопилось. – Она покачала головой. – Жаль, что удалось только сегодня.

– По-моему, выяснение отношений не в твоем стиле.

– Ты прав. Не люблю ругаться. Когда дело доходит для обмена крепкими выражениями, у меня наступает паралич речи.

– В это трудно поверить. Джека ты прижала здорово.

– Только потому, что речь шла не обо мне. Я беспокоилась о тебе.

– А о себе ты беспокоиться не привыкла?

Она пожала плечами:

– Так меня воспитали. Мама всегда говорила, что леди не подобает требовать что-то для себя.

Он кивнул:

– Понимаю. Самоотверженность – прекрасное качество для женщины.

Кэти невольно рассмеялась:

– Так мог сказать только настоящий знаток женщин.

– В моей жизни было только две женщины. Мать и жена.

Кэти промолчала. Интересно, как ее звали, его жену? Какой она была? Как выглядела? Должно быть, он очень ее любил – она еще тогда, когда Виктор впервые упомянул о жене, почувствовала в его голосе боль. Кэти даже ощутила укол зависти к незнакомой женщине – она многое бы отдала, чтобы и ее любили так же, – но тут же одернула себя.

Словно испугавшись, что Виктор прочитает ее недостойные мысли, она отвернулась.

– Думаю, Джек нам поможет. По крайней мере, сегодня.

– Ты ведь его шантажировала, да? Тем налогом?

– Джек – человек легкомысленный. Я всего лишь напомнила ему об одном упущении.

Виктор покачал головой:

– Ты – удивительная женщина. То по крышам прыгаешь, то бывшего мужа шантажируешь.

– Ты прав. – На лестнице появился Джек. /Коншина она и впрямь удивительная. Интересно бы посмотреть, что еще она выкинет.

Кэти со вздохом поднялась.

– Сейчас я способна на все, – сказала она и, обойдя Джека, направилась к лестнице. – На все, что угодно. Только бы остаться в живых.

Ее шаги стихли наверху. Мужчины, проводив Кэти взглядами, молча посмотрели друг на друга.

– Итак. – Джек натянуто усмехнулся. – Что у нас дальше в программе вечера? Скраббл?

– Попробуй солитер, – бросил Виктор, поднимаясь. Обмениваться любезностями с Джеком Цуккерманом не было ни малейшего желания. Скользкий, эгоистичный проходимец. А как относится к женщинам… это просто возмутительно! И что только могла увидеть в нем Кэти? Хотя, конечно, Джек – красавчик и богач. Классный парень. Как говорится, лакомый кусочек. Такая комбинация кого угодно ослепит.

«У меня ничего этого никогда не будет».

Уже ступив на лестницу, Виктор остановился. Оглянулся.

– Послушайте, Цуккерман, вы еще любите свою жену?

Вопрос явно застал Джека врасплох.

– Люблю ли я ее? Хм, дай подумать. Пожалуй, нет. Но какие-то теплые чувства сохранились. Как-никак десять лет прожили вместе. И конечно, я отношусь к ней с глубоким уважением.

– Вы ее уважаете?

– Да. За ее таланты. За ее способности. Лучшего художника по гриму у меня не было.

Так вот что она для него. Ценное имущество. Актив, который можно использовать. Этот мерзавец думал только о себе. Было бы куда уйти, Виктор ушел бы. Но единственный человек, которому он доверял, Джерри Мартиник, погиб. За другими могли наблюдать. К тому же они не проворачивали афер с налогами и не могли позволить себе особняк в таком районе, как Пасифик-Хайтс. С другой стороны, Джек обладал достаточными возможностями и связями, чтобы переправить Кэти в безопасное место. Оставалось лишь надеяться, что его теплые чувства не остынут в ближайшее время и что он присмотрит за ней.

– Есть предложение.

Джек недоверчиво прищурился:

– Что за предложение?

– Вообще-то по-настоящему им нужен я, а не Кэти, и мне не хотелось бы подвергать ее ненужной опасности. Хватит с нее и того, что было.

– Очень благородно.

– Будет лучше, если я уйду один. Можно рассчитывать, что с вами она в безопасности?

Джек переступил с ноги на ногу. Потупился.

– Э, конечно. Думаю, что да.

– А вы не думайте. Да или нет?

– Послушай, приятель, в следующем месяце у нас начинаются съемки в Мексике. Сцены в джунглях, черные лагуны и все такое. Места вполне безопасные.

– Это в следующем месяце. А сейчас?

– Я что-нибудь придумаю. Главное, чтобы ты исчез с горизонта. Как ни крути, в переплет она попала по твоей вине.

Возразить было нечего. Виктор и сам это понимал: «С той ночи, как мы встретились, я доставлял ей одни только неприятности».

Он кивнул:

– Завтра меня здесь не будет.

– Хорошо.

– Позаботьтесь о Кэти. Увезите ее из города. Еще лучше – из страны. Не теряйте времени.

– Да. Конечно, – торопливо, явно спеша поскорее отделаться от надоедливого гостя, согласился Джек, и у Виктора не в первый уже раз мелькнула мысль, что этот красавчик думает исключительно о себе. Но что еще оставалось? Ничего. Только полагаться на Джека Цуккермана.

Поднимаясь по лестнице на второй этаж, где находились комнаты для гостей, он подумал, что завтра утром они расстанутся навсегда. За три дня между ними завязалась пусть и тонкая, но прочная нить. Он обязан ей жизнью. Такое не забывается.

«Даже если мы никогда больше не увидимся…»

В холле наверху Виктор замедлил шаг перед закрытой дверью и прислушался. Шаги… стук дверцы… скрип пружин…

Он постучал в дверь:

– Кэти?

Пауза. Затем:

– Входи.

Комнату скупо освещала одна лампа. Кэти сидела на кровати в непомерно большой мужской рубашке. Волосы влажными волнами падали на плечи. В тенях по углам прятался запах мыла и шампуня. Эти запахи, свежие, чуть сладковатые, женские, напомнили о жене, и он ощутил вдруг прилив желания, жажду тепла, нежности и любви – всего того, что могла дать только женщина. Но не каждая. Это для Джека любое теплое тело достаточный реквизит. Виктор же мечтал о сердце и душе – упаковка имела второстепенное значение.

Его жена, Лили, не блистала красотой, хотя и некрасивой ее никто бы не назвал. Даже в самом конце, когда болезнь выжала из нее все соки, ее глаза сияли мягким светом любви.

Такое же сияние он видел в глазах Кэтрин Уивер в ночь, когда она спасла ему жизнь. И его же он видел сейчас.

Кэти сидела, откинувшись на подушки. Когда Виктор вошел, она встретила его взглядом, в котором он прочел ожидание и страх. На щеках еще поблескивали слезы, пальцы мяли скомканную салфетку.

Он не стал подходить – остался у двери.

– Я поговорил с Джеком.

Она молча кивнула.

– Мы договорились, что мне нужно уйти. Как можно скорее. Так будет лучше для всех. Так что завтра утром…

– А как же пленка?

– Я сам ее возьму. Мне только нужен адрес Хикки.

– Да. Конечно. – Кэти опустила глаза. Помяла салфетку.

Виктор видел, она хочет сказать что-то, но не решается. Он подошел, сел рядом на кровати и тут же ощутил идущий от нее чуть сладковатый аромат. Ее рубашка чуть сползла с плеча, и между разошедшимися полами мелькнули соблазнительные тени. Отвести взгляд в сторону стоило немалых усилий.

– Поверь, все будет в порядке. Джек сказал, что позаботится о тебе. Вывезет из города.

– Джек так сказал? – Она горько усмехнулась.

– С ним ты в большей безопасности. Я ведь даже не знаю, куда пойду, что буду делать. Не хочу втягивать тебя в свои неприятности.

– Поздно. Уже втянул. Я увязла в них по уши. И что ты теперь мне предлагаешь? Я не могу просто сидеть сложа руки и ждать, пока ты все там уладишь. За мной долг перед Сарой…

– А за мной долг перед тобой. Я не могу допустить, чтобы ты пострадала.

– И ты думаешь, что если оставишь меня на попечение Джека, то все будет в порядке? Так вот, не будет. Сара мертва. Ее ребенок мертв. И это не только твоя вина, но и моя тоже.

– Нет, Кэти, нет. Ты не права…

– Это моя вина! Ты знаешь, что она всю ночь пролежала там, на дорожке, возле машины? Под дождем. На холоде. Она умирала, а я преспокойно спала. Я все проспала! – Кэти вдруг уронила голову и закрыла лицо руками. Чувство вины, мучавшее ее со дня смерти подруги, прорвалось наконец слезами. Она плакала беззвучно, стыдливо и ничего не могла с собой поделать.

Виктор сделал то, что сделал бы на его месте любой мужчина: обнял ее за плечи, привлек к себе и погладил по спине. И тут же понял, что совершил ошибку. Она пристроилась так ловко, так естественно, как будто здесь, на груди у него, у самого сердца, было ее привычное место, как будто без нее там зияла огромная дыра. Он прижался губами к влажным волосам, втянул пьянящий аромат мыша и теплой кожи. Уже одного этого было достаточно свести с ума любого мужчину, а тут еще прямо перед глазами отливало матовым блеском смуглое, бархатистое плечо. Поглаживая ее по спине, по волосам, шепча невнятные слова утешения, Виктор снова и снова, словно инструкцию, повторял про себя: «Я должен оставить ее. Ради ее же блага я должен оставить эту женщину. Иначе вместе со мной погибнет и она».

– Кэти… – Собравшись с силами, он отстранился, положил руки ей на плечи и посмотрел в глаза. На ее ресницах еще висели бисеринки слез. – Кэти, нам нужно поговорить.

Она кивнула, сморгнула слезы, вытерла рукавом мокрые щеки.

– Я хочу, чтобы ты завтра же утром, чем раньше, тем лучше, уехала из города. Отправляйся с Джеком в Мексику. Или куда-то еще. Главное – исчезни с глаз и держись подальше отсюда.

– А ты что будешь делать?

– Прежде всего надо посмотреть пленку, определить, какого рода уликами я располагаю.

– А потом?

– Пока еще не знаю. Может быть, отнесу пленку в какую-нибудь газету. ФБР определенно исключается.

– Как мне узнать, что ты в порядке? Как связаться с тобой?

Виктор задумался. Думалось плохо – приходилось блокировать ее запах, прикосновение ее волос, тепло ее дыхания. Он даже поймал себя на том, что, сам того не замечая, поглаживает ее обнаженное плечо. Боже, до чего же гладкая у нее кожа!

– Виктор?.. – В ее зеленых глазах сгустились облачка тревоги.

Он тряхнул головой, сосредоточился.

– Вот как мы сделаем. Каждое второе воскресенье я буду помещать сообщение в «Лос-Анджелес таймс». Объявление, адресованное, скажем… Коре. Вся нужная информация будет там.

– Кора. – Она кивнула. – Хорошо. Я запомню.

Они посмотрели друг на друга, молча соглашаясь, что настал час расставания. Он погладил ее по щеке и, наклонившись, поцеловал в губы. Кэти едва ответила – казалось, мысленно она уже произнесла все слова прощания.

Он поднялся с кровати, шагнул к двери, но у порога задержался.

– Ты справишься?

Она кивнула, но как-то уж слишком механически, как будто отвечала на вопрос о погоде или чем-то другом, столь же маловажном.

– Да, конечно. Все будет в порядке. В конце концов, Джек ведь обо мне позаботится.

От него не укрылась прозвучавшая в ее голосе ирония. Похоже, Джек не внушал доверия не только ему, но и своей бывшей жене. «Но что я могу предложить? Потащить ее с собой в качестве мишени?»

Виктор взялся за ручку. Нет, так все-таки лучше. Он уже изрядно потрепал ее жизнь – рвать дальше было бы безответственно и не по-мужски.

Переступив порог, он не удержался и еще раз бросил взгляд через плечо. Кэти все еще сидела на кровати, подтянув колени к груди, и обнаженное плечо по-прежнему высовывалось из-под сползшей рубашки. На мгновение ему показалось, что она плачет, но тут Кэти подняла голову, и их взгляды встретились. В ее глазах он увидел не слезы, а что-то другое, что-то трогательное, чистое и прекрасное.

Бесстрашие.

Рассвет едва забрезжил, а Сэвич уже стоял напротив дома Джека Цуккермана. Утренний туман понемногу рассеивался, и он, скользя взглядом по зарешеченным окнам, пытался представить тех, кто скрывался за ними. Сколько их там? В каких комнатах они спят? И есть ли среди них Кэтрин Уивер?

Скоро он это выяснит.

Сэвич опустил в карман черную адресную книжку, которую прихватил в квартире женщины. Фамилия и имя, К. Цуккерман, и этот адрес были записаны на внутренней стороне обложки. Потом Цуккермана вычеркнули, а вместо него вписали другую – Уивер, из чего следовал очевидный вывод: супруги развелись. Открыв страничку на букве «Ц», он обнаружил имя «Джек» и внушительный список относящихся к нему адресов и телефонов, как местных, так и заграничных. Сбор информации – дело пустячное. Требуется немногое – важный вид и полицейский жетон. Этот же самый жетон Сэвич намеревался использовать и сейчас.

Он еще раз оглядел особняк, отметив и чистенькие, причесанные лужайки, и аккуратно подстриженные кустики, и декоративные решетки с впавшей в зимнюю спячку глицинией. Успешный парень, этот Джек Цуккерман. Сэвич всегда восхищался успешными людьми. Он обдернул пиджак, под полой которого скрывалась плечевая кобура, пересек улицу, поднялся по ступенькам и позвонил в дверь.

Глава 6

Кэти проснулась с первым светом. Возвращение в реальный мир мало походило на плавный переход – ее как будто вытолкнуло в него. Она тут же вспомнила, что лежит не в своей кровати и даже не у себя дома. Что-то было не так, но что? Кэти напрягла память, а когда вспомнила, соскочила с кровати и стала поспешно одеваться в предрассветной полутьме. *Будь готова ко всему…*

Судя по скрипу половиц в соседней комнате, Виктор тоже не спал и, вероятно, уже составлял планы на день. Она открыла встроенный шкаф, надеясь найти что-то, что могло бы пригодиться ему, но обнаружила только нейлоновую сумку на «молнии» и плащ. Комод порадовал ее двумя парами мужских носков и разнокалиберным женским бельем. Черт бы побрал Джека вместе с его подружками, с раздражением подумала она и с силой задвинула ящик. И тут же по дому разнеслось эхо другого звука.

В дверь позвонили.

Семь часов – не самое подходящее время ни для гостей, ни для службы доставки. Дверь вдруг распахнулась, и Кэти, обернувшись, увидела на пороге Виктора с застывшим в напряжении лицом.

– Что будем делать? – спросила она.

– Будь готова уходить. Быстро.

– Здесь есть задняя дверь…

– Идем.

Они пробежали по коридору к лестнице и уже спускались, когда внизу послышался сонный, ворчливый голос Джека:

– Иду. Иду, черт бы тебя побрал! Хватить названивать! Я уже иду!

И снова звонок.

– Не открывай! – прошипела сверху Кэти. – Подожди…

Поздно. Джек уже распахнул дверь. В тот же момент Виктор схватил Кэти за руку. Они отступили и замерли, прижавшись к стене, затаив дыхание, прислушиваясь к доносящимся снизу голосам.

– Да, – сказал Джек, отвечая на вопрос, которого они не расслышали. – Я – Джек Цуккерман. А кто вы?

Гость что-то сказал, но слишком тихо. Они только поняли, что это мужчина.

– Вот как? – В голосе Джека прорезались вдруг панические нотки. – Так вы, говорите, работаете с ФБР? И чего же хочет ФБР от моей бывшей жены?

Кэти бросила взгляд на Виктора.

– Где выход? – одними губами прошептал он.

Она кивком указала в сторону спальни в конце коридора. Осторожно, на цыпочках, замирая на каждом шагу, понимая, что малейший скрип половицы может привлечь внимание гостя, они прокрались по ковровой дорожке.

– У вас есть ордер? – спросил внизу Джек. – Эй, эй, минутку! Вы не имеете права врываться в дом без ордера!

«Не успеем», – испуганно подумала Кэти, проскальзывая в последнюю комнату. Виктор тихонько прикрыл за собой дверь.

– Окно! – прошептала она.

– Будем прыгать?

– Нет. – Кэти прошла через спальню и осторожно подняла створку. – Там решетка.

Виктор выглянул и, увидев поднимающиеся вверх по стене побеги глицинии, с сомнением покачал головой.

– Думаешь, выдержит?

– Уверена, – ответила Кэти, перенося ногу через подоконник. – Однажды я застала Джека с какой-то блондинкой, так она спустилась по этой самой решетке. А девица, можешь мне поверить, была, что называется, в теле. – Она посмотрела вниз и поморщилась от накатившей вдруг волны тошноты. Страх высоты проснулся и напоминал о себе. – Господи, сколько же можно...

Внизу прогремел возмущенный голос Джека:

– Никуда я вас не пущу! Вы мне ордер не показали! Нет, подняться не позволю!..

– Быстрее! – шепнул Виктор.

Кэти нащупала ногой решетку. Проверила – держит. Встала на обе ноги. И соскользнула вниз. Ветки царапнули лицо. Еще секунда, и она, разжав пальцы, упала на влажную от росы траву. Мгновением позже рядом приземлился Виктор.

Не говоря ни слова, они вскочили и метнулись к живой изгороди из кустов азалии. Жалобный голос Джека доносился уже из окна второго этажа:

– Я знаю свои права! Это незаконное вторжение! Я сейчас же позвоню своему адвокату!

«Только бы он нас не увидел!» С этой мыслью Кэти влетела в кусты и распласталась на земле. Виктор упал слева и крепко прижал ее к себе. Она чувствовала его неровное, горячее дыхание. Некоторое время – им показалось, что прошла вечность, – они лежали на сырой траве, дрожа от холода, скрытые кустами и утренним туманом.

– Ну, убедились? – снова заговорил Джек. – Видите, в доме никого нет. Только я один. Что еще? Хотите проверить гараж?

Окно закрыли.

Виктор легонько толкнул Кэти в бок.

– Уходим, – прошептал он. – Сначала к концу изгороди. Потом бегом.

Кэти двинулась первой – на четвереньках, не поднимая головы, прижимаясь к азалии. Джинсы моментально промокли, колючки в кровь изодрали ладони, но она не чувствовала ни боли, ни холода – только страх. Виктор полз следом. В какой-то момент он ткнулся плечом ей в бедро, и Кэти вдруг пришло в голову, что для постороннего они, должно быть, представляют собой странную пару.

У последнего куста она остановилась и смахнула упавшие на лицо пряди.

– Ну что? К соседнему дому?

– Давай!

Они сорвались с места и помчались, как перепуганные насмерть кролики, через разделявшую два дома лужайку шириной примерно в двадцать ярдов. Добежав до ближайшего угла, они не остановились, а понеслись дальше – мимо припаркованных автомобилей, не обращая внимания на первых прохожих, – и, только миновав пять кварталов, нырнули в какое-то кафе и сразу же прильнули к окну. Признаков погони заметно не было. Улица выглядела обыденно: подходили и уходили автобусы, люди спешили на работу, кутаясь в шарфы и прячась от ветра за поднятыми воротниками пальто.

За спиной у них, в глубине помещения, шипел жарящийся на гриле бекон. От стойки потянуло ароматом свежесваренного кофе. Мучительно соблазнительные запахи напомнили Кэти, что на двоих у них не больше сорока долларов. Как глупо! Ну почему она не попросила – или не украла в крайнем случае – у Джека хотя бы пару сотен?

– Что теперь? – спросила она, втайне надеясь, что Виктор предложит позавтракать.

Он прошелся взглядом по улице.

– Пойдем дальше.

– Куда?

– К Хикки.

– Ладно, – вздохнула Кэти. Еще одна долгая прогулка на пустой желудок.

Мимо кафе проплыла машина. Стикер на бампере радостно оповещал: «Сегодня твой последний день».

Господи, подумала Кэти, только этого не хватало. Виктор уже вышел, и она последовала за ним.

Начальник оперативного отдела Ларри Дефо сидел за столом в своем кабинете. Сидел в кресле-тренажере, накачивая в данный момент мышцы плечевого пояса.

Наблюдая за стараниями шефа, Сэм Половски думал, что тренажер, хитроумная система из проводов и шкивов, весьма смахивает на некое экзотическое орудие пыток.

– Тебе следует понять, – прохрипел Дефо, – что в данном случае – уфф! – мы решаем другие вопросы. Вопросы, о сути которых ты ничего не знаешь.

– Что за вопросы? – спросил Половски.

Дефо отпустил ручки и поднял голову. Лицо его поблескивало от выступившего пота.

– Не могу сказать. Не имею права. Ты ведь это понимаешь, да?

Глядя на черные рукоятки, Половски пытался решить, не стоит ли и ему приобрести такой же тренажер и будет ли от этого польза. Может быть, подкачав бицепсы, он заслужит у коллег большего уважения?

– Я все-таки не понимаю, какой в этом смысл – поджарить Виктора Холланда на электрическом стуле.

– Смысл в том, что распоряжаешься здесь не ты.

– Я пообещал Холланду, что вытащу его из этой заварушки.

– Он сам часть заварушки! Сначала утверждает, что располагает уликами, потом исчезает с этими уликами.

– Вина частично лежит на мне, – признался Половски. – На встречу с ним я опоздал.

– Но почему не попытался связаться позже?

– Не знаю. – Половски со вздохом покачал головой. – Может, его и в живых уже нет.

– Может, нам просто надо найти его. – Дефо снова потянулся к рукояткам тренажера. – Может, тебе надо поработать с файлом Ланзано. Или пойти домой и отдохнуть. Ты ужасно выглядишь.

– Да. Конечно. – Половски повернулся и шагнул к двери. За спиной у него шеф уже сопел от натуги.

Вернувшись в кабинет, он сел за стол, на котором выстроилась небольшая батарея лекарств: капсулы от простуды, аспирин и сироп от кашля. На всякий случай Половски принял двойную порцию каждого. Потом открыл кейс и достал папку с материалами по делу «Виратека».

Эти материалы он собирал сам – записки, сообщения, номера телефонов, вырезки из газет. Перебрав их и не найдя никакой зацепки, Половски не в первый уже раз задумался о связи между Холландом и Кэтрин Уивер. В первый раз ее имя попалось ему на глаза в больничном журнале регистрации. Позже выяснилось, что Кэтрин Уивер – надо же! – имеет отношение к убитой в Гарбервиле женщине, Саре Бойлан. Слишком много совпадений, слишком много неожиданностей. Может быть, он что-то просмотрел, чего-то не заметил, упустил очевидное? Может быть, ответы стоит поискать у Кэтрин Уивер?

Сэм подтянул телефон, снял трубку и набрал номер управления полиции Гарбервиле. Там должны знать, как найти свидетеля, а она, возможно, знает, как найти Виктора Холланда. Шансов, конечно, немного, но Сэм Половски, ветеран тотализатора, любил ставить на аутсайдеров.

Звонивший в дверь больше всего напоминал пень в дешевом коричневом костюме. Джек открыл дверь и покачал головой:

– Извините, но я сегодня ничего не покупаю.

– А я ничего и не продаю, мистер Цуккерман, – ответил человек в коричневом костюме. – Я агент ФБР.

– Ох, – простонал Джек. – Опять.

– Я – специальный агент Сэм Половски. Разыскиваю женщину, Кэтрин Уивер, в замужестве Цуккерман. Полагаю, она…

– У вас там что, не знают, когда остановиться?

– Что значит «остановиться»?

– А то, что один ваш агент уже приходил сюда сегодня утром. Поговорите с ним!

Мужчина в коричневом костюме нахмурился:

– Наш агент? Сегодня утром?

– Да. И я намерен подать на него жалобу. Ворвался сюда без всякого ордера, расхаживал по всему дому…

– Как он выглядел?

– Как выглядел? Да откуда мне знать! – Джек задумался. – Темные волосы, накачанный. А вот манеры оставляют желать лучшего.

– Примерно моего роста?

– Выше. Худее. Волос намного больше.

– Он представился? Сказал, как его зовут? Случайно, не Макбрейден?

– Нет, не назвался.

Половски достал жетон, и Джек, прищурившись, прочитал: «Федеральное бюро расследований».

– Он показал вам такой?

– Нет. Он только спросил, нет ли здесь Кэти и какого-то парня по имени Виктор Холланд и не знаю ли я, как их найти.

– И вы ему сказали?

– Такому придурку? – Джек рассмеялся. – Да я бы не сказал ему, который час. И уж конечно, не сказал бы… – Он остановился. – Да ничего бы я ему не сказал. Даже если бы и знал. А я ничего не знаю.

Не спуская с Джека глаз, Половски сунул жетон в карман.

– Думаю, мистер Цуккерман, нам нужно поговорить.

– О чем?

– О вашей бывшей жене. У нее большие неприятности.

– Я уже в курсе, – вздохнул Джек.

– Ей угрожает серьезная опасность. Не могу посвятить вас во все детали, мистер Цуккерман, потому что и сам всего не знаю, но одна женщина уже убита. Ваша жена может быть следующей.

– Моя бывшая жена.

– Ваша бывшая жена может быть следующей.

Джек лишь пожал плечами – похоже, аргументы Половски не произвели на него должного впечатления.

– Ваш долг, как гражданина, рассказать мне все, что вам известно, – напомнил Половски.

– Мой долг? Ах да.

– Послушайте, будете сотрудничать, и мы прекрасно поладим. Станете упираться, пожалеете. – Половски улыбнулся. Джек – нет. – Итак, мистер Цуккерман. Кстати, я могу называть вас Джеком? Итак, Джек, почему бы вам не сказать мне, где она сейчас? Пока еще не поздно. Для вас обоих.

Джек нахмурился. Злобно посмотрел на гостя. Побарабанил пальцами по двери. Потом, по-видимому все взвесив, отступил в сторону.

– Что ж, полагаю, как законопослушный гражданин, я должен выполнить свой долг. – Он неохотно кивнул и махнул рукой. – Проходите, Половски. Расскажу, что знаю.

* * *

Окно треснуло, брызнув дождем щепок в темную комнату. Кэти вздрогнула и виновато моргнула.

– Извини, Хикки, – прошептала она.

– Потом разберемся, – сказал Виктор, выбивая торчащие осколки стекла. – Пришлем чек в качестве компенсации. Ты кого-нибудь видишь?

Кэти бросила взгляд влево, вправо – переулок был пуст и тих. Только у мусорных контейнеров шелестела скомканная газета. Издалека, с Юнион-стрит, доносились приглушенный шум автомобилей да пронзительные вопли клаксонов.

– Чисто.

– Вот и отлично. – Виктор прикрыл подоконник ветровкой. – Залезай.

Он помог ей забраться в окно, и Кэти, осторожно развернувшись, спрыгнула в комнату, на усеянный битым стеклом пол. Виктор последовал за ней.

Судя по всему, они оказались в гримерной. На вешалке у одной стены висело женское белье, вдоль другой стояли туалетные столики и высокое зеркало.

Заметив переброшенный через спинку стула шелковый пеньюар нежного персикового цвета, Виктор нахмурился:

– Кстати, какими фотографиями занимается твой приятель?

– Хикки специализируется на так называемых «будуарных портретах».

Виктор перевел взгляд на свисавшее с крючка черное кружевное неглиже.

– «Будуарные портреты»? Это означает то, что я думаю?

– А что ты думаешь?

– Ну, ты же понимаешь.

Кэти направилась в соседнюю комнату.

– Хикки утверждает, что это не порнография, а эксклюзивное эротическое искусство и… – Она замерла на полушаге перед огромной фотографией. Обнаженные части человеческих тел – восемь или даже больше – переплелись в причудливую композицию, напоминающую жутковатого осьминога. Воображению тут делать было нечего. Абсолютно.

– Хорош эксклюзив, – сухо заметил Виктор.

– Это, наверное, один из его… э… коммерческих проектов.

– Интересно, что продают те, кто заказывает такое?

Кэти отвернулась и оказалась перед другой фотографией – двух роскошных красоток, представленных в костюмах Евы.

– Надо думать, еще один коммерческий проект? – вежливо осведомился Виктор.

Она покачала головой:

– Не спрашивай.

В передней они обнаружили скопившуюся под дверью недельную горку корреспонденции, состоящую главным образом из каталогов и рекламных листков. Кассеты с фотопленкой, отправленной днем ранее, в этой груде не было.

– Предлагаю остаться здесь и просто подождать почтальона, – сказала Кэти.

Виктор кивнул:

– Пожалуй. Место вроде бы безопасное. Как думаешь, здесь можно поживиться чем-нибудь съестным?

– Если не ошибаюсь, в галерее должен быть холодильник.

Кэти провела Виктора в комнату, претенциозно называвшуюся фотогалереей, и щелкнула выключателем. Вспыхнувшие в самых неожиданных местах лампы буквально ослепили незваных гостей.

– Так вот где он, так сказать, работает, – пробормотал Виктор, щурясь от яркого света.

Перешагнув через путаницу проводов, он медленно прошел по комнате, с удивлением разглядывая постановочный реквизит и качая недоуменно головой. Коллекция и впрямь подобралась необычная: самая настоящая английская телефонная будка, уличная скамейка, велотренажер. Центральное место занимала внушительных размеров кровать со смятым покрывалом и свисающими со столбика наручниками.

– И что, этот парень действительно твой хороший друг? – спросил Виктор, взвешивая наручники на ладони.

– Когда он фотографировал меня месяц назад, ничего этого здесь не было, – пожала плечами Кэти.

– Фотографировал тебя? – Виктор обернулся и в изумлении уставился на нее.

Представив, какие картины проносятся в его воображении, Кэти покраснела. Наверняка видит ее раскинувшейся в соблазнительной позе на этой дурацкой кровати. И непременно в наручниках.

– Это было не то, что ты думаешь, – запротестовала она. – Я просто оказала ему услугу…

– Услугу?

– Съемка была чисто коммерческая!

– Вот как.

– Мне не пришлось раздеваться. Я была в комбинезоне. Изображала сантехника.

– Неужели? А женщины бывают сантехниками?

– Я была на замене. Одна из моделей не смогла прийти, и Хикки требовался кто-то с самой обычной внешностью. В общем, заурядная личность. Он вспомнил обо мне. На фотографии было только мое лицо.

– И комбинезон.

– Верно.

Они посмотрели друг на друга и рассмеялись.

– Представляю, что ты подумал.

– Не хочу даже говорить, что я подумал. – Виктор оглядел комнату. – Ты вроде бы сказала, что здесь можно найти что-то съедобное?

Кэти подошла к холодильнику и открыла дверцу. На одной полке обнаружилась банка пикулей, на другой застывшая морковка и половинка салями. А вот морозилка порадовала настоящим сокровищем в виде молотого суматранского кофе и батона хлеба.

Кэти улыбнулась:

– Устроим пир!

Расположившись на широкой кровати, они набросились на салями и мерзлый хлеб, запивая то и другое чашками горячего кофе. Получилось что-то вроде пикника – бумажные тарелки с морковкой и пикули на коленях и десяток ярких искусственных солнц на потолке.

– Как ты там о себе отозвалась? – спросил Виктор, с улыбкой наблюдая за тем, как Кэти грызет морковку.

– Отозвалась о себе? Когда?

– Ты сказала, что ему требовалась женщина непримечательной внешности. Женщина, которая могла бы сойти за сантехника.

– Потому что так и есть. Я самая обыкновенная.

– Не могу с тобой согласиться. А я, имей в виду, в людях разбираюсь.

Кэти обернулась и посмотрела на украшавший стену постер с изображением одной из супермоделей Хикки. Красотка ответила ей холодным, твердым, слегка пренебрежительным взглядом.

– Во всяком случае, с *такой* мне и тягаться нечего.

– Но это же только картинка, – возразил Виктор. – В ней нет ничего настоящего – только макияж, лак, накладные ресницы…

– Можешь не говорить. Уж это-то я знаю слишком хорошо. Моя работа в том и состоит, чтобы превращать актеров в киношные фантазии, мечты зрителей. Или, что тоже бывает, в их кошмары. – Кэти сунула руку в банку и выудила последний пикуль. – Когда я называла себя заурядной, я имела в виду немного другое. Дело в том, что я и ощущаю себя самой обычной женщиной.

– А вот я думаю, что ты совершенно незаурядная. И прошлая ночь окончательно меня в этом убедила.

Смущенная, Кэти опустила глаза – вялая морковка растянулась поперек бумажной тарелки бледно-оранжевым трупиком.

– Было время – наверное, такое время бывает в жизни каждого, когда мы молоды, когда чувствуем себя особенными. Когда нам кажется, будто весь мир существует только ради нас. Последний раз я испытывала нечто похожее, когда выходила за Джека. – Она вздохнула. – К сожалению, длилось это недолго.

– А почему ты вышла за него?

– Я и сама не знаю. Наверное, меня ослепил весь этот киношный блеск. Мне было двадцать три года, на площадке я только-только начинала чему-то учиться. Он уже был режиссером. – Кэти помолчала. – Нет, *богом*.

– Он произвел на тебя такое сильное впечатление?

– Джек это умеет. Когда нужно, он, как говорится, включает харизму и просто ошеломляет девушку. Дальше шампанское, романтические обеды, цветы и все такое. Думаю, он обратил на меня внимание только потому, что я поддалась не сразу, не падала в обморок от каждого его взгляда. Джек посчитал, что я как бы бросила ему вызов, и поставил целью завоевать меня любой ценой. В конце концов у него получилось. —

Она грустно улыбнулась. – А получив приз, он двинулся дальше – покорять и завоевывать. Вот тогда-то до меня и дошло, что я не какая-то там особенная и выдающаяся, а самая что ни есть обыкновенная. Что ж, не такое уж плохое чувство. Я иду по жизни спокойно, не испытывая большого желания быть кем-то другим, кем-то особенным.

– И кого же ты считаешь особенным?

– Ну, например, мою бабушку. Но ее уже нет на свете.

– Я заметил, что в любом почетном списке обязательно присутствует бабушка.

– Ладно. Тогда назову мать Терезу.

– Она тоже в каждом списке.

– Ох... Хорошо. Кейт Хепберн. Глория Стайнем. Моя подруга Сара... – Она помолчала, потом тихо добавила: – Но Сары тоже больше нет.

Виктор взял ее руку. Пальцы у него были длинные и сильные, и Кэти, с любопытством наблюдая за тем, как они накрывают ее, тонкие и хрупкие, подумала, что сила, которую она чувствует в них, отражает силу самого Виктора. Джек, при всем его таланте, шике и блеске, никогда не внушал и доли той уверенности, что исходила от Виктора. И не только Джек.

– Расскажи мне о Саре, – мягко попросил он.

Кэти на секунду зажмурилась, сдерживая слезы.

– Сара... Сара была чудесная. Не в том смысле, как эти. – Она взглянула на фотографию модели. – Чудесная внутренне. В ее глазах было что-то такое... Я бы назвала это безмятежностью, полной, совершенной невозмутимостью. Мне иногда казалось, что она обрела абсолютный покой, отыскала именно то, к чему стремилась, чего хотела, тогда как остальные, словно слепые котята, все еще шарили вокруг в поисках утерянного сокровища. Не думаю, что Сара родилась такой. Она пришла

к этому сама. В колледже мы обе чувствовали себя не очень уверенно, и брак определенно не помог нам обеим. Мне развод дался очень тяжело, а вот Сара только окрепла и закалилась. Она стала больше заботиться о себе. И забеременела тогда, когда захотела. Понимаешь, у ее ребенка не было отца – только пробирка. Анонимный донор. Сара любила повторять, что первоначальная семья состояла не из родителей и ребенка, а только из матери и ребенка. Мне всегда казалось, что для такого шага требуется большая смелость. Сара была намного смелее меня... – Она прокашлялась. – В общем, Сара особенная. Такие люди есть.

– Да, – согласился Виктор. – Такие люди есть.

Кэти взглянула на него. Он смотрел в стену, и в его глазах, казалось, собралась вся печаль мира. Откуда эта грусть? Что прорезало эти морщины на его лицо? И как их разгладить? Бывают ведь потери, с которыми невозможно смириться, и раны, которые никогда не заживают.

– Какой была твоя жена? – мягко спросила она.

Он ответил не сразу, и Кэти успела подумать, что, пожалуй, зря задала вопрос и всколыхнула тяжелые воспоминания.

– Она была добрая, – заговорил после паузы Виктор. – Такой я буду помнить ее всегда. —

Он посмотрел на Кэти, и она вдруг поняла, что видела в его глазах не печаль, а смирение.

– Как ее звали?

– Лили. Лили Доринда Кэссиди. Такое вот длинное имя. А сама она была маленькая и хрупкая. Чуть больше пяти футов и едва тянула на девяносто фунтов. – Он улыбнулся. – Мне иногда даже страшно за нее становилось. Особенно к концу, когда Лили сильно похудела. Остались только глаза – большие, карие.

– Она ведь умерла молодой, да?

– На тридцать восьмом году. Такая несправедливость. Лили не курила, почти не притрагивалась к вину. Даже мяса не ела. Когда ей уже поставили диагноз, мы попытались выяснить, что же стало причиной. А потом вспомнили одно обстоятельство. Лили выросла в небольшом городке в Массачусетсе. Неподалеку от атомной электростанции.

– Думаешь, причина в ней?

– В таких делах полной уверенности не бывает. Но мы навели справки и выяснили, что в районе отмечено не менее двадцати случаев лейкемии. Расследование провели только через четыре года, после подачи коллективного иска. И выяснилось, что нарушения в системе безопасности начались едва ли не с открытия станции.

Кэти недоверчиво покачала головой.

– И все эти годы им разрешали работать?

– Никто ничего не знал. О нарушениях умалчивали, информацию скрывали даже от контролирующих органов. В общем, всех держали в неведении.

– Но ведь станцию все же закрыли, да?

Он кивнул:

– Не могу сказать, что испытал облегчение, когда ее закрыли. Лили к тому времени уже умерла. И все семьи, в которых были больные, так устали от борьбы. Но хотя иногда казалось, что мы бьемся головой о стену, все понимали – нужно что-то делать. И кто-то должен это делать. Ради других, чтобы такое не повторилось. – Он поднял голову, посмотрел на бьющие светом лампы. – И что же? Я опять бьюсь головой о стену. Только теперь ощущение такое, будто это Великая Китайская стена. И на кону две жизни – твоя и моя.

Взгляды встретились. Виктор протянул руку и ласково провел ладонью по ее щеке. Кэти взяла его руку и прижала к губам. Он мягко потянул ее к себе. Короткий, осторожный поцелуй лишь разбудил желание.

– Мне очень жаль, что ты оказалась замешанной во все это, – прошептал Виктор. – Ты, Сара и те две женщины, две другие Кэти Уивер. Вы все пострадали из-за меня.

– Не из-за тебя, Виктор. Ты ни в чем не виноват. Ты сражаешься с мельницей. Огромной, опасной мельницей. Другой на твоем месте уже бросил бы копье и бежал. А ты не сдаешься.

– Так ведь выбирать-то особенно и не приходилось.

– И все же ты выбрал то, что выбрал. Ты мог бы просто уйти после смерти друга. Отвернуться, закрыть глаза на то, что творится в «Виратеке». Джек бы так и поступил.

– Я не Джек. Есть вещи, от которых нельзя отступиться. Я всегда буду думать о Лили. О тысячах людей, которые могут пострадать от нового оружия.

Он снова упомянул умершую жену, и Кэти почувствовала, что между ними словно встал непреодолимый барьер – тень Лили, незнакомой, но как будто присутствовавшей невидимо здесь. Она отстранилась.

– Ты действительно думаешь, что пострадать могут тысячи?

– Так считал Джерри. Последствия предсказать невозможно. Мир еще не видел полномасштабной биологической войны. Хотелось бы думать, что у нас все же хватит ума не заиграться и не допустить самоуничтожения. И все же, когда вспоминаешь, что натворили люди за последние годы, становится страшно.

– Неужели вирусное оружие настолько опасно?

– Стоит только изменить несколько генов, сделать вирус чуть более контагиозным, повысить уровень смертности, и у тебя в руках штамм невиданной губительной силы. Опасны даже сами исследования. Небольшой утечки из лаборатории достаточно, чтобы заражению подверглись миллионы людей. А средств лечения нет. Это будет катастрофа мирового масштаба, о последствиях которой не хочется даже думать.

– Армагеддон.

Он кивнул:

– Да, если ты веришь в такие вещи.

Кэти покачала головой:

– Не понимаю, почему подобные исследования вообще разрешены.

– А они и не разрешены. Такие исследования запрещены по международному соглашению. Но безумцев, к сожалению, хватает. Всегда находится кто-то, кто пытается, действуя втайне, получить дополнительное средство давления, создать оружие, которого ни у кого больше нет.

Безумцы. Да, надо быть сумасшедшим, чтобы даже допустить возможность применения такого оружия. Кэти вспомнила прочитанный когда-то роман, в котором описывалось нечто похожее – погибающие города, отравленный воздух… Но те кошмары были всего лишь плодом воображения. Здесь же они воплотились в реальность.

Откуда-то снаружи долетел странный звук. Как будто кто-то свистел.

Кэти замерла. Виктор прислушался. Кто-то шел по коридору, насвистывая знакомую мелодию. Ближе, ближе, вот уже у самой двери… Шаги остановились. Что-то зашуршало… упало на пол…

– Почтальон! – Кэти вскочила с кровати и подбежала к двери. Несколько журналов и… Она заметила его сразу – конверт с адресом, написанным ею самой, – и, схватив, торопливо вскрыла. Из конверта выпала кассета с фотопленкой. За ней выскользнула и плавно опустилась на коврик записка для Хикки. Кэти у улыбкой повернулась к Виктору. – Вот они, твои улики!

– Будем надеяться, что так оно и есть. Давай посмотрим, что там. Где тут фотолаборатория?

– Рядом с гримерной. – Она протянула ему кассету. – Сможешь проявить?

– Когда-то занимался фотографией. На любительском уровне. Нужен проявитель и… – Он не договорил и взглянул на стол.

Зазвонил телефон.

Виктор покачал головой.

– Не обращай внимания, – сказал он, направляясь к темной комнате.

Щелкнул, включаясь, автоответчик, и в следующую секунду они услышали вкрадчивый голос Хикки: «Вы позвонили в студию Хикмана фон Траппа. Наша специализация – создание художественных образов женских форм».

– Художественных образов женских форм? – рассмеялся Виктор.

– Ну, это зависит от того, какой у тебя вкус, – заметила Кэти, выходя в холл.

Они уже дошли до темной комнаты, когда запись кончилась, и за короткой паузой последовал сигнал для сообщения.

– Алло? Алло? Кэти? Если ты там, ответь, слышишь? Тебя разыскивает агент ФБР… какой-то Половски… – прокричал взволнованный голос.

– Да это же Джек! – воскликнула Кэти и, повернувшись, побежала в переднюю.

Между тем в голосе Джека уже прорывались панические нотки.

– Я ничего не смог поделать… он меня заставил… пришлось рассказать ему про Хикки. Если ты там, немедленно уходи!

Сообщение закончилось щелчком в тот самый момент, когда Кэти схватила трубку:

– Алло? Джек? Джек?

Она услышала только короткие гудки. Джек уже дал отбой. Кэти стала набирать его номер. Пальцы дрожали, и она сбилась.

– У нас нет времени! – сказал Виктор.

– Мне нужно поговорить с ним. Узнать…

Он вырвал у нее трубку и бросил на рычаг.

– Потом. Сейчас надо уходить.

Кэти послушно кивнула, шагнула к двери и остановилась.

– Подожди. Нам ведь нужны деньги. – Она подбежала к столу и принялась выдвигать ящики. В одном из них обнаружилась коробка с мелочью. Кэти высыпала деньги на стол и торопливо пересчитала. Двадцать два доллара. – Как говорит Хикки, всегда держи под рукой столько, чтобы хватило на чашку приличного кофе. – Она смела мелочь на ладонь и уже на выходе прихватила с крючка старый плащ. Ему он не нужен, а ей еще может пригодиться для маскировки. – Теперь все. Уходим.

Виктор выглянул в коридор. Из соседней квартиры доносился смех. Где-то выше простучали по деревянному полу каблучки. Они выскользнули за дверь и метнулись к выходу. Сделав несколько шагов, Виктор и Кэти смешались с толпой спешащих на ланч бизнесменов и художников, главных обитателей Юнион-стрит. Все были заняты своими делами, и на них никто не обращал внимания. И все равно, даже в толпе, Кэти казалось, что она привлекает внимание, не вписываясь в стеклобетонный ландшафт города.

Запахнув плащ, она подумала, как было бы хорошо стать на время невидимкой. Виктор прибавил шагу, и ей пришлось пробежать, чтобы догнать его.

– Куда теперь? – спросила она шепотом.

– Кассета у нас. Думаю, надо идти к автобусному вокзалу.

– А потом?

– А потом двинем куда-нибудь еще, – ответил он, глядя прямо перед собой. – Главное – подальше от города.

Глава 7

В дверь снова позвонили. Тот же надоедливый фэбээровец.

Джек тяжело вздохнул:

– Уже вернулись?

– Да, черт возьми, вернулся. – Половски решительно переступил порог. Дверь захлопнулась. – И мне нужно знать, где их искать теперь.

– Я же вам объяснил, мистер Половски. На Юнион-стрит есть студия. Ее владелец мистер Хикман…

– В студии этого фон как-его-там я уже побывал.

Джек сглотнул подступивший к горлу комок.

– И что? Вы их не нашли?

– Вам это прекрасно известно. Вы же сами их и предупредили, разве нет?

– Я… я не понимаю, что вам от меня нужно… почему вы меня преследуете… Я только хотел…

– Они ушли в спешке. Дверь оставили открытой. Даже поесть не успели. А еще я нашел на столе пустую жестянку для мелочи.

– Хотите сказать, что моя бывшая жена воровка? – попытался возмутиться Джек.

– Я бы назвал ее отчаянной женщиной. А вот вы – пустоголовый болван, потому что все испортили. Где ее искать теперь?

– Понятия не имею.

– К кому она обратилась бы за помощью?

– Я таких не знаю.

– Подумайте хорошенько.

Глядя на Половски, Джек не в первый уже раз удивлялся тому, насколько непривлекательны некоторые представители человеческого рода. Разве неприемлемые гены не должны отбраковываться в процессе естественного отбора?

Он покачал головой:

– Я действительно не знаю.

Должно быть, фэбээровец почувствовал, что владелец особняка говорит правду, и, посверлив его для верности взглядом, отступил.

– Ладно. Но вы можете, по крайней мере, ответить на мой вопрос. Почему вы их предупредили?

– Потому что… потому что… – Джек беспомощно пожал плечами. – Да я и сам не знаю. Когда вы ушли, я подумал, что, наверное, поступил неправильно. Засомневался, можно ли вам доверять. Он ведь вам не доверял.

– Он? Кто?

– Виктор Холланд. Этот парень считает, что вы участвуете в каком-то заговоре. Между нами говоря, мне показалось, что он несколько… не в себе. От его речей несло паранойей.

– На его месте любой бы стал параноиком. Учитывая, что с ним случилось. – Половски повернулся к двери.

– И что теперь будет?

– Продолжу поиски.

– Где?

– Думаете, я вам скажу? – Фэбээровец толкнул дверь. – Не уезжайте из города, Цуккерман, – бросил он через плечо. – Я вас еще навещу.

– Не получится, – пробормотал себе под нос Джек и, проводив гостя взглядом, посмотрел в небо. Ни облачка. Улыбнувшись про себя, он закрыл дверь.

В Мексике наверняка тоже будет солнечно.

Кто-то явно уходил отсюда в большой спешке.

Фотостудия была открыта. Сэвич прошелся по комнатам, подметив на кровати остатки еды: крошки хлеба, кусок салями, пустую банку из-под пикулей. На столе стояли две кофейные чашки. Это было уже интересно, поскольку из студии вышел только один человек, невысокий, коренастый мужчина в дешевом плаще из полиэстера. Пробыл он здесь недолго. Сэвич видел, как незнакомец сел в темно-зеленый «форд», припаркованный у пятнадцатиминутного счетчика. На счетчике еще оставалось три минуты.

Продолжив экскурсию по студии, Сэвич несколько раз останавливался и рассматривал фотографии. Похоже, опять пустая трата времени. Он уже проверил все другие адреса, которые нашел в черной адресной книжке, но нигде не обнаружил и малейшего следа женщины. Скорее всего, и этот, некоего Хикмана фон Траппа, не станет исключением.

И все же он никак не мог отделаться от ощущения, что приближается к чему-то. Следов хватало. Он читал их, сопоставлял, собирал в цепочку. Итак, сегодня в студии побывали два голодных человека. Они проникли сюда через разбитое окно в гримерной. Потом съели то, что нашли в холодильнике. Они же (или человек в плаще из полиэстера) забрали мелочь из копилки.

Завершив обход, Сэвич вернулся в переднюю. И только тогда заметил мигающий огонек автоответчика.

Он нажал кнопку. Сообщений набралось много, и все они адресовались некоему Хикки – очевидно, тому самому Хикману фон Траппу из адресной книжки. Слушая вполуха сменяющие друг друга голоса, Сэвич неспешно прохаживался по комнате. Большинство сообщений носили деловой характер – звонившие осведомлялись насчет времени приема, спрашивали, когда будут готовы фотографии и не желает ли мастер поработать на журнал «Снуп». У двери Сэвич остановился и, наклонившись, перебрал кучку корреспонденции. Ничего особенного, все адресовано фон Траппу. Потом внимание его привлек лежащий в стороне листок. Записка.

«Мне ужасно неловко, но кто-то украл из моей машины все пленки. Осталась только одна, вот эта. Вот я и решила отправить ее тебе, пока не потеряла. Надеюсь, хоть что-то еще осталось».

Подпись — *«Кэти»*.

Сэвич выпрямился. Кэти? Кэтрин Уивер? Не иначе! Кассета с пленкой… где же она?

Он еще раз перебрал всю почту – ничего. Нашелся только вскрытый конверт с обратным адресом Кэти Уивер. Пленка исчезла. В отчаянии Сэвич схватил первый попавший под руку журнал и запустил его в стену. И замер…

Автоответчик проигрывал очередное сообщение.

«Алло? Алло? Кэти? Если ты там, ответь, слышишь? Тебя разыскивает агент ФБР… какой-то Половски… Я ничего не смог поделать… он меня заставил… пришлось рассказать ему про Хикки. Если ты там, немедленно уходи!»

Сэвич подошел к телефону. Автоответчик умолк, щелкнул и перемотал пленку. Он включил запись еще раз. Прослушал.

Да, сомнений не осталось. Кэтрин Уивер и впрямь побывала здесь. Но не одна, а с Виктором Холландом. Но кто такой этот агент Половски и почему он ищет Холланда? Сэвича уверили, что с бюро вопрос решен – оно расследование прекратило. Если так, то придется уточнить, на кого работает Половски.

Сэвич подошел к окну. Ярко сияло солнце, тротуары были полны людьми. Столько лиц, столько незнакомцев. Огромный город. И где же искать двух перепуганных насмерть беглецов? Задача трудная, но не невыполнимая.

Выйдя из студии, Сэвич спустился на тротуар, к платному телефону-автомату. Набрал вашингтонский номер. Просить помощи у Ковбоя не хотелось, но ничего другого не оставалось. Виктор Холланд добрался до пленки с уликами, а ставки в этой игре слишком высоки.

Пора браться за дело по-настоящему.

– К следующему окошечку, пожалуйста! – объявил кассир и опустил решетку.

– Эй, подождите! – Кэти постучала по заслонке. – Мой автобус вот-вот отправится!

– Какой?

– Номер 23 до Пало-Альто…

– В семь часов будет другой.

– Но…

– У меня обеденный перерыв. – Кассир поднялся и ушел.

Кэти беспомощно развела руками. По громкой связи сообщили об отправлении экспресса на Пало-Альто. Она оглянулась – автобус как раз отваливал от платформы.

– Да, сервис уже не тот, что раньше, – пробормотал стоявший у нее за спиной старик. – Вы, мисс, на попутке доберетесь туда быстрее.

Кэти только вздохнула и перешла к другому окошку. Здесь перед ней оказалось восемь человек, и двигалась очередь со скоростью черепахи. Женщина у стойки пыталась убедить кассира, что карточка социального страхования вполне может сойти за удостоверение личности.

«Ладно, – подумала Кэти. – Поедем на семичасовом. Значит, в Пало-Альто будем в восемь. И что потом? Ночевать в парке? Собирать объедки у ресторана? Что все-таки задумал Виктор?»

Оглянувшись, она увидела, что Виктор стоит в телефонной будке. Кому же он звонит? Вот он повесил трубку и устало провел ладонью по волосам. Потом снова снял трубку и набрал другой номер.

– Следующий! – Кто-то похлопал ее по плечу. – Проходите, мисс.

Кэти повернулась – кассир терпеливо смотрел на нее. Она торопливо шагнула к окошечку.

– Куда? – спросил кассир.

– Мне, пожалуйста, два билета до… – Кэти не договорила.

– Куда? – нетерпеливо повторил кассир.

Она молчала – словно оцепенела. Взгляд приклеился к постеру справа от окошечка. С постера на нее смотрел серьезный, неулыбчивый Виктор Холланд. Надпись под фотографией гласила: «Вы видели этого человека?» Еще ниже приводился список обвинений: промышленный шпионаж и убийство. Располагающих информацией о его местонахождении просили позвонить по контактному телефону в местную полицию или ФБР.

– Леди, вы собираетесь куда-то ехать или нет?

– Что? – Кэти обернулась – кассир смотрел на нее с нескрываемым раздражением. – О… Да. Да. Пожалуйста, два билета. До Пало-Альто. —

Она высыпала на стойку горку мелочи. – В один конец.

– Два до Пало-Альто. Ваш автобус отправляется в семь. Выход 11.

– Да. Спасибо… – Кэти взяла билеты, отступила в сторонку, освобождая место у окошечка, и только тогда заметила стоящих у входа двоих полицейских. Что им здесь нужно? Ищут кого-то? Кого?

Она бросила отчаянный взгляд в сторону телефонной будки. Пусто. Где же Виктор? Неужели бросил? «Ты меня бросил! С двумя билетами до Пало-Альто и пятью баксами в кармане!»

Кэти постаралась отогнать панические мысли. Надо что-то делать, нельзя же просто стоять столбом посреди зала. Она плотнее завернулась в плащ и, опустив голову и стараясь не смотреть по сторонам, направилась через зал к выходу. «Господи, не дай им меня заметить. Пожалуйста. Я же никто и ничто». Она наклонилась, взяла со стула оставленную кем-то «Сан-Франциско кроникл», открыла страницу объявлений и, сделав вид, что просматривает колонку, прошла мимо полицейских, которые не обратили на нее ни малейшего внимания.

И что дальше?

Постояв секунду-другую на тротуаре, Кэти машинально двинулась по улице, но не сделала и десяти шагов, как кто-то схватил ее за руку и увлек в переулок.

Всхлипнув от облегчения, она прислонилась к мусорному контейнеру.

– Виктор!

– Они тебя видели?

– Нет. То есть да, но вроде бы не обратили внимания.

– Уверена? – Кэти кивнула. Он отвернулся и с досадой хлопнул ладонью по стене. – И что, черт возьми, нам теперь делать?

– Я взяла билеты. До Пало-Альто.

– Мы не можем ими воспользоваться.

– Но тогда как мы выберемся из города? На попутке? Послушай, у нас осталось всего пять долларов!

– Они будут проверять все отправляющиеся автобусы. А моя физиономия расклеена по всему вокзалу! – Он закрыл глаза и застонал

сквозь зубы. – Господи, я выгляжу на этих постерах как дешевый гангстер.

– Да, польститься на такого трудно.

Виктор невесело рассмеялся:

– А ты когда-нибудь видела, чтобы полиция разыскивала приятного парня?

Кэти покачала головой:

– Нам надо выбираться из города.

– Маленькая поправка. *Тебе* надо выбираться из города.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Тебя полиция не ищет. Так что садись на автобус и поезжай в Пало-Альто. Я предупрежу кое-кого из старых друзей. О тебе позаботятся.

– Нет, одна я не поеду.

– Кэти, моя фотография расклеена, наверное, во всех аэропортах и пунктах проката автомобилей! Мы потратили на эти билеты почти все наши деньги. Ты должна ими воспользоваться!

– Я тебя не оставлю.

– Другого варианта нет.

– Есть. Я останусь с тобой. Только с тобой я чувствую себя в безопасности. Только на тебя могу рассчитывать.

– Пойми, одному мне легче передвигаться по городу. Ты меня тормозишь. – Виктор отвернулся. – Да я просто не хочу, чтобы ты была рядом.

– Не верю.

– Да какое мне дело, веришь ты или нет.

– Посмотри на меня! – вспыхнула Кэти. – Посмотри мне в глаза и повтори, что ты сказал! – Она схватила его за руку, дернула. – Ну же, скажи, что не хочешь, чтобы я была рядом!

Он повернулся к ней.

– Я не… я не хочу… – Кэти видела, что Виктор говорит неправду. Видела это по его глазам. Но было в его взгляде и что-то еще. Что-то, от чего у нее перехватило дыхание. – Не хочу…

Она стояла молча и только смотрела на него, ожидая, когда слова лжи сменятся словами правды.

Чего она не ожидала, так это поцелуя. Все случилось как-то вдруг. Он обнял ее, и все тревоги и сомнения вдруг исчезли, а сама она словно перенеслась в некое волшебное, тихое и безопасное место. Но это было не все. Рожденный не страстью, но отчаянием, поцелуй стал чем-то другим, как только их губы встретились. Он словно соединил их воедино теми волшебными узами, что сильнее уз страсти и что не рвутся даже после того, как размыкаются объятия.

Когда они наконец отстранились и посмотрели друг на друга, у нее на губах остался жар его желания.

– Вот видишь? – прошептала Кэти. – Я была права. Ты хочешь, чтобы я была с тобой. Хочешь.

Он улыбнулся и погладил ее по щеке:

– Я никудышный врунишка.

– И я не брошу тебя. Без меня тебе не обойтись. Ты нигде не можешь показаться, а я могу. Могу выполнять твои поручения, могу…

– Что мне надо, – вздохнул Виктор, – так это новое лицо. – Он оглянулся. – А поскольку клиники пластической хирургии рядом нет, предлагаю прогуляться до ближайшей станции метро. Народу там сейчас должно быть много. Доберемся до Ист-Бей…

– Господи, какая ж я дурочка, – простонала Кэти. – Новое лицо… тебе нужно новое лицо! – Она схватила его за руку. – Идем. У нас мало времени.

– Куда? – Виктор послушно последовал за ней по переулку. На углу они остановились и огляделись – полицейских видно не было. – Куда мы идем? – прошептал он.

– Нам нужно найти телефонную будку.

– И кому ты собираешься звонить?

Она повернулась и посмотрела на него с невеселой гримасой.

– Тому, кого мы оба знаем и любим.

Джек собирал вещи, когда снова зазвонил телефон. Лучше не отвечать, подумал он, но в самом звуке было что-то настойчивое, требовательное – или ему так показалось? – что заставило снять трубку. О чем он тут же пожалел.

– Джек?

Он тяжко вздохнул:

– Скажи, что мне это только чудится.

– Джек, я буду говорить быстро, потому что телефон, возможно, прослушивается…

– Неужели?

– Мне нужен мой гримерный набор. Помнишь, такой чемоданчик? И немного денег. Обещаю вернуть в ближайшее время. Приготовь все прямо сейчас. Потом отвези на то место, где мы снимали последнюю сцену «Кретиноида». Ты знаешь где.

– Кэти, подожди минутку! У меня и без того большие неприятности!

– Один час. Больше я ждать не могу.

– Но сейчас же час пик! Я просто не успею…

– Это последнее, о чем я тебя прошу. – Пауза и… мягко: – Пожалуйста.

Он выдохнул:

– Точно последний раз? Обещаешь?

– У тебя один час, Джек. Поспеши. Я жду.

Он положил трубку и посмотрел на чемодан.

Уложено еще не все, но придется довольствоваться тем, что есть. В любом случае сюда он уж точно не вернется.

Джек закрыл чемодан, снес его вниз и поставил в «ягуар». Уже отъезжая, он вдруг вспомнил, что позабыл позвонить Лулу и отменить назначенное на вечер свидание.

Ладно, времени все равно нет. У него сегодня дело поважнее – побыстрее убраться из города.

Лулу, конечно, закатит скандал, но ее успокоить нетрудно, и он знает надежное средство. Например, парочка сережек с бриллиантами. Да, это ее смягчит.

Старушка Лулу. Как легко ей угодить. Вот женщина, которую можно понять.

Угол Пятой авеню и Мишн-стрит издавна считался местом встречи уличного люда. Без четверти пять здесь уже наблюдалась небывалая активность. По слухам, передвижная кухня в конце квартала устроила настоящий пир с гуляшом по-бургундски, который, как скажут вам те, кто помнит лучшие времена, готовится с красным вином. Никто не собирался упускать возможность вспомнить вкус винограда, пусть даже из него и выпарили начисто весь алкоголь. Толпясь на углу, уличные гурманы делились мнением о запомнившихся блюдах, судачили о погоде, о длинных очередях у бюро регистрации.

Никто не обращал внимания на двух несчастных, прикорнувших у дверей ломбарда.

Какое счастье, с горькой усмешкой подумала Кэти, поплотнее заворачиваясь в старый плащ. Самое грустное заключалось в том, что они уже почти смешались с местной публикой. Секунду назад она поймала собственное отражение в витрине ломбарда и почти не узнала себя в растрепанной бродяжке с затравленным взглядом. «Когда я в последний раз расчесывала волосы? Когда в последний раз нормально ела и высыпалась?»

Виктор выглядел не лучше. Разорванная рубашка, двухдневная щетина, усталые глаза – он мог бы войти в бесплатную столовую для бедняков, и никто бы не посчитал его там чужим.

«Когда я с ним поработаю, будет выглядеть еще хуже», – улыбнулась она про себя.

Если, конечно, Джек привезет набор.

– Уже пять минут седьмого, – пробормотал Виктор. – Целый час прошел.

– Подождем еще немного.

– Только попусту теряем время.

– Мы еще можем успеть на автобус. – Кэти посмотрела в конец улицы, словно надеясь одной силой воли материализовать своего бывшего мужа. Но вместо него из-за угла появился городской автобус. «Ну же, Джек! Хотя бы раз не подведи меня…»

– Вы только посмотрите! – прохрипел кто-то, и толпа отозвалась восторженным гулом.

– Эй, красавчик! – воскликнул другой. – Ты что толкнул, чтобы на такой тачке раскатывать?

Кэти приподнялась и вытянула шею – за серыми спинами блеснула хромированная решетка.

– Убирайтесь! Не тритесь у моей машины! – донесся до нее недовольный голос. – Мне ее только что отполировали!

– А красавчик-то вроде как заплутал. Не на ту улицу свернул, а, приятель?

Кэти вскочила:

– Это он! Приехал!

Пробившись через толпу, они увидели, что Джек уже вышел из «ягуара» и приготовился защищать свою сияющую собственность от любых поползновений.

– Нет! Не трогай! – завопил он, когда кто-то провел грязным пальцем по капоту. – Почему б вам не убраться? Заняться, что ли, нечем? Нашли бы какую-нибудь работу.

– Работу? – крикнул кто-то. – А что это такое?

– Джек! – окликнула Кэти.

Заметив ее, Джек облегченно выдохнул:

– Имей в виду, я делаю это в последний раз. Больше никаких любезностей. Абсолютно никаких…

– Где оно?

Джек подошел к багажнику, по пути шлепнув по чьей-то тянущейся к «ягуару» руке.

– Здесь. Весь твой чертов набор. – Он достал небольшой чемоданчик и протянул его Кэти. – Доставил в целости и сохранности. Как и обещал. А теперь мне пора.

– Куда едешь? – спросила она.

– Сам не знаю. – Джек захлопнул крышку багажника и поспешно вернулся за руль. – Куда-нибудь. Лишь бы подальше отсюда!

– Похоже, нам по пути.

– Господи, надеюсь, что нет. – Он повернул ключ зажигания, и мотор отозвался глухим рыком.

– Пока, красавчик! – крикнули ему из толпы.

Джек хмуро оглядел Кэти.

– Знаешь, тебе определенно нужно сменить компанию. Чао, мои дорогие.

«Ягуар» отвалил от тротуара, круто – так что взвизгнули покрышки – развернулся и через пару секунд исчез за углом.

Кэти обернулась – теперь все смотрели на нее. Толпа колыхнулась, надвинулась… Виктор шагнул вперед и встал рядом – один против кучки голодных, жаждущих добычи бродяг.

– И кто ж это был, а, милая? – поинтересовался какой-то мрачный тип.

– Мой бывший, – ответила Кэти.

– Похоже, лапочка, у него-то дела идут получше.

– Я не шучу. – Она прижала к груди чемоданчик и беззаботно, как ей показалось, рассмеялась. – Попросила привезти одежду, вот он и притащил смену бельишка.

– Эх, малышка, а чего еще ты ждала?

Толпа уже расходилась – «ягуар» умчался, интерес увял, и люди снова толкались у дверей, занимая выгодные места. Возле Виктора и Кэти остался только один любопытный, поглядывавший на них с откровенным сочувствием.

– Так это все, что он тебе оставил? Тот парень в крутой тачке? – Незнакомец отвернулся и даже сделал шаг в сторону, но потом почему-то остановился и оглянулся. – А вам что, переночевать негде или как? У меня тут приятелей много, так что могу помочь. Неприятно смотреть, как леди мерзнет.

– Спасибо за предложение. – Виктор взял Кэти за руку. – Но мы попробуем успеть на автобус.

Незнакомец кивнул и медленно поплелся прочь, еще один неудачник, чья душа не совсем очерствела.

– До автобуса полчаса, – напомнил Виктор, торопливо увлекая Кэти прочь. – Давай-ка займемся делом.

Они зашагали по улице в сторону тихого, безлюдного переулка, но Кэти вдруг остановилась и схватила спутника за руку.

– Виктор…

– Что такое?

– Посмотри. – Она указала на газетный стенд. – Там…

На первой полосе дневного выпуска «Сан-Франциско икземинер» внимание привлекал броский заголовок: «Две жертвы-однофамилицы. Полиция говорит о совпадении». Чуть ниже с фотографии смотрела молодая женщина. Подписи видно не было, но Кэти и без нее знала, как звали убитую.

– Их уже двое, – прошептала она. – Ты не ошибся…

– Что ж, это означает только одно: нам надо поторапливаться. Идем.

Кэти послушно последовала за ним. Еще немного, и они свернули в переулок, оставив далеко позади газетный стенд, но перед глазами у нее все еще стояло лицо молодой женщины с фотографии. Второй жертвы.

Второй Кэтрин Уивер.

У патрульного О'Хэнли было доброе сердце. В отличие от немалого числа своих коллег он пришел в полицию, побуждаемый лишь желанием служить и защищать. В участке его за глаза называли Бойскаутом. Прозвище и раздражало, и одновременно доставляло ему тайное удовольствие, напоминая о том, что он не такой, как остальные, как эта

бестолковая, сумасбродная шайка так называемых «служителей порядка». Он стоял выше их, мелких вымогателей и сквернословов, готовых на все ради повышения по службе. Он стал полицейским не для того, чтобы прославлять значок у себя на груди. Патрульный О'Хэнли хотел помогать людям, гладить по головке детей, защищать от хулиганов старушек.

Вот почему его так удручало последнее задание. Болтаться у автовокзала и высматривать некоего мужчину, которого якобы заметила здесь несколько часов назад какая-то женщина. Никаких подозрительных личностей он пока не обнаружил, хотя и сверлил глазами каждого, кто входил или выходил из здания. Люди эти по большей части внушали жалость и сочувствие. Ничего удивительного – в наше время те, у кого водятся деньжата, предпочитают автобусу самолет. Те же, кто приходил сюда, вряд ли могли потратить больше нескольких долларов. Взять, к примеру, ту парочку в зале ожидания. Похоже, отец с дочерью, и оба явно не обласканы судьбой. Дочь завернулась в старый плащ и подняла воротник, прячась от ветра. Отец выглядел еще хуже – седой, с впалыми щеками. Дряхлый, как Мафусаил. А вот гордость старикан сохранил – держался пусть и напряженно, но прямо. В молодости, наверное, видный был парень.

По громкой связи объявили посадку на автобус, следующий четырнадцатым маршрутом, до Пало-Альто.

Старик и женщина в плаще поднялись и медленно, с трудом волоча ноги, направились к выходу. В одной руке женщина несла небольшой чемоданчик, другой поддерживала за локоть и направляла старика. О'Хэнли взглянул на часы – на автобус эти двое успевали.

И тут на них налетел какой-то мальчишка.

Отъявленный сорванец лет шести. Маленькое чудовище, признать которого своим сыном не пожелала бы ни одна мать. Последние полчаса негодник шнырял по вокзалу, натыкался на чемоданы, хлопал дверцами камер хранения и переворачивал пепельницы. И вот теперь он нашел себе новую забаву – бегать задом наперед.

Все произошло у О'Хэнли на глазах. Старик и дочь неторопливо тянулись к выходу на платформу. Мальчишка несся пересекающимся курсом. Столкновение было неизбежно. Сорванец врезался женщине в колени, и она, выронив чемоданчик, навалилась на мужчину. Старик должен был упасть, но, к крайнему удивлению О'Хэнли, не только удержался на ногах сам, но и ловко подхватил спутницу и помог ей выпрямиться.

Доблестный патрульный уже спешил на выручку.

– Вы как, мисс? – осведомился он у пострадавшей. – Не ушиблись?

Женщина вздрогнула, словно от пощечины, и испуганно уставилась на него.

– Что? – спросила она дрожащим голосом.

– Вы в порядке? Мне показалось, этот негодник сильно вас ударил.

Она молча кивнула.

– А вы, дедушка?

Женщина с беспокойством посмотрела на старика. Посмотрела как-то странно, будто хотела что-то сказать, но ее смущало присутствие постороннего.

– У нас все хорошо, – торопливо проговорила она. – Идем, папа. Мы опаздываем на автобус.

– Вам помочь?

– Большое спасибо, но мы справимся сами. – Женщина мило улыбнулась, и парочка потащилась дальше. Глядя им вслед, О'Хэнли пытался понять, в чем дело. Что-то здесь было не так. И в улыбке женщины. И в самой этой паре. Но что?

Он повернулся и чуть не упал, споткнувшись о чемоданчик. Тот самый, что выронила женщина. Схватив чемоданчик, О'Хэнли побежал к автобусу и, конечно, опоздал – автобус номер четырнадцать, следующий до Пало-Альто, уже ушел, и все, что смог сделать патрульный, – это проводить взглядом исчезающие за поворотом огоньки.

Ничего не поделаешь.

Он отнес чемоданчик в бюро находок и вернулся на пост – к входу в автовокзал. Семь часов, а подозреваемый, Виктор Холланд, так и не появился.

О'Хэнли обреченно вздохнул. Стоять здесь – пустая трата полицейского времени.

Минут через пять после того, как автобус номер четырнадцать выехал из Сан-Франциско, старик повернулся к женщине в плаще:

– Эта борода меня убьет.

Кэти рассмеялась и, протянув руку, потянула за фальшивые бакенбарды.

– А ведь получилось, да?

– Получилось. Да еще как. Полиция, можно сказать, только что в автобус не посадила. – Виктор почесал под подбородком. – Черт, даже не представляю, как только артисты такое терпят. Зуд такой, что на стенку лезть хочется.

– Если хочешь, я сниму?

– Лучше не надо. Пока. Снимешь потом, в Пало-Альто.

Еще час, подумала Кэти и, откинувшись на спинку кресла, посмотрела в окно.

– И что дальше? – спросила она вполголоса.

– Попробую кое к кому постучаться. Может быть, удастся раскопать пару старых друзей. Давно там не был, но, надеюсь, кое-кто в городе еще остался.

– Ты жил там?

– Давно. Когда учился в колледже.

– О, так ты парень из Стэнфорда.

– Ты так это сказала, будто я совершил что-то бесчестное.

– Я сама начинала в Беркли и болела за «Медведей».

– Получается, я вступил в союз со своим злейшим врагом?

Она хихикнула и, прижавшись к нему, вдохнула знакомый, теплый запах.

– Мне кажется, это было давным-давно, в другой жизни. Беркли, джинсы…

– Футбол. Сумасшедшие вечеринки.

– Сумасшедшие вечеринки? – удивилась она. II I t,i в них участвовал?

– Ну, до меня только слухи доходили.

– Фрисби. Уроки на лужайке…

– Невинность…

Некоторое время оба молчали.

– Виктор? А если твоих друзей там больше нет? Или они откажутся принять нас?

– Давай не будем забегать вперед. Всему свое время. Проблемы лучше решать по мере их поступления – иначе, если они все разом навалятся…

– Уже навалились.

Он крепко ее обнял.

– Эй, все в порядке. Не паникуй. Мы выбрались из города. Можно сказать, проскользнули под носом у копа. Разве это не успех?

Вспомнив доброжелательного молодого патрульного, Кэти невольно улыбнулась:

– Вот бы все полицейские были такими любезными.

– Или слепыми, – хмыкнул Виктор. – Он назвал меня «дедулей». Невероятно!

– Когда я берусь изменить внешность, я делаю это на совесть.

– Да уж.

Она поцеловала его в колючую щеку.

– Тебе можно доверить небольшой секрет?

– Что за секрет?

– Я без ума от мужчин в возрасте.

Виктор ухмыльнулся, потом с сомнением покачал головой.

– Это как же тебя понимать? Что значит «в возрасте»?

Она поцеловала его еще раз, теперь уже в губы.

– Чем старше, тем лучше.

– Хм. А что, может быть, борода не такая уж плохая штука? – Он ответил на ее поцелуй, и теперь их губы соединились надолго.

– Молодец, дедуля! – одобрительно воскликнул кто-то сзади. – Давай дальше!

Виктор нехотя отстранился, и Кэти заметила, как озорно блеснули в полутьме его глаза, а по губам скользнула усмешка.

Она тоже улыбнулась и тихонько прошептала:

– Молодец, дедуля.

Постерами с фотографией Виктора Холланда был оклеен едва ли не весь автовокзал.

Увидев на стене очередную афишу с изображением человека, в виновности которого он сомневался все больше, Половски недовольно хмыкнул. Охота на ведьм – вот во что, черт возьми, все это вылилось. Теперь-то Холланд уж точно постарается зарыться как можно глубже, но при этом спрячется от тех, кто хочет ему помочь. Оставалось только надеяться, что беглецу удастся ускользнуть и от других, тех, чьи намерения не столь благородны.

Соваться туда, где с каждого постера под мрачным заголовком «РАЗЫСКИВАЕТСЯ» на тебя смотрит твое собственное лицо, было бы, конечно, глупостью, а считать Холланда глупцом у Половски не было ровным счетом никаких оснований. Но чутье подсказывало другое. В отчаянных обстоятельствах люди нередко и ведут себя отчаянно. Половски попытался поставить себя на место биохимика. Он знает, что по пятам за ним, оставляя кровавый след, идет убийца. К тому же ему надо думать о спутнице. Что бы он сделал? Конечно, в первую очередь убрался ко всем чертям подальше из Сан-Франциско. Но как? Самолетом? Маловероятно. По словам Джека Цуккермана, денег у Холланда совсем мало. Кредиткой он пользоваться не решится. А раз так, то и автомобиль напрокат не возьмет. Что остается? Либо попытаться сесть на попутку, либо уехать автобусом.

Половски делал ставку на автобус.

Последняя полученная им информация подтверждала такое предположение. Служба прослушки зафиксировала звонок на телефон Цуккермана. Звонила Кэти Уивер. Женщина попросила привезти ей что-то на место, идентифицировать которое Половски удалось не сразу.

Целый час он метался по офису, пытаясь найти кого-нибудь, кто не только видел бы «шедевр» Цуккермана под названием «Кретиноид», но и смог бы указать, где снималась последняя сцена фильма. В конце концов какой-то фанат ужастиков из регистрационного отдела назвал Мишн-стрит. Ну конечно! Монстр вылез из своего убежища как раз на углу Пятой и даже успел слопать парочку бродяг, прежде чем герой раскроил ему черепушку ящиком из-под пианино. Дослушивать чокнутого регистратора Половски не стал – он уже мчался к машине.

Но было поздно. Холланд исчез вместе со своей спутницей, Цуккерман тоже смылся. Кружа по району с запертыми дверцами и поднятыми стеклами, агент посматривал по сторонам, не в первый раз задаваясь вопросом, когда же местная полиция займется делом и расчистит, наконец, эти улицы.

И вот теперь, стоя посреди здания вокзала и глядя на ожидающих рейса усталых, равнодушных пассажиров, Половски уже начал подумывать, что чутье, похоже, подвело и он зря тратит здесь время. Со всех стен на него смотрело бесстрастное лицо разыскиваемого преступника, а у автомата с кофе еще и стоял патрульный, то и дело украдкой подносивший ко рту пластмассовый стаканчик.

Половски направился к нему.

– ФБР. – Он показал жетон.

Полицейский – совсем еще мальчишка – моментально вытянулся по стойке «смирно».

– Патрульный О'Хэнли, сэр.

– Заметили что-нибудь необычное?

– Э… вы имеете в виду сегодня?

– Да, сегодня. Здесь.

– Нет, сэр, – разочарованно вздохнул О'Хэнли. – Ничего особенного. Все как обычно. Лучше бы на улицу отправили. А здесь и делать-то нечего. Ходи туда-сюда да на людей пялься.

– Ведете наблюдение?

– Так точно, сэр. – Он взглянул на афишу с фотографией Холланда. – У нас ориентировка на этого парня. Всем не терпится его поймать. Говорят, шпион.

– Шпион? Вот как? – Половски скользнул взглядом по залу. – Видели кого-нибудь похожего?

– Никого, сэр, хотя и смотрю на каждого входящего и выходящего. И с поста не отлучался.

В бдительности молодого патрульного Половски и не сомневался. Судя по всему, парень был из тех, кто, поступи такой приказ, с радостью надраил бы капитанские ботинки зубной щеткой.

Очевидно, Холланд сюда не заглядывал. Половски уже повернулся к выходу, когда его посетила интересная мысль.

– Подозреваемый может находиться в компании женщины, – сказал он, оборачиваясь к О'Хэнли и доставая из кармана фотографию Кэти Уивер, добровольно-принудительно предоставленную в распоряжение ФБР Джеком Цуккерманом. – Вы ее здесь не замечали?

Патрульный нахмурился:

– Ого. Похожа на… Хотя нет. Не может быть. Нет, та выглядела по-другому.

– Та? Кто?

– Ну, примерно час назад здесь была одна женщина. Судя по виду, бродяжка. В нее еще какой-то сорванец врезался. Я вроде как помог ей немного, направил к автобусу. Похожа на ту, что вы показывали, но не совсем. Я бы сказал, та выглядела похуже.

– Она была одна?

– Нет, сэр, с ней был старик. Думаю, ее отец.

В голове у Половски щелкнуло. Чутье – снова оно – подсказывало: тепло!

– Как он выглядел? Опишите.

– В возрасте. Лет, наверное, около семидесяти. С бородой. Волосы седые.

– Высокий?

– Да, роста приличного. Больше шести футов… – О'Хэнли не договорил и, открыв рот, уставился на постер с изображением Холланда. В описании указывалось, что рост беглого преступника равен шести футам и трем дюймам. – Господи…

– Так это он?

– Я… не знаю… не уверен…

– Ну же, думайте!

– Да я просто не знаю, сэр… Подождите. Женщина, когда уходила, забыла такой маленький чемоданчик. Я передал его в бюро находок – это вон то окошечко.

Находку Половски отдали беспрекословно – стоило только показать жетон Федерального бюро расследований. Едва откинув крышку, он понял, что предчувствие его не обмануло. Чемоданчик был полон всевозможными гримерными принадлежностями. На внутренней стороне крышки имелась бирка со следующей надписью: «Собственность киностудии Джека Цуккермана».

Половски захлопнул крышку и повернулся к патрульному.

– Куда они отправились? – рявкнул он.

– Я не знаю, сэр. Они вышли на посадку через вот тот выход. Около семи часов.

Половски бросил взгляд на информационное табло. В семь часов от платформы 11 отошел автобус номер четырнадцать, следующий до Пало-Альто.

Связаться с управляющим автовокзала в Пало-Альто удалось только через десять минут. Еще пять минут Половски убеждал собеседника, что он действительно агент ФБР, а не какой-то шутник.

– Так вас, значит, четырнадцатый маршрут интересует? Из Сан-Франциско? – спросил менеджер, убедившись наконец, что разговаривает не с самозванцем. – Есть такой. Прибыл двадцать минут назад.

– А что пассажиры? Кто из них еще остался? Посмотрите, вы кого-нибудь видите? Может быть, кто-то задержался в зале?

В трубке рассмеялись.

– Да вы что, приятель? Поставьте себя на их место. Вы остались бы хоть на минуту в вонючем зале без крайней на то нужды?

Половски негромко, но выразительно выругался и бросил трубку на рычаг.

– Сэр? – подал голос О'Хэнли. Выглядел патрульный неважно. – Сэр, я все испортил, да? Упустил. Дал пройти чуть не под носом. Сам не могу поверить, как такое…

– Забудь.

– Но…

Половски только махнул рукой и направился к выходу.

– Не переживай. Ты ведь только начинаешь, – бросил он через плечо. – Считай, что набрался опыта.

– Сэр, мне доложить о случившемся?

– Не надо, я сам об этом позабочусь.

– А вы сейчас куда?

Половски толкнул дверь.

– В Пало-Альто, разумеется.

Глава 8

На звонок в дверь ответила пожилая женщина восточной наружности.

– Миссис Лум? Помните меня? Виктор Холланд. Я знал вашего сына.

– Да, да! – Ее английский, похоже, оставлял желать лучшего.

– Он здесь?

– Да. – Женщина перевела взгляд на Кэти, словно не хотела, чтобы гостья чувствовала себя лишней в разговоре.

– Мне нужно повидаться с ним, – продолжал Виктор. – Мило дома?

– Мило? – Как будто услышав наконец знакомое слово, хозяйка повернулась и громко крикнула что-то на китайском.

Где-то скрипнула, открываясь, дверь. Кто-то быстро сбежал по ступенькам, а через пару секунд к двери подошел мужчина лет сорока с небольшим, в джинсах и светлой рубашке. Невысокого росточка, щуплый, он принес с собой резкий, кислотный запах каких-то химикалий.

– Чем могу помочь? – вежливо спросил мужчина, вытирая руки полотенцем.

Виктор усмехнулся:

– Мило Лум! Ничуть не изменился! Все еще прячешься от матери в подвале?

– Извините? – Мило недоуменно уставился на гостя. – Я вас знаю, сэр?

– Не узнаешь трубача из «Олд тьюнере»?

Мило недоверчиво прищурился:

– Гершвин? Ты? Не может быть!

– Знаю, знаю, – рассмеялся Виктор. – Старость не в радость. Как видишь, годы меня не пощадили.

– Извини. Не хотел ничего такого сказать, но…

– Не беспокойся, говори, что хочешь, я на свой счет не приму. Поскольку… – Виктор не без усилия стащил накладную бороду, – это лицо не совсем мое.

Мило посмотрел на фальшивые бакенбарды, похожие в руке Виктора на мертвого лохматого зверька, потом перевел взгляд на его подбородок, на котором остались пятна от эфирного клея.

– Решил разыграть старика Мило, да? – Он высунул голову за дверь и посмотрел за спину гостя, на улицу. – Остальные парни тоже здесь, да? Спрятались где-то и ждут твоего сигнала, да? Ну и шутки у вас.

– Если бы…

Мило мгновенно уловил в голосе Виктора нотку тревоги. Он посмотрел на Кэти, потом снова на старого приятеля и, отступив в сторонку, кивнул:

– Входи, Герш. Похоже, я чего-то не знаю.

За поздним ужином из утиного супа с лапшой и жасминового чая Мило внимательно выслушал рассказ Виктора. Сам он многословием не отличался, предпочитая разговору лапшу. И только когда не перестававшая улыбаться миссис Лум пожелала всем спокойной ночи и отправилась спать, Мило предложил свой комментарий:

– Ну, старина, когда ты попадаешь в неприятности, ты попадаешь в них по-крупному.

– Проницателен, как всегда, – вздохнул Виктор.

– Жаль, того же нельзя сказать о копах, – фыркнул Мило. – Потрудились бы порасспрашивать тех, кто тебя знает, и поняли бы, что ты абсолютно безобиден. Насколько я знаю, ты виновен только в одном серьезном преступлении.

Кэти удивленно вскинула голову:

– В каком преступлении?

– В издевательстве над ушами тех бедолаг, которым не повезло услышать его саксофон.

– И это говорит флейтист, репетирующий с затычками в ушах, – заметил Виктор.

– Это чтобы не отвлекаться на посторонние шумы.

– Да. Которые ты сам же и издаешь.

Кэти улыбнулась:

– Теперь я начинаю понимать, почему вы называли себя «Олд тьюнерс».

– А что еще нам оставалось? Только посмеяться над собой – «Стэнфорд групп» из нас не получилась. – Мило, поднявшись, быстро убрал со стола.

Пригласив гостей следовать за собой, он спустился по шатким ступенькам в подвал. В воздухе стоял тяжелый запах химикалий, на стойке из нержавеющей стали выстроились в ряд лотки. Где-то медленно капала вода из крана. Оглядевшись, Кэти поняла, что они оказались в огромной фотолаборатории. На стенах висели свежие отпечатки. И на всех лица: солдат, берущих штурмом здание аэропорта, протестующих под развернутым знаменем. Некоторые вполне могли бы украсить выпуски новостей.

– Твои работы, Мило? – спросила она.

– К сожалению, нет. – Мило встряхнул бачок с проявителем. – Я всего лишь продолжаю старый семейный бизнес.

– Что за бизнес?

– Обувь. Мы импортируем кожу. Итальянскую, бразильскую, крокодиловую. В общем, всякую. – Он кивнул на фотографии. – Вот так я и снимаю. Когда езжу за кожей. Я – эксперт по женским ножкам.

– Ради этого, – вставил Виктор, – он и провел четыре года в Стэнфорде.

– А почему бы и нет? Вполне подходящее место для изучения чудных ножек прекрасного пола. – Зазвонил таймер. Мило слил проявитель, вынул пленку и повесил сушиться. – Вообще-то, – сказал он, рассматривая негативы, – я всего лишь исполнил последнюю волю отца. Он очень хотел, чтобы его сын закончил Стэнфорд и получил степень. А я хотел провести четыре года в бесконечных вечеринках. Так что наши желания исполнились. – Мило с грустью посмотрел на фотографии и со вздохом добавил: – Жаль, но о последующих годах такого не скажешь.

– Почему? – поинтересовалась Кэти.

– Потому что с вечеринками пришлось давно распрощаться. Надо зарабатывать. Никогда не думал, что жизнь сведется вот к этому. Куда только все ушло, а, Герш? Что с нами стало? Мы растеряли весь потенциал. Все мы – Бах, Олли, Роджер. «Олд тьюнере» встали в общую шеренгу. Теперь мы все марширует под унылую дробь барабана. – Мило снова вздохнул и посмотрел на Виктора. – Ты можешь разобрать что-нибудь на этих негативах?

Виктор покачал головой:

– Нет. Нужны отпечатки.

Мило кивнул и выключил свет, оставив только красную лампу.

– Как вам угодно.

Наблюдая за тем, как старый друг готовит фотобумагу, Виктор спросил:

– А как другие ребята? Что с ними? Где они?

Мило щелкнул кнопкой фотоувеличителя.

– Роджер – вице-президент какого-то международного банка в Токио. Шелковые костюмы и галстуки и все такое. Ушел в дело с головой. У Баха фирма в Сан-Хосе. Занимается электроникой.

– А Олли?

– Олли? А что Олли? – Мило опустил в ванночку первый отпечаток. – По-прежнему не вылезает из своей лаборатории в медицинской школе

Стэнфорда. Подозреваю, там и ночует. Не удивлюсь, если у него в подвале есть какая-то тайная комната, где он держит на цепи своего ассистента Игоря.

– Вот с кем мне надо встретиться, – сказала Кэти.

– О, ты ему понравишься, – рассмеялся Виктор, погладив ее по плечу. – Бедняга, наверное, уже забыл, как выглядит женщина.

Мило перенес отпечаток в следующую ванночку.

– Да, кто как, а старина Олли остался прежним. Ничуть не изменился. Все такой же полуночник и по-прежнему играет на кларнете. А как ты, Герш? Еще берешь в руки саксофон?

– Давно не играл. Наверное, несколько месяцев.

– Соседям повезло.

– Почему тебя так называли? – спросила Кэти.

– Потому, – ответил Мило, заряжая следующие кадры, – что он твердо верит, будто музыка Джорджа Гершвина покоряет женские сердца. Это ведь после «Кто-то охраняет меня» Лили согласилась… – Он вдруг осекся и сочувственно посмотрел на друга.

– Ты прав, – тихо сказал Виктор. – Именно после «Кто-то охраняет меня» Лили согласилась выйти за меня замуж.

Мило покачал головой:

– Извини. Все время забываю, что ее уже нет.

– Да, ее уже нет, – сухо заметил Виктор. – А нам нужно думать о другом.

– Да. – Мило вооружился пинцетом, повернулся к ванночке с проявленными отпечатками и, осторожно выудив их из закрепителя, повесил сушиться на протянутую через комнату бечевку. – Итак, Герш, расскажи-ка, что такого важного на этой пленке и почему из-за нее убивают.

Он включил свет.

Несколько секунд Виктор молчал, озадаченно рассматривая пять мокрых отпечатков. Кэти, как ни смотрела, видела только группы чисел и букв, записанные к тому же почти неразборчивым почерком. Для нее эта информация была китайской грамотой.

– М-да, – хмыкнул Мило. – Теперь я все понял.

Пробежав взглядом первую страницу, Виктор перешел ко второй, потом задержался у пятой с колонкой чисел из двадцати семи пунктов. Каждое число, как можно было предположить, обозначало дату, за которой шли четыре повторяющиеся буквы: ИСКЛ.

– И что все это значит? – спросила Кэти.

Виктор повернулся, и ее поразили его глаза – холодные, застывшие.

– Нужно позвонить Олли, – негромко сказал он.

– Сегодня? Прямо сейчас? – удивился Мило. – Но в чем дело?

– Судя по всему, они не ограничились только лабораторными экспериментами. Пробирки и чашки Петри их не устраивают. Они выходят на клинические испытания. – Виктор постучал пальцем по последней странице. – Здесь речь идет об обезьянах. Каждую инфицировали новым вирусом. Искусственно созданным вирусом. И в каждом случае результат одинаков.

– Ты имеешь в виду вот это? – Мило указал на колонку с датами. – ИСКЛ?

– Да. ИСКЛ. – сокращение от «Исключен». Они все умерли.

* * *

Сидя на скамеечке в зале автовокзала Пало-Альто, Сэм Половски пытался найти ответ на свой же вопрос: «Если бы я хотел исчезнуть, что бы я сделал?» Наблюдая за пассажирами, выходящими из автобуса, только что прибывшего из Сан-Хосе, он отметил, что почти у каждого на ногах походные ботинки «Биркенсток» и рюкзак за спиной. Скорее всего, студенты, приехавшие из Стэнфорда на рождественские каникулы. Странно, что люди, имеющие возможность оплатить учебу в дорогущем университете, не желают раскошелиться на приличные джинсы. Или, если уж на то пошло, потратиться на парикмахерскую.

Поднимаясь, Половски машинально отряхнул пальто. Привычкой этой он обзавелся еще в молодости, когда работал в не самом благополучном и чистом районе города. Даже когда воздух был вроде бы чист, он ощущал присутствие сажи, оседавшей на любой поверхности и всегда готовой пристать к одежде, как свежая, невысохшая краска.

Позвонив в офис и попав на автоответчик Дефо, Половски сообщил, что проследил Виктора Холланда до Пало-Альто. Как-никак держать

начальство в курсе дела – его служебная обязанность. Хорошо еще, что докладывать пришлось автомату, а не самому шефу.

Выйдя из здания вокзала, он неспешно направился к центру города – без определенной цели, наугад, в надежде то ли на чутье, то ли на озарение. И прилегающий к вокзалу район, и город в целом производили вполне приятное впечатление. Элегантные старые дома университетской профессуры, тихие книжные магазины, уютные кафе, где солидные бородатые люди в роговых очках вели неспешные дискуссии о Прусте, Гете и Брехте. Половски вспомнились дни своей университетской юности. Оказавшись однажды невольным свидетелем развернувшегося за соседним столиком и затянувшегося на добрый час горячего спора, он в конце концов не выдержал, вскочил и, подлетев к студентам, заорал:

– Может быть, этот ваш Брехт имел в виду это, а может быть, то! Но ответьте мне вот на какой вопрос: а что от этого, черт возьми, меняется?

Нечего и говорить, что этот случай вовсе не пошел на пользу его репутации старшекурсника.

Сейчас, идя по улице, на которой жили куда более серьезные философы, Половски размышлял не о Брехте, а о Викторе Холланде. Где попытается спрятаться отчаявшийся, бегущий от смерти человек? Кто может дать ему убежище? Он шел мимо освещенных витрин, мимо мерцающих окон, мимо выплывающих из гаражей автомобилей. Где же? Где?

Холланд – ученый, музыкант. Друзей у таких много не бывает. Докторскую степень он получил в Массачусетском технологическом, звание бакалавра в Стэнфорде. Университет – вот он, почти рядом. Следовательно, какие-то связи должны остаться. Может быть, у Холланда здесь друзья, которые готовы принять и помочь.

Пожалуй, решил Половски, стоит еще разок заглянуть в досье беглеца. В архивах «Виратека» наверняка имеются отзывы от прежних работодателей, рекомендации от кого-то из Стэнфорда. А может быть, упоминается кто-то из друзей.

Рано или поздно ему придется к кому-то обратиться.

Домой Дефо с супругой вернулся уже после полуночи и в прекрасном настроении. Голова приятно кружилась от выпитого шампанского, в ушах еще звенела трогательная ария из «Самсона и Далилы». Опера была его страстью, блистательным представлением смелости, конфликта и любви, видением жизни несравненно более благородной и

величественной, чем тот мелкий мирок, в котором ему приходилось жить. После такой музыки даже собственная супруга представала в ином свете. Он смотрел, как она снимает пальто, как сбрасывает туфли. Сорок фунтов лишнего веса, серебро в волосах, однако кое-что от былой привлекательности сохранилось. «Три недели… Но сегодня она непременно…»

Однако супруга, словно не заметив его амурных взглядов, удалилась в кухню. Пару секунд спустя донесшееся оттуда ворчание посудомоечной машины известило о том, что на нее нашел очередной приступ «болезни идеальной домохозяйки».

Расстроенный, Дефо отвернулся и ткнул пальцем в мигающую кнопку автоответчика. Короткое сообщение Половски окончательно испортило настроение и погасило еще тлевшие угольки страсти. «…Есть основания полагать, что Холланд либо находится в Пало-Альто, либо только что оттуда уехал. Поиски продолжаю. О результатах буду сообщать…»

«Половски, ты просто придурок. Неужели так трудно исполнять приказы?»

Часы показывали три. Три часа ночи по вашингтонскому времени. Несусветная рань. Тем не менее Дефо снял трубку и набрал номер.

– Тайрон слушает, – ответил хрипловатый спросонья голос.

– Ковбой, это Дефо. Извини, что разбудил.

– Что случилось? – Следы сонливости и раздражения моментально как рукой сняло.

– Есть новость по Холланду. Деталей не знаю, но он двинулся на юг, в Пало-Альто. Возможно, и сейчас еще там.

– Там ведь университет?

– Да, Стэнфорд.

– Что ж, ты нам помог.

– Для старого приятеля все, что угодно. Буду на связи.

– Есть еще кое-что, Дефо.

-Да?

– Мне не нужно, чтобы кто-то вертелся под ногами. Отзови всех своих людей. Дальше мы будем работать сами.

– Э… здесь возможны проблемы.

– Проблемы? Какие еще проблемы? – Голос остался негромким, но в нем прорезалась жесткая нотка.

– Один из моих людей… Он из тех, кого называют джокерами. Сэм Половски. Похоже, эта история с Холландом крепко его задела. В общем, он занимается им по собственной инициативе.

– Есть такая вещь, как прямой приказ.

– Сейчас я с ним связаться не могу. Половски в Пало-Альто, ищет Холланда. Может быть, пытается что-то раскопать.

– Не люблю я таких, неуправляемых. От них чего угодно можно ожидать.

– Я его отзову. Утром. Как только выйду на связь.

– Да, отзови. И никакого шума. Дело касается национальной безопасности.

Положив трубку, Дефо остановил взгляд на фотографии, стоявшей на каминной полке. Два молодых улыбающихся морпеха – он и Ковбой – с автоматами за спиной посреди рисового поля. Шестьдесят восьмой год, Вьетнам. Сумасшедшее время, когда жизнь нередко зависела от того, кто прикрывал тебе спину. Время, когда девиз «Semper Fi – Всегда верны» относился не только к корпусу морской пехоты в целом, но и к каждому в отдельности. Мэтт Тайрон был настоящим героем тогда, остался героем и теперь. Впервые за все время их знакомства к восхищению, с которым он всегда относился к этому человеку, примешивалась зависть, и это по-настоящему встревожило Дефо. Ему и самому было чем гордиться – восемнадцать лет безупречной службы в ФБР, перспектива, пусть и далекая, занять место помощника директора, – но его достижения меркли на фоне головокружительного взлета Мэтта Тайрона, сделавшего карьеру в Агентстве национальной безопасности. Дефо не знал, какую именно должность занимает Ковбой в АНБ, но слышал, что Тайрон регулярно бывает на совещаниях в правительстве, пользуется доверием президента и занимается вопросами, о которых не принято говорить вслух. Он был из разряда тех людей, которые всегда нужны стране, для которых патриотизм нечто большее, чем пустая риторика и размахивание флагом. Мэтт Тайрон мог не только умереть ради своей страны – он жил для нее.

Дефо не мог позволить себе подвести такого человека, такого друга.

Он снова снял трубку, набрал номер домашнего телефона Половски и, дождавшись сигнала автоответчика, оставил сообщение:

«Приказываю немедленно прекратить поиски Холланда. Вы отстраняетесь от дел до дальнейшего уведомления».

Его так и подмывало добавить: «По просьбе моих вашингтонских друзей», но он сдержался. Тщеславие в данном случае неуместно. Ковбой сказал, что речь идет о национальной безопасности.

Дефо нисколько не сомневался, что так оно и есть. Ведь это сказал Мэтт Тайрон. А Мэтт Тайрон принимает приказы от самого президента США.

– Не нравится мне это. Совсем не нравится.

Олли Возняк подслеповато прищурился, рассматривая через очки разложенные на обеденном столе Мило двадцать четыре фотографии. Взяв одну, он поднес ее поближе, чуть ли не к носу. Блекло-голубые, словно выцветшие, глаза казались за толстыми стеклами неестественно большими. Каждый, кто встречался с Олли впервые, видел только его глаза; все остальное – впалые щеки, тонкие, словно нарисованные карандашом, губы, легкие, невесомые, как у ребенка, волосы – отступало на второй план, сливаясь в бледное пятно. Покачав головой, он взял вторую фотографию.

– Ты, конечно, прав. Кое-что я понять не могу – надо бы изучить внимательнее, – но вывод ясен: речь идет об уровне смертности. Думаю, они испытывали его на обезьянах-резусах. – Он помолчал, потом негромко добавил: – Надеюсь, что на обезьянах.

– Конечно, на обезьянах, – сказала Кэти. – Не на людях же.

– Официально испытания на людях запрещены. – Олли положил фотографию и посмотрел на нее. – Но на практике такое случалось.

– Может быть… в нацистской Германии.

– Не только, – покачал головой Виктор. – Здесь тоже.

– Что? – Кэти недоверчиво взглянула на него.

– Помимо прочего, в армии изучают возможность и последствия биологической войны. Известен случай, когда над Сан-Франциско

выпустили несколько колоний serratia marcescens. Генералов интересовало, насколько быстро распространяется организм. В результате – вспышка инфекции в районе залива. Несколько человек умерло.

– Не может быть, – пробормотала Кэти.

– Разумеется, они этого не хотели. Но люди-то все равно умерли. Как у них говорят, непреднамеренный ущерб.

– Был еще случай в Таскиджийском университете, – напомнил Олли. – В тех экспериментах тоже гибли люди. И в Нью-Йорке… Там опыты проводились на умственно отсталых детях. Их инфицировали гепатитом. Никто, к счастью, не умер, но в этическом отношении эпизод показательный. Ничего нового тут нет, такое и раньше делали. Иногда во благо человечества.

– Иногда – нет, – добавил Виктор.

Олли кивнул:

– Как в данном случае.

– О чем именно идет речь здесь? – Кэти указала на фотографии. – Это что, какое-то медицинское исследование? Или разработка какого-то оружия?

– И то и другое. – Олли ткнул пальцем в один из снимков. – Судя по всему, «Виратек» участвует в исследовательском проекте по созданию биологического оружия. Они назвали его проектом «Цербер». Насколько я смог понять, работают с каким-то вирусом РНК, чрезвычайно вирулентным и крайне контагиозным. Уровень смертности при испытании на животных в лабораторных условиях составляет восемьдесят процентов. Из этой фотографии, – он постучал пальцем по снимку, – ясно, что организм вызывает у инфицированных объектов везикулярное поражение кожи.

– Везикулярное?

– Пузырчатое. Жидкость в этих пузырях может быть одним из путей передачи инфекции. – Он перебрал фотографии и вытащил еще одну. – Вот здесь данные по продолжительности и ходу болезни… Почти во всех случаях заболевание протекает одинаково. Вот здесь… – Он указал на временной график на первой странице. – Объект инфицирован. Первые симптомы проявляются на седьмой день. На двенадцатый день – болезненные высыпания по всей коже. Смерть наступает на

четырнадцатый день. Время варьируется, но результат не меняется. Все умирают.

– Вы употребили слово «высыпания», – вмешалась Кэти.

Олли повернулся к ней:

– Да, высыпания. Сыпь.

– Сыпь? Как при ветрянке.

– Если бы. Здесь все гораздо опаснее. Ветрянкой в детстве переболел едва ли не каждый, так что почти у всех выработался иммунитет. Здесь история совсем другая.

– Вирус новый? – спросил Мило.

– И да и нет. – Олли потянулся к электронному микрографу. – Мне сразу показалось, что во всем этом есть что-то смутно знакомое. Форма организма, кожные язвочки, течение болезни… Короче, вся картина. Что-то она мне напомнила. Когда-то, очень-очень давно, я читал о чем-то похожем. Никогда бы не подумал, что увижу такое снова.

– Хочешь сказать, что вирус старый? – удивленно спросил Мило.

– Не старый – древний. Но они его модифицировали. Усилили контагиозные свойства. Сделали по-настоящему смертельным. Учитывая, сколько миллионов от него уже умерло, у них получилось по-настоящему первоклассное оружие.

– Миллионов? – Кэти изумленно уставилась на него. – Что вы имеете в виду? О чем говорите?

– Об убийце, имя которого известно уже сотни лет. Оспа.

– Не может быть! – воскликнула она. – Я же читала! Люди победили оспу. Ее же больше нет.

– В практическом смысле – да, победили, – согласился Виктор. – Благодаря проведенной по всему миру вакцинации оспа исчезла. Случаев заболевания ею за последние десятилетия не отмечено. По-моему, сейчас даже вакцину не производят. Так, Олли?

– Да, достать ее невозможно. Раз вирус уничтожен, то и в вакцине потребности уже нет.

– Тогда откуда взялся этот вирус? – спросила Кэти.

Олли пожал плечами:

– Наверное, отыскали в чьем-то чулане.

– Шутишь?

– Серьезно. После уничтожения оспы образцы вируса сохранялись в правительственных лабораториях. Просто так, на случай, если кому-то понадобится материал для будущих исследований. Так сказать, научный скелет в шкафу. Думаю, лаборатории эти строго засекречены, потому что, если вирус вырвется на свободу, планету захлестнет пандемия. – Он посмотрел на фотографии. – Похоже, барьер секретности оказался не таким уж непроходимым. Кто-то добрался до образцов…

– А может, и добираться не пришлось, – вставил Виктор. – Может, эти самые образцы просто передали кому-то. С любезного разрешения правительства Соединенных Штатов.

– Верится с трудом. – Олли покачал головой. – То, о чем ты говоришь, – это пороховая бочка. Ни один комитет не даст разрешения на такой проект.

– Правильно. Вот почему, как мне представляется, проект осуществляется как тайная операция. Представить такой сценарий нетрудно. Кучка «ястребов» разрабатывает операцию в рамках Агентства национальной безопасности. Или Объединенного штаба. Или даже в самом Овальном кабинете. Кто-то говорит: «Мировая политика изменилась. Ядерная атака чревата ответным ударом. Нам нужен другой вариант. Другое оружие. Такое, которое сработает против армии третьего мира. Давайте поищем что-нибудь». И кто-то из присутствующих на заседании, какой-нибудь лжепатриот, решает, что теперь все можно. И к черту международное право.

– А поскольку все делается неофициально, – подхватила Кэти, – то и признавать ничего не надо.

– Верно. Администрация всегда может заявить, что ничего не знала, ни о чем не ведала.

– Как уже было во время скандала «Иран – контрас».

– С одним большим отличием, – вставил Олли. – Тогда в результате скандала никто не пострадал, если не считать того, что нескольким политикам пришлось уйти со сцены. А вот у проекта «Цербер» последствия могут быть куда более плачевными – погибнут миллионы людей.

– Но как же так, Олли, – запротестовал Мило. – Мне ведь в детстве делали прививку от оспы. Разве это не означает, что мне ничего не грозит?

– Может быть. При условии, что вирус не подвергся слишком большим изменениям. Я бы сказал, что те, кому за тридцать пять, скорее всего, в безопасности. Но не забывайте, что после нас выросло целое поколение тех, кто никакой вакцины не получал. Молодежь, дети. К тому времени, когда новая вакцина будет приготовлена в достаточном для всех количестве, эпидемия охватит весь мир.

– Теперь я лучше понимаю, какой логикой руководствуются создатели этого оружия, – сказал Виктор. – Кто составляет основу любой армии? Молодежь.

Олли кивнул:

– Да. И они понесут самые тяжелые потери. Они да еще дети.

– Целое поколение, – пробормотала Кэти. – Выживут только старшие. – Она посмотрела на Виктора и увидела в его глазах отражение своего ужаса.

– И название подобрали подходящее, – заметил Мило.

Олли нахмурился:

– Что?

– Цербер. Трехголовый пес Гадеса. – Мило покачал головой. – Страж умерших.

Мило ушел наверх, Кэти наконец уснула, и только тогда Виктор поделился с Олли своей тревогой. Тревога эта не давала ему покоя с той минуты, когда они пришли в дом Мило. Каждый раз, когда он смотрел на Кэти, слышал ее голос, вдыхал запах ее волос, мысли перескакивали на страшные последствия возможной реализации проекта «Цербер». И вот теперь, в самый глухой час ночи, когда, казалось, спал весь мир, кроме него и Олли, Виктор принял решение.

– Хочу попросить тебя об одолжении.

Олли посмотрел на него через обеденный стол

и пододвинул уже четвертую чашку горячего, дымящегося кофе.

– Что за одолжение?

– Это касается Кэти.

Олли посмотрел на уснувшую в гостиной, прямо на полу, женщину. Маленькая, свернувшаяся калачиком под одеялом, она выглядела совершенно беззащитной.

– Кэти – хороший человек, Герш.

– Знаю.

– У тебя ведь так никого и не было после Лили?

Виктор покачал головой:

– Наверное, я не был готов к новой встрече. Да и других дел хватало…

Олли улыбнулся:

– Причины можно найти всегда. Уж я-то знаю. Ладно, Герш, какие у тебя планы?

– За этим я к тебе и обращаюсь. Оставаться со мной сейчас небезопасно. Кэти может пострадать.

– Черт возьми, – рассмеялся Олли, – ты и сам можешь пострадать.

– Я несу за нее ответственность. Если с Кэти что-то случится… я себе не прощу… – Он выдохнул, потер покрасневшие глаза. – В любом случае будет лучше, если она уйдет.

– Уйдет? Куда?

– У нее есть муж. Бывший. Он отправляется на несколько месяцев в Мексику – работать. Думаю, с ним ей было бы спокойнее.

– Отправляешь женщину к бывшему супругу?

– Я с ним знаком. Он, конечно, полное ничтожество, но Кэти, по крайней мере, не будет одна.

– А она согласна?

– Еще не спрашивал.

– Может, стоит?

– Я хочу сделать так, чтобы других вариантов у нее не оставалось.

– А если все-таки не согласится?

– Послушай, у меня нет настроения ни спорить, ни доказывать. Ясно? Я делаю это ради ее же блага.

Олли снял очки, протер стекла уголком скатерти, снова надел.

– Извини, Герш, что так говорю, но на твоем месте я бы держал ее поближе к себе и сам бы за ней присматривал.

– Присматривал? Зачем? Чтобы видеть, как ее убьют у меня на глазах? – Виктор покачал головой. – Нет, мне и одной Лили хватит. Не хочу терять еще и Кэти.

Олли недолго подумал, потом кивнул:

– Ладно. Что мне нужно сделать?

– Я хочу, чтобы завтра ты отвез Кэти в аэропорт. Купи ей билет в Мехико. Пусть воспользуется твоим именем. Миссис Возняк. Убедись, что она поднялась на борт, и подожди до отлета. Я расплачусь с тобой, когда смогу.

– А если она откажется лететь? Затащить в самолет силой?

– Действуй по обстоятельствам, Олли. Я на тебя рассчитываю.

Олли вздохнул:

– Ладно. Думаю, что справлюсь. Завтра позвоню на работу, скажу, что заболел. – Он посмотрел на Виктора. – Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

«Я тоже надеюсь», – подумал Виктор.

Олли поднялся, собрал фотографии, положил в конверт.

– Вернусь утром. Потом покажу две последние фотографии Баху. Может быть, он сможет разобраться, что это за решетки.

– Да уж, в электронике для него секретов нет.

Они вместе подошли к двери, остановились, посмотрели друг на друга – старые приятели, поседевшие и, как надеялся Виктор, поумневшие за то время, что не виделись.

– Нанесем удар по системе.

– Слышу голос старого стэнфордского радикала.

– Давно это было. – Олли ухмыльнулся и похлопал Виктора по спине. – Но мы ведь еще кое на что способны, а? Повоюем, Герш. Пока, увидимся утром.

Олли шагнул в темноту, и Виктор помахал ему на прощание. Потом закрыл дверь и выключил свет.

Вернувшись в гостиную, он сел рядом с Кэти и пару минут смотрел на спящую. Пробивающийся через стекло свет фонаря падал на ее спутанные волосы. *Заурядная,* так она сказала о себе. Возможно, если б он просто встретил ее на улице, то и сам подумал бы так же. Но они встретились в дождливую ночь на ночной дороге в Гарбервиль, и после той встречи ему и в голову не пришло бы назвать ее заурядной. Мягкостью, добротой, отзывчивостью Кэти напоминала Лили.

Но пожалуй, и только.

Они с Лили любили друг друга и всегда оставались добрыми друзьями, но при этом она оставалась удивительно бесстрастной, целомудренной, словно непорочный дух, заключенный в человеческом теле. Это тело доставляло ей массу неудобств. Лили как будто смущалась его: раздевалась в темноте, занималась любовью – в тех редких случаях, когда такое случалось, – тоже в темноте. А потом болезнь отняла у нее остатки желания.

Глядя на спящую Кэти, он поймал себя на том, что пытается представить, какие страсти и желания дремлют в этом скрытом под одеялом теле.

Впрочем, теперь это уже не важно, напомнил себе Виктор. Завтра он отошлет ее в Мексику. Избавится. Так нужно. Когда она рядом, сосредоточиться невозможно, а ему необходимо привести в порядок мысли и заняться наконец делом: разоблачить «Виратек». Джерри Мартиник рассчитывал на него. Тысячи потенциальных жертв рассчитывают на него. Он – ученый, человек, гордящийся своей способностью рассуждать логически. А то обстоятельство, что его тянет к этой женщине, не имеет ровным счетом никакого значения. Тем более при нынешнем раскладе.

Это говорил в нем ученый.

Устранив наконец проблему, он решил немного отдохнуть и, сбросив туфли, растянулся рядом с ней. Одеяло оказалось достаточно широким,

и его вполне хватило на двоих. Забравшись под него, Виктор несколько секунд лежал неподвижно, не прикасаясь к ней, словно боясь забрать чуточку ее тепла.

Кэти всхлипнула во сне и повернулась к нему; легкая прядь шелковистых волос упала ему на лицо.

Ну как тут устоишь! Обреченно вздохнув, он обнял ее, а она тут же прижалась к нему. Их последняя ночь вместе. А раз так, то почему бы не провести ее в тепле объятий.

Так, обнимая ее, Виктор и уснул.

За ночь он проснулся только однажды. Ему приснилась Лили. Они гуляли по саду с белыми цветами. Она молчала и только смотрела на него с глубокой, невыразимой печалью, словно говоря: «Я здесь, Виктор. Я вернулась к тебе. Почему ты не счастлив?» Он не смог ответить – просто обнял и прижал к себе.

Проснувшись среди ночи, он обнаружил, что обнимает Кэти.

Моментально переполнившая сердце радость согрела самые темные уголки души. Это нахлынувшее вдруг половодьем счастье застигло его врасплох и всколыхнуло чувство вины. Но радость была недолгой. Он вспомнил, что сегодня она улетает.

«Кэти, Кэти. Как же ты все усложнила».

Виктор повернулся на бок, мысленно возводя между ними стену, и попытался сосредоточиться на прерванном сне. Так, что же там случилось? Они с Лили гуляли по саду. Лили… Странно, но ему никак не удавалось представить ее лицо. Он помнил, что у нее были карие глаза и вьющиеся черные волосы. Да ведь они были женаты целых десять лет – он должен помнить ее лицо.

Но сейчас – стоило только закрыть глаза – перед ним вставало совсем другое лицо. Лицо Кэтрин Уивер.

На то, чтобы собраться и доехать до Пало-Альто, Николасу Сэвичу потребовалось всего два часа. Мэтт Тайрон сообщил, что Холланд улизнул из Сан-Франциско и, похоже, отправился на юг, в район Стэнфорда, скорее всего, попытается отыскать старых друзей. Как-никак Холланд выпускник тамошнего университета. Студенческие узы обычно прочны и со временем не слабеют. Впрочем, сам Сэвич дальше средней школы не пошел и о прочности этих уз мог только догадываться. Его

образование проходило в южной части Чикаго и складывалось из всего того, что удавалось нахватать там голодному и амбициозному парнишке. Более всего он преуспел в удивительном, почти сверхъестественном умении забраться в голову другому человеку, прочувствовать, как тот думает и поступает в конкретной ситуации. Некоторые называли это продвинутой уличной психологией. Вот так, не проучившись и дня в колледже, Сэвич заработал свою степень.

Ее он и взял сейчас на вооружение.

Его называли Искателем, и прозвище ему нравилось. Он усмехнулся. Николас Сэвич, знаток человеческих душ, охотник, умеющий вытащить добычу из самой глубокой норы.

В большинстве случаев решение задачи требовало самой обычной логики. Даже в бегах люди ведут себя в соответствии с устоявшимися моделями. Проще говоря, по шаблону. Поступать так их заставляет страх. Он гонит их искать опоры и утешения в привычном. В чужом городе больше всего ценится знакомое, пусть даже это всего лишь вид на золотые арки.

Как любой другой беглец, Виктор Холланд будет искать знакомое.

Сэвич свернул на Палм-Драйв и остановился перед Стэнфордской аркой. В два часа ночи кампус спал. Несколько секунд Сэвич задумчиво смотрел на молчаливые здания, альма-матер Холланда. Домашнее задание, как говорится, Сэвич выполнил. В кейсе лежал список имен прежних контактов Холланда, взятых из его досье. Список тех, к кому он мог обратиться за помощью. Сэвич намеревался взяться за работу с утра – обойти соседей, поспрашивать, предъявляя при необходимости удостоверение сотрудника спецслужбы, не появлялись ли в их квартале посторонние.

Дело в общем-то простое. Единственным, кто мог осложнить ситуацию, был Сэм Половски. Судя по последней полученной информации, фэбээровец тоже находился в Пало-Альто и тоже шел по следу Виктора Холланда. Упрямый парень. Убрать агента бюро – дело опасное, чреватое последствиями. С другой стороны, Половски был всего лишь колесиком, таким же, как Кэтрин Уивер. Крохотным колесиком в огромном колесе.

Если их не станет, никто этого даже не заметит. Никто их не хватится.

Глава 9

Кэти проснулась в тот холодный, ясный час, что предшествует рассвету. Проснулась дрожа, еще чувствуя на себе липкие щупальца кошмара. Во сне она попала в чужой, незнакомый мир, слепленный из бетона и теней. Мир с темными, зияющими проемами и притаившимися в дальних углах мрачными фигурами. Она брела между ними, совсем одна среди безликих теней, прячась в полумраке, инстинктивно избегая света. Ее никто не преследовал, за ней никто не гнался, на нее никто не нападал, выскакивая из-за угла. Настоящий ужас внушали бесконечный бетонный лабиринт, сухое, короткое, словно обрезанное, эхо, отчаянные поиски убежища.

И подспудная уверенность, что никакого убежища нет, что ей не спрятаться.

Какое-то время Кэти лежала неподвижно, свернувшись под одеялом, на полу в гостиной Мило. Она плохо помнила, как оказалась здесь, как уснула уже далеко за полночь, часа, наверное, в три. Виктор и Олли еще сидели в кухне, изучали фотографии и что-то обсуждали. Сейчас в доме было тихо и темно.

Кэти повернулась на спину и ткнулась плечом во что-то твердое и теплое. Виктор. Он пошевелился, вздохнул и пробормотал что-то неразборчивое.

– Не спишь? – прошептала она.

Он повернулся и обнял ее спросонья. Кэти знала – это инстинкт, естественная тяга одного человеческого тела к другому. Или, может быть, память о спавшей рядом жене. Ей не хотелось разочаровывать его, возвращая в безрадостную реальность. «Пусть, пока не проснулся, думает, что я – Лили. В этом ведь нет ничего плохого? Ему нужна память. А мне… мне немного тепла».

Она зарылась в его объятия, прижалась к его груди, заняла место, принадлежавшее некогда другой. Она не думала о последствиях, а просто позволила себе на короткое время стать той единственной женщиной, которую он любил. Как же здесь было хорошо в этом маленьком, уютном, надежно защищенном со всех сторон раю! Многое здесь уже было знакомо ей. Она вдыхала его запах, наслаждалась теплом его дыхания, вслушивалась в слова, которые он шептал другой. А потом он поймал ее лицо и впился в ее губы с таким желанием, что оно мгновенно передалось Кэти. Ответ последовал мгновенно. Ее тело, слишком давно не знавшее любви, отозвалось само собой, не спрашивая ни у кого позволения.

Их губы слились в горячем, жадном поцелуе, и в тот же миг ее подхватил, завертел и унес восхитительный водоворот. Виктор ласкал ее лицо, шею,

потом спустился ниже. Его пальцы никак не могли справиться с пуговицами, а она уже нетерпеливо выгибалась в предвкушении прикосновений.

Она не знала, как распахнулась наконец блузка, но в какой-то момент его пальцы, только что мявшие ткань, обожгли обнаженную плоть. Их грубоватые подушечки закружили вокруг ставших невероятно восприимчивыми сосков, и под этой сладостной пыткой пали последние бастионы сопротивления. Что даровала им судьба? Может быть, только эту ночь? Да, она хотела большего, целой вечности, но не собиралась упускать и этот, не исключено, единственный шанс. Она ждала его и теперь приняла со всей страстью женщины, удостоившейся наконец приглашения на праздник любви.

Ее ловкие пальчики споро пробежали по пуговицам сверху вниз, к брюкам, и остановились на мгновение.

Оба как будто взяли крошечную паузу, но уже в следующее мгновение, словно приняв одновременно решение и переступив через неловкость, устремились дальше, к пуговицам и «молниям». Оба лихорадочно спешили, и вот уже последние одежды полетели в общую кучку, где кружева смешались с грубым денимом. А потом, когда между ними не осталось ничего, кроме бархатной черноты ночи, она потянула его к себе… на себя…

Он вошел глубоко и нежно, наполнив ее чем-то восхитительным, сказочным, вытеснив пустоту, долгие годы занимавшую ее душу.

– Еще, – прошептала она.

Виктор замер.

– Кэти? – взволнованно спросил он. – Что…

– Пожалуйста… не останавливайся…

Он негромко рассмеялся:

– Я и не собираюсь. Ни в коем случае…

Он и не останавливался, пока не провел ее

всей долгой дорогой, уходившей все выше и выше, туда, куда не водил ее ни один мужчина, к вершинам, что лежали за пределами разума и смысла. И только когда поток прорвал плотину и волны понесли ее вниз, она поняла, на какой высоте побывала.

* * *

За окном, в серой рассветной мгле, запела птичка. Здесь, в доме, тишину нарушало только их дыхание.

Она на мгновение прижалась к его теплому плечу.

– Спасибо тебе.

Он погладил ее по щеке.

– За что?

– За все. С тобой я снова почувствовала себя живой… желанной…

– Ох, Кэти.

– Я уже забыла, как это бывает. Мы с Джеком… мы перестали заниматься любовью задолго до развода. Я просто не могла больше выносить это… – Она вздохнула. – Когда ты не любишь человека, когда он больше не любит тебя, терпеть его ласки, даже просто прикосновения уже невозможно.

– И сейчас… тоже? – спросил Виктор, осторожно проводя пальцем по ее щеке.

– С тобой не так. С тобой… все как будто в самый первый раз.

В вытянувшейся от окна полоске бледного света Кэти увидела, как он улыбнулся.

– Надеюсь, в твой самый первый раз все было не слишком жутко.

Теперь улыбнулась Кэти.

– Честно говоря, я уже и не помню толком. Все было так суматошно… на полу в общежитии колледжа.

Он похлопал по ковру.

– Вижу, с тех пор у тебя многое изменилось.

– Да уж, – рассмеялась Кэти. – Но знаешь, пол – очень даже романтическое место.

– Тебе виднее. Хотя пол в общежитии и пол в гостиной не стоит даже сравнивать.

– Не знаю. Столько времени прошло. Мне было тогда всего восемнадцать. – Она помолчала. – Вообще-то у меня уже давно этого не было.

– Как и у меня, – негромко признался он. – У меня тоже никого не было.

– Никого… после Лили? – осторожно спросила Кэти после паузы.

– Да. – Одно-единственное слово, но сколь многое стояло за ним. Три года верности умершей жене. Печаль, одиночество. Как бы хотелось заполнить эту пустоту в его жизни. Спасти Виктора от тоски и безысходности. И самой спастись вместе с ним. Но по силам ли ей заменить Лили? Сумеет ли она сделать так, чтобы он забыл? Нет, не забыл; она и не ждала, что Виктор забудет супругу. Но она хотела, чтобы в его сердце нашлось место и для нее. Место, которого хватило бы на всю жизнь. Место, на которое никогда бы не стала претендовать другая женщина, живая или мертвая.

– Должно быть, она была особенная…

Виктор убрал с ее лица прядку волос.

– Она была очень мудрой женщиной. Чуткой. Доброй. Такие качества найдешь не в каждой женщине.

«Она ведь до сих пор остается частью тебя, да? Ты по-прежнему любишь ее».

– Такую же доброту я нашел в тебе.

Его ладонь скользнула ниже, к щеке… потом еще ниже… Кэти закрыла глаза, наслаждаясь его прикосновением, его теплом.

– Ты совсем меня не знаешь, – прошептала она.

– Знаю. В ту ночь – помнишь? – я выжил только потому, что слышал твой голос, чувствовал твою руку. Я мог бы узнать их где угодно.

Кэти открыла глаза:

– Правда?

Он наклонился и поцеловал ее в лоб.

– Даже во сне.

– Но я не Лили и никогда ею не стану.

– Верно, не станешь. Не сможешь. Ею никто не может стать.

– Я не смогу заменить то, что ты потерял.

– А почему ты думаешь, что я хочу именно этого? Мне не нужна замена. Лили была моей женой. И я любил ее. – Он произнес это таким тоном, после которого углублять тему уже не хотелось.

Кэти не стала и пытаться.

Где-то в доме затрезвонил телефон. Звякнул два раза и умолк. Трубку снял Мило – они услышали его приглушенный голос.

Кэти села и сразу потянулась за одеждой. Одевалась она молча, застенчиво повернувшись к нему спиной. Оба снова чувствовали себя чужими.

– Кэти, – негромко позвал Виктор.

-Да?

– Жизнь ведь не кончилась.

– Знаю.

– Ты переболела Джеком и...

Она рассмеялась – коротко, невесело.

– Переболеть Джеком Цуккерманом не по силам ни одной женщине. Да, худшее позади. Но каждый раз, когда женщина влюбляется по-настоящему, любовь забирает у нее что-то. Что-то, что уже нельзя вернуть.

– Но любовь и дает что-то.

– А вот это уже зависит от того, в кого влюбляешься.

По лестнице кто-то сбежал, скрипнули половицы в столовой. Они повернулись – в дверях стоял Мило, растрепанный и явно чем-то встревоженный.

– Эй вы! – прошипел он. – Собирайтесь! Быстро!

Кэти тут же вскочила:

– Что случилось?

– Только что звонил Олли. Сказал, что в их квартале появился незнакомец. Ходит по домам, расспрашивает о вас. Сейчас он, наверное, где-то неподалеку от Баха.

– Что? – Торопливо поднявшись, Виктор принялся натягивать брюки.

– Олли думает, что следующий квартал наш. Похоже, им известны имена всех твоих друзей.

– И кто он такой, этот незнакомец?

– Представляется агентом ФБР.

– Половски, – пробормотал Виктор, натягивая рубашку. – Должно быть, Половски.

– Ты его знаешь?

– Это тот, кто меня подставил.

– Но как он узнал, что мы здесь? – спросила Кэти. – За нами ведь никто не следил.

– В этом не было необходимости. У них есть мое досье. Им известно, что у меня здесь друзья. – Виктор посмотрел на Мило и пожал плечами. – Извини, старик. Надеюсь, я не впутал тебя в серьезные неприятности.

Мило рассмеялся, но как-то напряженно.

– Мне беспокоиться не о чем, я ничего плохого не сделал. Всего лишь приютил преступника. – Он вздохнул и, отбросив браваду, негромко спросил: – А о каких неприятностях может идти речь?

– Тебя могут допросить. – Виктор быстро застегивал пуговицы. – Тебе будут задавать много вопросов. Может быть, даже сюда заглянут. Держись спокойно. Скажи, что ничего не знаешь, что я с тобой не связывался. Сможешь?

– Конечно. Но вот мама…

– Насчет нее не тревожься. Скажи только, чтобы она говорила на китайском. – Виктор опустил в карман конверт с фотографиями и взглянул на Кэти: – Ты готова?

– Да, давай уходить. Пожалуйста.

– Через заднюю дверь, – подсказал Мило.

Они прошли за ним через кухню. Возле дома

никого не было. Убедившись в этом, Мило открыл дверь.

– Чуть не забыл, – добавил он. – Олли хочет поговорить с тобой. Что-то насчет фотографий. Не сейчас, позже.

– Где?

– У озера. За лодочным сараем. Место знакомое, не забыл?

За дверью их встретил сырой утренний туман с повисшей в нем тишиной. Кэти оглянулась. «Когда же это кончится? Наступит ли день, когда нам не нужно будет бежать? Когда не нужно будет прислушиваться к шагам за спиной?»

Виктор похлопал друга по плечу:

– Спасибо, Мило. За мной должок.

– Не беспокойся, я не забуду, – прошипел Мило, закрывая дверь.

Виктор помахал ему рукой:

– Пока. Еще увидимся.

– Ага, – пробормотал Мило. – Надеюсь, не в тюрьме.

Китаец врал. Держался он уверенно, говорил спокойно, на вопросы отвечал без пауз, и тем не менее Сэвич знал – мистер Мило Лум что-то скрывает. Его выдавали глаза.

Он сидел на диване в гостиной, напротив Сэвича. Сбоку, в кресле, сидела миссис Лум, которая ничего не понимала и постоянно улыбалась. Сэвич мог бы попытаться расколоть старушку, но сейчас его больше занимал сын.

– Не понимаю, почему вы его разыскиваете, – говорил Мило. – Виктор абсолютно чист и на преступление просто не способен. По крайней мере, был таким, когда я его знал. Хотя, конечно, воды с тех пор утекло немало.

– Вы давно его не видели? – вежливо осведомился Сэвич.

– Да, несколько лет. Очень давно, сэр.

Сэвич шевельнул бровью. Мило на мгновение отвел глаза и чуть-чуть сдвинулся назад.

– Вы с матерью живете здесь одни?

– Да, с тех пор, как умер отец.

– Жильцов не пускаете? Кроме вас, в доме никого нет?

– Нет. А что?

– Есть сигналы, что человека, подходящего под описание Виктора Холланда, видели в вашем квартале.

– Поверьте, если Виктора разыскивает полиция, он здесь не появится. Думаете, я пустил бы в дом подозреваемого в убийстве? Учитывая, что нас здесь всего двое?

Сэвич взглянул на миссис Лум, которая только улыбнулась в ответ. Глаза у нее были умные, проницательные. Глаза женщины, научившейся выживать.

Самое время проверить подозрение, решил Сэвич и поднялся.

– Прошу извинить, я долго добирался до вашего города. Можно воспользоваться вашей ванной?

– Конечно. Пройдите по коридору.

Войдя в ванную, Сэвич закрыл за собой дверь.

Ему понадобилось не больше десяти секунд, чтобы найти улику. Она лежала на кафельном полу: длинная прядь каштановых волос. Легких, шелковистых.

Кэтрин Уивер была здесь.

Другого подтверждения ему и не требовалось. Сэвич сунул руку под пиджак, где висела плечевая кобура, вытащил полуавтоматический пистолет и с сожалением посмотрел на свою ослепительно белую рубашку. Допрос – дело грязное. Надо быть осторожнее, не запачкаться кровью.

В коридор он вышел, держа пистолет в опущенной правой руке. Сначала лучше надавить на старушку. Приставить дуло к виску, пригрозить. Между этими двумя, матерью и сыном, сильная связь. Они будут защищать друг друга любой ценой.

Он прошел половину коридора, когда в дверь позвонили. Это еще кто?

Сэвич остановился. Дверь открылась.

– Мистер Мило Лум? – спросил незнакомый голос.

– А вы, черт возьми, кто такой? – устало проворчал Мило.

– Сэм Половски. Федеральное бюро расследований.

Сэвич напрягся. Ситуация оборачивалась так, что выбора уже не оставалось: Половски придется убрать.

Он поднял пистолет и бесшумно, на цыпочках, пробежал по коридору к гостиной.

– Как, еще один? – послышался жалобный голос Мило. – Послушайте, один из ваших уже здесь…

– Что?

– Ну да, он только что…

Сэвич сделал еще шаг и уже повернулся к двери, когда миссис Лум пронзительно вскрикнула.

Мило застыл на месте, а вот Половски среагировал быстрее и, отпрыгнув в сторону, покатился по полу. Мгновением позже пуля расщепила дверную раму.

Второй выстрел тоже не достиг цели – фэбээровец уже укрылся за диваном, и пуля застряла где-то в пухлой спинке. Рисковать дальше не имело смысла – Половски был вооружен.

Сэвич решил, что пора уходить.

Повернувшись, он промчался по коридору и влетел в дальнюю комнату. Судя по приторному запаху каких-то духов, это была спальня старушки. Окно открылось легко. Сэвич выбил ногой сетку, перебрался через подоконник и прыгнул на раскисшую после дождя клумбу. Выругавшись, он выбрался из клумбы и, оставляя после себя грязные следы, побежал через лужайку.

– Стой! ФБР! – крикнули сзади.

Сэвич даже не оглянулся. Еще через несколько секунд он ввалился в машину и повернул ключ.

– Что за чертовщина? – Мило в изумлении остановился перед погубленной клумбой с вмятыми в грязь анютиными глазками. – Это у вас в ФБР шутки такие или как?

Половски не ответил. Быстро пройдя по тянувшимся через лужайку следам, он вышел к закатанной асфальтом дороге. Дальше следов не было.

– Так вы мне ответите? – крикнул Мило. – Что, черт возьми, происходит?

Половски обернулся:

– Я не успел его разглядеть. Как он выглядел? Можете описать?

Мило растерянно пожал плечами:

– Не знаю. Что-то вроде Ефрема Цимбалиста.

– То есть?

– Высокий, чисто выбритый, крупный. Типичный фэбээровец… – Он остановился, с сомнением посмотрев на проступающий под курткой животик Половски. – Ну, может, не совсем типичный…

– Лицо?

– Секунду, дайте подумать. Волосы вроде бы русые. Глаза… по-моему, карие.

– Но вы не вполне уверены?

– Поймите, мне было не до того. К тому же для нас белые все на одно лицо.

Словно выпущенная из пулемета возмущенная трель заставила мужчин обернуться. Миссис Лум вышла из дома и, остановившись перед поруганной клумбой, отчаянно жестикулировала, тыча пальцем в растоптанные цветы.

– Что она говорит? – спросил Половски.

– Говорит, что рост у него шесть футов и один дюйм, волосы темно-русые с пробором слева, глаза карие, почти черные, лоб высокий, нос и губы узкие, а на левом запястье маленькая татуировка.

– Хм… это все?

– Татуировка из трех букв – PJX.

Половски покачал головой:

– Ну и ну. Она всегда такая наблюдательная?

– Моя мать плохо говорит по-английски и поэтому больше смотрит и многое замечает.

– Похоже, что так. – Половски достал из кармана ручку и блокнот и принялся записывать полученную информацию.

– Так все-таки кто этот парень? – снова спросил Мило.

– Он не из ФБР.

– А откуда мне знать, что вы из ФБР?

– А разве по мне не видно?

– Нет.

– Вот вам и доказательство.

– Что?

– Если бы я хотел притвориться агентом, разве не попытался бы по крайней мере выглядеть как агент? Поскольку я настоящий агент, то мне и притворяться не надо.

– А…

– А теперь перейдем к делу. – Половски сунул блокнот в карман. – Вы по-прежнему настаиваете на том, что не видели Виктора Холланда и ничего о нем не знаете?

Мило выпрямился:

– Так и есть. Я его не видел и ничего о нем не знаю.

– И вы не знаете, как с ним связаться?

– Понятия не имею.

– Очень плохо. Потому что спасти его могу только я. Вас ведь уже спас.

Мило промолчал.

– Подумайте сами. По-вашему, зачем этот тип сюда приходил? Хотел засвидетельствовать вам свое почтение? Нет, ему нужна информация. – Половски помолчал и, не дождавшись ответа, мрачно добавил: – Можете не сомневаться, он найдет то, что ищет.

Мило покачал головой:

– Я не знаю, что и думать. Все так запутано.

– Я в таком же положении. Поэтому мне и нужен Холланд. Все ответы у него. Но он нужен мне живым. Я должен отыскать его раньше, чем этот парень с пистолетом. Скажите, где он, и тогда я, может быть, еще успею.

Несколько секунд мужчины молча смотрели друг другу в глаза.

– Я не знаю, – сказал наконец Мило. – Не знаю, что делать.

Миссис Лум снова прощебетала по-китайски и, указав на Половски, энергично закивала.

– Что она говорит?

– Говорит, что у вас большие уши.

– Это я и без нее знаю – достаточно в зеркало посмотреть.

– Большие уши означают, что вы человек благоразумный и проницательный.

– Что? Что вы сказали?

– Она говорит, что большой умник.

Половски повернулся к миссис Лум и усмехнулся:

– А ваша мать, как я вижу, в людях неплохо разбирается. – Он снова посмотрел на Мило. – Не хотелось бы, чтобы с ней что-то случилось. Ни с ней, ни с вами. Вам обоим лучше уехать на время из города.

Мило кивнул:

– По этому пункту я полностью с вами согласен. – Он повернулся к дому.

– Так как же Холланд? – окликнул его фэбээровец. – Вы мне поможете?

Мило взял мать за руку и повел ее к дому через вытоптанную лужайку.

– Я подумаю, – бросил он, не оборачиваясь.

– Те две фотографии… я просто не сразу в них разобрался, – сказал Олли.

Они стояли у лодочного причала, на берегу озера Лагунита. Каждую зиму озеро высыхало, и от него оставалось только заросшее камышом болото. Жизнь возвращалась сюда с весной. Кроме них троих, на берегу никого больше не было, если не считать одинокой утки. Весной здесь все менялось: тихие волны накатывали неспешно на песок, влюбленные выезжали на лодках на середину озера, подальше от любопытных глаз, а под кронами деревьев бродили мечтательные поэты. Сейчас же, под темным небом с угрюмо ползущими тучами, в поднимающемся от застывшей топи промозглом тумане, это место выглядело унылым и пустынным.

– Я сразу понял, что информация там не биологического характера, – продолжал Олли, – и напоминает чем-то электрическую решетку. Утром я первым делом отправился к Баху в Сан-Хосе. Застал его за завтраком.

– Бах? Откуда такое имя? – поинтересовалась Кэти.

– Еще один из нашей группы. Играл на фаготе, и, надо признать, получалось у него здорово. Несколько лет назад основал фирму и теперь работает с большими мальчиками. А знаете, что он сказал, как только меня увидел? Нет? «Эй, старина, у тебя ФБР уже побывало?» Я спрашиваю: «Что?» – и тут он говорит: «У меня только что были. Не знаю, что случилось, но они ищут Гершвина. Скорее всего, следующий на очереди ты». Вот тогда я и понял, что вас нужно срочно вытаскивать из дома Мило.

– Он посмотрел фотографии? Что сказал?

– Сейчас. – Олли открыл кейс и достал снимки. – Итак, вот здесь, на первом, коммутационная схема. Электронная система сигнализации. Очень сложная, очень надежная. Чтобы ее вскрыть, нужно ввести код. Ввести его вот здесь. Вероятно, у входа. Ты в «Виратеке» что-нибудь подобное видел?

Виктор кивнул:

– Да. Корпус С-2. Там работал Джерри. Клавиатура установлена в холле, возле двери в лаборатории спецпроектов.

– Ты сам за этой дверью бывал?

– Нет. Чтобы туда пройти, нужно иметь допуск высшей категории. У Джерри такой был.

– Тогда мы можем только представлять, что там дальше. Судя по диаграмме, следующий контрольный пункт здесь. Не исключено, что тут стоит еще одна клавиатура. Прямо за первой дверью установлена система видеонаблюдения.

– То есть камеры? Как в банке? – уточнила Кэти.

– Вроде того. Только эта, как я предполагаю, работает круглосуточно.

– Да, система первоклассная, – кивнул Виктор. – Две кодовые двери да еще охранник. Я уж не говорю об охраннике снаружи.

– Не забудь еще и лазерную решетку.

– Что?

– Видишь вот это внутреннее помещение? – Олли указал на центр диаграммы. – Лазерные лучи, направленные под различными углами. Засекают движение любого объекта размером чуть больше крысы.

– Их можно как-то выключить?

– Можно. Этим, должно быть, занимается один из охранников. Контрольный пульт находится на его панели.

– И вы разобрались в этом по одной только диаграмме? – спросила Кэти. – Здорово.

– Все не так уж трудно, – усмехнулся Олли. – Как я уже сказал, фирма Баха занимается в том числе и разработкой электронных систем безопасности.

Виктор покачал головой:

– Нет, здесь не пройти. Я просто не вижу слабых мест.

Кэти нахмурилась:

– Минутку. Ты о чем говоришь? Собираешься проникнуть в этот корпус?

– Мы обсуждали такую возможность прошлой ночью. Похоже, другого варианта нет и…

– Ты рехнулся? «Виратек» ищет тебя, чтобы убить, а ты хочешь проникнуть к ним?

– Нам нужны доказательства, – сказал Олли. – Ни в газеты, ни в министерство юстиции без серьезных доказательств не пойдешь. А «Виратек», разумеется, будет все отрицать. Если же кто-то и рискнет провести расследование, «Виратек» просто-напросто избавится от вируса. И тогда уже никто ничего не сможет доказать.

– Но у вас же есть фотографии…

– Конечно. Несколько страниц с результатами наблюдений за состоянием животных. Вирус нигде не называется. Все эти доказательства, как нам скажут, могли быть сфабрикованы, например, уволенным и жаждущим мести сотрудником.

– В таком случае что может быть принято как настоящее, убедительное доказательство? Что еще вам нужно? Очередной труп? Может быть, Виктора?

– Нам нужен вирус. Вирус, считающийся вымершим. Достаточно всего лишь одной пробирки. Раздобудем ее – и им уже не отвертеться.

– Всего одной пробирки, – повторила Кэти и покачала головой. – Действительно, из-за чего тут беспокоиться. Только вот через эти двери без кода никому не пройти.

– В том-то и дело, что код у нас есть! – воскликнул Олли, хлопнув по второй фотографии. – Вот они, эти загадочные цифры. Посмотрите. Теперь понятно, что они означают. Два семизначных числа. Это не телефонные номера, как мы вначале думали. Джерри указал нам, как пройти систему безопасности «Виратека».

– А как же лазеры? – напомнила, горячась, Кэти. Неужели они всерьез рассчитывают на успех? Неужели не понимают, что у них нет ни малейшего шанса? Пусть считают, что она струсила, но кто-то же должен вернуть этих двоих с небес на землю. – А как же два охранника? Как вы минуете их? Или Джерри снабдил вас формулой невидимости?

Олли бросил беспокойный взгляд на Виктора:

– Э, я, пожалуй, оставлю вас на время, а? Обсудите все, а потом уже будем строить планы.

– Мне казалось, я тоже в этом участвую, – сказала Кэти. – Мне казалось, я тоже имею право голоса. Наверное, ошибалась.

Никто не ответил, и их молчание только раздуло ее разгорающуюся злость. *Вот оно что, вы решили, что обойдетесь без меня. Вам наплевать на мое мнение. Вам неинтересно знать, что я думаю и чего хочу*.

Не говоря ни слова, она повернулась и зашагала прочь, но не успела сделать и трех шагов, как Виктор догнал ее и схватил за руку. Сжавшись от холодного ветра, Кэти стояла на тропинке. Она слышала его шаги, чувствовала его неуверенность. Не находя нужных слов, он молчал.

– Я думаю, нам нужно бежать, – сказала она и, скользнув взглядом по высохшему озеру, поежилась. Проносясь над болотом, ветер нагибал камыши и набрасывался на нее, кусал озябшие пальцы и щеки, прорывался через свитер. – Я хочу уехать отсюда. Куда-нибудь, где тепло. Куда-нибудь, где светит солнце, где можно лежать на песочке и не бояться, что кто-то наблюдает за тобой из кустов. – Она бросила испуганный взгляд в сторону подступающих к берегу дубов, но увидела только трепещущие на ветках сухие листья.

– Я с тобой согласен, – тихо сказал Виктор.

– Согласен? – Кэти с надеждой повернулась к нему. – Так давай уедем, Виктор! Уедем прямо сейчас. Забудь обо всем. Выкинь из головы эту безумную идею. Сядем на следующий автобус…

– Сегодня же. После полудня. Ты уедешь.

– Я? – Она уставилась на него, поначалу не желая верить тому, что услышала. Потом, поняв, что он имеет в виду, едва слышно прошептала: – Ты не поедешь…

Он покачал головой:

– Не могу.

– То есть не хочешь.

– Разве ты не понимаешь? – Он схватил ее за плечи и даже встряхнул слегка. – Нас загнали в угол. Пока мы не сделаем что-нибудь… пока я не сделаю что-нибудь… мы так и будем постоянно убегать.

– Ну так побежим! – Кэти вцепилась в его ветровку. Ей хотелось закричать, сорвать с него бесстрастную маску рассудочности, добраться до живых человеческих чувств. Они должны быть где-то там, в дальних уголках мозга, понимающего только язык логики. – Мы можем уехать в Мексику. Я знаю одно место на побережье – в Байе. Неприметный отель.

Там можно прожить несколько месяцев, переждать, а потом, когда здесь все утихнет, когда опасность уйдет…

– Мы никогда уже не будем в безопасности. И здесь никогда не утихнет.

– Но это ведь не может продолжаться вечно! Рано или поздно о нас забудут…

– Ты не понимаешь…

– Я все понимаю. И я в первую очередь думаю о том, как остаться в живых.

– Именно поэтому я и должен добыть доказательства. – Виктор сжал ее лицо обеими ладонями, так что она не могла отвернуться и была вынуждена смотреть только на него. Он не был уже ни любовником, ни другом – в его голосе отчетливо звучала суровая, властная нотка. Он требовал от нее беспрекословного подчинения, и она ненавидела его за это. – Я пытаюсь сохранить тебе жизнь. Жизнь, в которой будет будущее. Единственный способ сделать это – рассказать правду. Чтобы о них узнал весь мир. Я обязан это сделать. Это мой долг. Перед тобой. Перед Джерри.

Кэти и хотела бы спорить, возражать, умолять, но в глубине души знала – это бессмысленно. Он говорил правду. Бегство было лишь временным решением проблемы, обещающим несколько месяцев безопасности, но ничего не гарантирующим.

– Мне очень жаль, что так получилось, – негромко добавил Виктор, – но я не могу придумать ничего другого…

– Кроме как избавиться от меня, – закончила она за него.

Он опустил руки. Кэти отступила, и между ними снова пролегла пропасть. Она не могла смотреть на него, зная, что ее боль не отразится в его глазах.

– И как все будет? – безжизненным голосом спросила она. – Мне нужно уехать вечером? Поездом? На автомобиле? Или ты отправишь меня самолетом?

– Олли отвезет тебя в аэропорт. Я попросил купить билеты на его имя. Ты полетишь как миссис Возняк. Он же тебя и проводит. Мы подумали, что мне показываться в аэропорту небезопасно.

– Конечно.

– Ты прилетишь в Мехико. Олли даст тебе денег, которых хватит на какое-то время. Из Мехико сможешь перебраться в любое другое место. В Байю или Акапулько. Или, если захочешь, побудешь с Джеком.

– С Джеком. – Кэти отвернулась, едва сдерживая слезы. – Вот как.

– Послушай… – Она почувствовала его руку на своем плече, как будто он хотел повернуть ее к себе и, может быть, обнять на прощание. Она не шевельнулась.

Шаги… Оба обернулись – в нескольких футах от них стоял Олли.

– Вы готовы?

Оба молчали.

Потом Виктор кивнул:

– Да. Кэти готова.

– Э… ладно, – пробормотал смущенно Олли, вероятно сообразив, что вмешался не в самое подходящее время. – Машина стоит там, за лодочным сараем. Если хотите, я могу… э… подождать там…

Кэти смахнула слезы.

– Нет, – сказала она с внезапной решимостью. – Я уже иду.

Виктор не сказал ничего и только смотрел на нее, чуть щурясь, словно сквозь холодный, плотный туман.

– Если… если мы больше не увидимся… – Кэти перевела дух, стараясь говорить и казаться такой же твердой и неуязвимой. – Береги себя, – закончила она и, повернувшись, последовала за Олли вниз по тропинке.

Уже сев в машину, Кэти посмотрела в окно. Виктор все еще стоял на тропинке – сунув руки в карманы, подставив ветру спину. Он не помахал на прощание – только проводил взглядом.

Она знала, что запомнит его таким и сохранит этот образ навсегда. Образ человека, которого полюбила и который отослал ее прочь.

Олли свернул на дорогу. Кэти сидела рядом с ним, молчаливая, напряженная, сжав кулачки и из всех сил сдерживая уже подступившую к горлу боль. Виктор остался далеко позади. Она не видела его, но знала, что он так и стоит там, неподвижный, как окружавшие его дубы. «Я люблю тебя, – подумала она. – И я никогда тебя не увижу».

Она обернулась еще раз. Он уже превратился в крохотную фигурку, почти неразличимую на фоне деревьев. Она подняла руку и коснулась пальцами стекла.

Стекло было холодное.

* * *

– Остановимся на минутку, мне надо заскочить в лабораторию, – сказал Олли, сворачивая к больничной парковке. – Только сейчас вспомнил, что забыл на столе чековую книжку, а без нее билет не купишь.

Кэти вяло кивнула. Она никак не могла выйти из состояния шока, примириться с мыслью, что осталась одна, что Виктор избавился от нее.

– Это ненадолго, пару минут. – Олли поставил машину на обозначенное табличкой место.

– Мне выйти с тобой?

– Нет, лучше оставайся здесь. Народ у нас любопытный. Увидят женщину – мне потом от расспросов не отбиться. – Он открыл дверцу и вышел из машины. – Я сейчас.

Кэти проводила его взглядом до входа и невольно улыбнулась, попытавшись представить Олли Возняка с женщиной. Не получилось. Выдержать научные монологи Олли могла разве что какая-нибудь солидная дама со степенью доктора.

Прошла минута.

Где-то рядом прощебетала птичка. Выглянув в окно, Кэти пробежала взглядом по деревьям, вытянувшимся аккуратным строем вдоль ведущей к больничным корпусам подъездной дорожки, и обнаружила порхающую между нижних веток болтливую сойку. Ветер стих, и все вокруг, даже листья, замерло.

Кэти откинулась на спинку кресла и закрыла глаза.

Усталость давала о себе знать. Руки, ноги, все тело налились такой тяжестью, что она не могла шевельнуть даже пальцем. *Пляж… теплый песок… накатывающие под ноги волны…*

Неугомонная сойка внезапно умолкла. Краем сознания, да и то с опозданием, Кэти отметила наступившую вдруг тишину, а потом не столько увидела, сколько ощутила, как окно закрыла тень, словно на солнце набежало облачко.

Она открыла глаза и увидела прижавшееся к стеклу лицо.

Первая мысль – запереть дверцу! Кэти потянулась к кнопке, но незнакомец уже рванул дверцу и тут же сунул ей под нос жетон.

– ФБР! – рявкнул он. – Пожалуйста, выйдите, мэм.

Кэти неуклюже выбралась из машины и прислонилась к дверце. «Олли, где же ты?» Она украдкой посмотрела в сторону больницы, решив, как только появится Олли, броситься со стоянки прямиком в лес. В том, что человек с жетоном сможет ее догнать, у Кэти были сильные сомнения – короткие ноги и животик свидетельствовали не в его пользу.

«Но у него наверняка есть пистолет. Если я побегу, станет ли он стрелять в спину?»

– Даже не думайте, мисс Уивер, – предупредил незнакомец и, взяв ее за руку, слегка подтолкнул в направлении больничного корпуса. – Идите. Внутрь.

– Но...

– Доктор Возняк ждет нас в лаборатории.

Слово «ждет» подходило к описанию того

состояния, в котором пребывал Олли, с очень большой натяжкой. Кэти даже остановилась у порога, увидев беднягу в полусогнутом положении, прикованным наручниками к ножке стола. Трое стоявших у стены молодых людей – вероятно, коллег Олли – взирали на все происходящее в немом изумлении.

– Расходитесь-ка, парни, – сказал фэбээровец, выпроваживая зрителей из лаборатории. – Займитесь какой-нибудь работой. У нас тут ничего интересного не будет. Рутинное дело. – Когда все вышли, он закрыл и запер дверь, после чего повернулся к Олли и Кэти. – Мне необходимо найти Виктора Холланда. Причем найти как можно быстрее.

– Господи, – пробормотал Олли, – твердит одно и то же, как заигранная пластинка.

– А вы кто такой? – спросила Кэти.

– Сэм Половски. Федеральное бюро расследований. Работаю в сан-францисском отделении. – Он достал и бросил на стол жетон. – Посмотрите сами, если хотите. Он настоящий.

– Э, прошу извинить, – подал голос Олли. Вы. может, позволите мне занять более удобное положение?

Половски пропустил просьбу мимо ушей. Теперь он смотрел исключительно на Кэти.

– Не думаю, мисс Уивер, что мне нужно детально все вам объяснять. Виктору Холланду угрожает серьезная опасность.

– Самая большая опасность для него – это вы! – выпалила Кэти.

– Вот тут вы ошибаетесь. – Брошенное обвинение ничуть его не смутило – взгляд не ушел в сторону, голос не дрогнул. Половски шагнул к ней. – Я – его надежда. Не исключено, единственная.

– Вы пытаетесь убить его.

– Не я. Кто-то другой. И этот кто-то достигнет цели, если я ему не помешаю.

Кэти покачала головой:

– Не принимайте меня за дурочку! Я все о вас знаю. Вы уже пытались…

– Повторяю, не я. Кто-то другой. – Половски подтянул стоявший на столе телефон, снял трубку и протянул ей. – Вот. Позвоните Мило Луму. Спросите, что случилось в его доме сегодня утром. Может быть, он сможет убедить вас, что я на вашей стороне.

Кэти молчала. «Что за игру он ведет? И почему ему хочется верить?»

– Виктор Холланд совершенно один. Перехитрить правительство ему не удастся. Рано или поздно он допустит ошибку, сделает какую-нибудь глупость, и тогда его уже ничто не спасет. – Половски набрал номер и подал трубку Кэти. – Ну же. Поговорите с Лумом.

Мило ответил после третьего гудка.

– Алло? Алло?

Она поднесла трубку к уху:

– Мило?

– Кэти? Это вы? Господи, я так надеялся, что вы позвоните…

– Послушайте, Мило, мне нужно спросить вас кое о чем. Это касается человека по фамилии Половски…

– Да, я с ним уже встречался.

– Уже встречались? Вы? – Она посмотрела на фэбээровца – тот молча кивнул.

– К счастью для себя, – продолжал Мило. – Приятного в нем мало, но жизнь мне он спас. Не знаю, что скажет Герш… Кстати, Герш там? Мне нужно…

– Спасибо, Мило. Спасибо большое, – чуть слышно сказала она и положила трубку.

Половски не сводил с нее глаз.

– Ладно, – кивнула Кэти. – А теперь я хочу услышать вашу версию. С самого начала.

– Так вы мне поможете?

– Я еще не решила. – Она скрестила руки на груди. – Постарайтесь меня убедить.

Фэбээровец кивнул:

– Именно это я и намерен сделать.

Глава 10

День получился долгий и безрадостный. Проводив Олли и Кэти, Виктор побродил немного по кампусу и в конце концов оказался на университетском дворе. Здесь, между строениями из песчаника и красного кафеля, он снова попытался сосредоточиться на главном: как разоблачить «Виратек». Но мысли постоянно возвращались к Кэти, к ее последнему, полному боли и обиды взгляду.

«Как будто я ее предал».

Если бы она смогла понять, что его действия продиктованы здравым смыслом. Он был ученым, человеком, чья жизнь и работа всегда подчинялись логике. Отослать ее в Мексику – разве это не логично? Власть сжимала кольцо, петля затягивалась все туже. Виктор мог примириться с тем, что опасность угрожает ему самому. В конце концов, он сам сделал выбор, решив продолжать сражение, начатое Джерри. А раз решил, то должен довести дело до конца.

Но подвергать опасности Кэти – нет, с этим он согласиться не мог. «Что ж, теперь она выпуталась из этой заварушки и скоро будет в безопасности. Одной заботой меньше. Пора выбросить ее из головы».

Если бы это было так легко.

Разглядывая выполненные в романском стиле арки, Виктор снова и снова убеждал себя в правильности предпринятых шагов. И все же ощущение беспокойства не оставляло. Где она? В безопасности ли? С момента расставания прошло чуть больше часа, а он уже скучал по ней.

Виктор пожал плечами, как будто этим жестом можно было стряхнуть все страхи. Но нет, они никуда не подевались и продолжали грызть изнутри. Найдя укромное местечко под карнизом, он сел на ступеньки, приготовившись ждать Олли.

Близились сумерки. Ожидание затягивалось. В меркнущем свете дня Виктор мерил шагами вымощенный каменными плитами двор. Сколько же времени нужно Олли, чтобы доехать до аэропорта Сан-Хосе и вернуться? Часа два, два с половиной. Добавим сюда всевозможные задержки, очередь к кассе. В любом случае трех часов должно хватить. Кэти наверняка уже сидит в самолете и держит путь в теплые края.

Где же Олли?

Он резко обернулся, заслышав звуков шагов. И не поверил своим глазам – под сводчатой аркой темнел знакомый силуэт. Откуда она взялась здесь? Как такое могло случиться?

– Кэти? – растерянно пробормотал Виктор.

Она вышла из-под арки во двор и пошла к

нему. Сначала нерешительно, медленно, потом быстрее, а потом уже бегом, в радостном порыве, влекущем ее в его объятия. Он подхватил ее, закружил, целуя куда попало. Он ничего не понимал, но радовался ее возвращению.

– Не знаю, правильно ли я поступила, – прошептала Кэти, прижимаясь к нему. – Надеюсь, что правильно.

– Почему ты вернулась?

– Сама не знаю… не знаю…

– Кэти, что ты здесь делаешь?

– Ты не справишься один. В одиночку не воюют. А он может помочь...

– Кто? Кто может помочь?

И тут из сумрака послышался другой голос, грубоватый и смутно знакомый:

– Я. Я вам помогу.

На мгновение Виктор замер. Взгляд его метнулся под арку, откуда выступил и медленно направился к нему какой-то человек. Это был мужчина – невысокого роста, с фигурой, которая на рекламе «Избавьтесь от лишнего веса» подошла бы под образец «До». Подойдя к Виктору, он остановился.

– Привет, Холланд. Рад, что мы наконец встретились. Меня зовут Сэм Половски.

Виктор повернулся к Кэти.

– Зачем ты это сделала? – негромко, с едва сдерживаемой яростью спросил он. – Ответь мне на один только вопрос. Зачем?

Кэти вздрогнула, словно от удара в лицо, потом несмело протянула к нему руку. Он отвернулся.

– Этот человек хочет помочь, – попыталась объяснить она. Голос ее дрогнул. Лицо исказилось от боли. – Выслушай его!

– Какой смысл? Что толку теперь слушать? – Виктор опустил голову. Силы уходили, словно вода сквозь пальцы. Все кончено. Бежать больше некуда. Цепляться больше не за что. Страх и надежда, то единственное, что придавало сил, испарились. Он проиграл. Проиграл, потому что Кэти предала его.

– Я так понимаю, что вы меня арестуете, – сухо сказал он, поворачиваясь к Половски.

– Вряд ли, учитывая, что у него мой пистолет. – Фэбээровец кивнул в сторону арки.

– Что?

– Эй, Герш! Давай сюда! – крикнул из полутьмы Олли. – Я держу его на мушке!

Половски недовольно поморщился:

– Черт возьми, вы можете не размахивать так пистолетом?

– Извините, – отозвался Олли.

– Ну, Холланд, теперь убедились? – спросил агент. – Думаете, я передал бы оружие такому идиоту, если бы не хотел потолковать с вами?

– Он говорит правду, – вставила Кэти. – Он отдал свой пистолет Олли. Согласился рискнуть только ради того, чтобы встретиться с тобой.

– Неудачный ход, Половски. – Виктор покачал головой. – Меня ведь разыскивают за убийство, не забыли? А еще за промышленный шпионаж. Вы уверены, что я не застрелю вас прямо сейчас? Место подходящее…

– Уверен. Я знаю, что вы ни в чем не виноваты.

– А разве это так важно?

– Для меня – да.

– Почему?

– Вы впутались во что-то, Холланд. Во что-то большое и гадкое. Во что-то, что не дает вам покоя. Во что-то, из-за чего мой шеф готов исполнить заднее сальто, чтобы только отстранить меня от этого дела. А мне не нравится, когда меня отстраняют от дела. Это бьет по моему самолюбию, а оно у меня очень чувствительное.

Какое-то время мужчины стояли молча, приглядываясь друг к другу, и каждый оценивал другого.

Наконец Виктор кивнул и тут же виновато, прося прощение за недоверие, посмотрел на Кэти. А когда она, выдержав паузу, шагнула в его объятия, мир снова ожил и повернулся в сторону надежды.

– Ох и пришлось мне за вами погоняться, Холланд! – проворчал Половски. – Думаю, самое время поработать вместе.

– Короче, – подвел итог Олли, – миссия невыполнима. По-другому и не скажешь.

Они все собрались в номере Половски. Пять членов команды, которую Мило тут же окрестил «Крейзи олд тьюнере».

На столе в центре комнаты стояли бутылки с пивом, валялись пакетики с чипсами и фотографии с описанием системы безопасности «Виратека».

Была здесь и карта принадлежащего фирме земельного участка – сорок акров строений, площадок и лесопосадок, – окруженного электрическим забором. Они изучали снимки целый час, но так и не нашли решения проблемы.

– Войти практически невозможно, – покачал головой Олли. – Даже если коды не сменили и они до сих пор действуют, вас не пропустят туда охранники. Два поста по два человека – мимо них не проскользнешь.

– И все же какой-то способ должен быть, – сказал Половски. – Ну же, Холланд. Вы же башковитый парень. Употребите свои мозги по назначению.

Кэти взглянула на Виктора. Другие то и дело подбрасывали какие-то идеи, предлагали варианты, пусть и неосуществимые, он же по большей части молчал. «А ведь его ставка самая большая – жизнь», – подумала она. Проникнуть на закрытый, тщательно охраняемый объект, рискнуть всем – для этого требовалась невероятная смелость. Или абсолютное безрассудство. Однако ж Виктор держался совершенно спокойно и изучал карту с таким видом, словно планировал воскресную поездку за город.

Должно быть почувствовав ее взгляд, он обнял ее за плечи и прижал к себе. Теперь, когда они снова были вместе, Кэти наслаждалась каждым мгновением, откладывала в память каждый взгляд, каждую ласку. Она знала, что долго это не продлится, и со страхом прислушивалась к обсуждению того, что со стороны выглядело вылазкой в смертельную ловушку.

Поцеловав ее в макушку, Виктор с неохотой перевел внимание на карту:

– Электроника меня не беспокоит. Человеческий элемент, вот что важно. Я имею в виду охранников.

Мило бросил взгляд на Половски:

– Я по-прежнему считаю, что единственный вариант – действовать официально. Старина Джей Эдгар должен получить ордер и нагрянуть туда с обыском.

– Прекрасная мысль, – фыркнул Половски. – К тому времени, как бумаги пройдут через все инстанции – судью, Дефо и бог весть кого еще, – «Виратек» успеет превратить лабораторию в фабрику по производству детского питания. Нет, действовать придется на свой страх и риск. Чтобы никто ничего не пронюхал. – Он посмотрел на Олли. – Уверены, что этой улики будет достаточно?

Олли кивнул:

– Хватит одной пробирки. Мы отдадим ее в какую-нибудь надежную лабораторию с безупречной репутацией, получим подтверждение, что в пробирке вирус чумы, – и дело в шляпе.

– И тогда им точно не отвертеться?

– Нет. Вирус официально признан исчезнувшим. Любая компания, проводящая исследования с живым образцом, уже в силу самого этого факта считается виновной и может заказывать себе гроб.

– Мне это нравится, – сказал Половски. – *В силу самого факта... Я* так понимаю, что никакие ловкачи адвокаты «Виратеку» уже не помогут.

– Но сначала надо раздобыть пробирку, – напомнил Олли. – А это, насколько я могу понять, практически невозможно. Если только мы не пойдем на вооруженное ограбление.

– Занятное предложение, – сказал Половски, и в какой-то момент Кэти даже испугалась, что фэбээровец всерьез обдумывает неудачную шутку Олли. – И все-таки нет, – добавил он после паузы. – В суде такое доказательство не примут.

– К тому же я, – вставил Олли, – ни при каких обстоятельствах в человека стрелять не стану. Это против моих принципов.

– И моих тоже, – поддержал друга Мило.

– А вот с кражей моя совесть как-нибудь смирится.

Половски посмотрел на Виктора:

– Вижу, у вас тут все с высокими моральными стандартами.

Виктор усмехнулся:

– Пережитки шестидесятых.

– Похоже, мы возвращаемся к первому варианту, – вздохнула Кэти. – Кража. Нам придется выкрасть вирус.

Она еще раз прошлась взглядом по карте. Главная подъездная дорога вела к единственным воротам. Других подъездов, если не считать немощеную пожарную дорогу, помеченную на карте надписью «Не эксплуатируется», не было.

– Хорошо, – сказала она. – Предположим, вам удалось пройти через главные ворота. Остаются еще две запертые двери, два контрольных поста и лазерная решетка. Итак?

– Двери не проблема, – повторил Виктор. – Проблема – охранники.

– Может быть, предпринять какой-то отвлекающий маневр? – предложил Мило. – Например, устроить пожар?

– Чтобы из города прибыла пожарная бригада? – возразил Виктор. – Не очень хорошая идея. Кроме того, мне приходилось иметь дело с ночным охранником у передних ворот. Этот парень всегда действует строго по инструкции. Из будки он не выйдет ни при каких обстоятельствах, а при первом же намеке на что-то подозрительное подаст сигнал тревоги.

– А если Мило подделает пропуск? – сказал Олли. – Изготавливал же он фальшивые водительские права. И неплохо получалось.

– Мистер Лум подделывал документы? – спросил Половски.

– Ничего я не подделывал! – возмутился Мило. – Всего лишь подправил год рождения!

– А какие паспорта! – продолжал Олли. – У меня был паспорт гражданина королевства Буга-Буга. Я даже прошел с ним паспортный контроль в Афинах.

– Неужели? – Половски покачал головой – похоже, криминальный талант Мило произвел на фэбээровца сильное впечатление. – Ну так что, Холланд? Как по-вашему, сработает?

– Нет. Охранники – сотрудники первоклассной охранной фирмы, и уж в документах они разбираются. А незнакомых проверяют с особой тщательностью.

– Но кого-то, наверное, пропускают и без проверки?

– Конечно. Начальство. Тех, кого хорошо знают в лицо и… – Виктор вдруг остановился и посмотрел на Кэти. – Господи, а ведь это шанс.

Объяснений не требовалось – Кэти сразу поняла ход его мыслей. И покачала головой:

– Нет. Не думай, что это так просто. Прежде всего мне нужно видеть сам объект. Нужен слепок лица. Хорошие снимки, сделанные под разными углами и…

– Но ведь ты можешь, да? Это же твоя работа!

– Одно дело – кино, и совсем другое – реальная жизнь, где подозрение может вызвать малейшая неточность.

– Мы приедем туда ночью. Охранник будет видеть человека через окно автомобиля или даже только на мониторе. Если ты сумеешь замаскировать меня под одного из директоров…

– Вы о чем говорите? – оборвал Виктора Половски.

– Кэти – художник по гриму. Фильмы ужасов, спецэффекты…

– Но здесь совсем другое! – воскликнула Кэти. Там, в кино, все было просто. Здесь же ее ошибка могла стоить Виктору жизни. Нет, нет и нет! Пусть даже и не просит. Если что-то случится, вся ответственность ляжет на нее. Смерть Виктора станет таким бременем, которого ей просто не вынести.

Она еще раз покачала головой и посмотрела на него с надеждой — *пойми, я не справлюсь.*

– Слишком высоки ставки. Это же не какой-нибудь «Повелитель слизи».

– Ты делала «Повелителя слизи»? – удивился Мило. – Жуткая картина! Я смотрел два раза!

– Да и скопировать лицо не так-то просто, – продолжала Кэти. – Нужно будет изготовить маску, слепок. А для этого потребуется модель.

– Модель? То есть сам человек? – уточнил Половски.

– Совершенно верно. Сам человек. Не думаю, что у вас получится пригласить кого-то из руководителей «Виратека» на сеанс, где его лицо обмажут гипсом.

Некоторое время все молчали.

– Да, это проблема, – констатировал Мило.

– Не такая уж и проблема, – подал голос Олли.

Все повернулись к нему.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Виктор.

– Я тут вспомнил одного парня. Иногда работает со мной в лаборатории… – Олли поднял голову и хитро ухмыльнулся. – Он ветеринар.

События последних недель легли на плечи Арчибальда Блэка столь тяжким бременем, что он с трудом справлялся с рутиной повседневных забот. Даже поездка в «Виратек» превратилась в настоящее испытание. А уж сидеть за столом в офисе, смотреть на секретаршу и делать вид, что все хорошо, что ничего не случилось… нет, на это просто не хватало сил. В конце концов, он был ученым, а не артистом.

Не преступником.

Но он знал, что именно преступником его и объявят, если сведения об экспериментах в крыле С просочатся за стены лаборатории. Внутренний голос подсказывал, что нужно закрыть лабораторию и уничтожить все содержимое инкубаторов. Однако Мэтью Тайрон требовал продолжения работы. К тому же оставалось совсем немного. Как ни крути, министерство обороны профинансировало исследования и теперь ожидало результатов. Министерство требовало представить ему готовый продукт. Происшествие с Холландом притормозило ход работ, но не более того. Помеха, как обещали, будет вот-вот устранена, так что нужно идти дальше.

«Тайрону говорить легко, – подумал с неприязнью Блэк. – Тайрона совесть не беспокоит. У него ее просто нет».

Эти и им подобные мысли преследовали его весь день. Закрывая кейс, Блэк не в первый уже раз ощутил сильнейшее желание сбежать навсегда из этого кабинета с дорогой, тик и кожа, мебелью, укрыться в каком-нибудь укромном местечке и найти спокойную, безопасную работу. Закрывая за собой дверь офиса, он облегченно выдохнул.

Уже стемнело, когда Блэк проехал по усыпанной гравием дорожке и остановился перед домом. Затерявшийся среди деревьев коттедж из кедра и стекла – такие с давних пор назывались «солонкой с крышкой» – выглядел холодным и пустым. Дому отчаянно недоставало женщины. А не позвонить ли соседке, Мюриель? Она вроде бы никогда не отказывалась от таких вот неожиданных приглашений поужинать. Остроумие и зеленый салат с лихвой перевешивали тот факт, что ей было уже за семьдесят. Как жаль, что в нынешнем поколении женщин подобных Мюриель просто не найти.

Выйдя из машины, Блэк направился по тропинке к передней двери. На полпути он услышал странный мягкий звук и почти одновременно ощутил болезненный укус в шею. Он машинально вскинул руку и наткнулся на что-то. Это была небольшая стрела, и Блэк уставился на нее в полнейшем недоумении. Откуда она взялась? Как попала ему в шею? Ответов на свои вопросы он не нашел – мысли как-то разбегались и терялись. Потом что-то случилось с глазами – ночь словно стала еще темнее и гуще. Ноги отказывались повиноваться и как будто застряли в трясине. Кейс выскользнул из пальцев и с глухим стуком упал на землю.

«Я умираю, – подумал Блэк. – Найдет ли меня здесь кто-нибудь?»

С этой мыслью он и упал на занесенную палыми листьями тропинку.

– Он умер?

Олли наклонился к Арчибальду Блэку. Прислушался.

– Дышит. Значит, жив. Но отключился. – Олли поднял голову и посмотрел на Половски и Виктора. – Ладно, давайте-ка за дело. В нашем распоряжении около часа.

Виктор взял Блэка за ноги, Олли и Половски – за руки. Потерявшую сознание жертву перенесли через лесополосу к небольшой вырубке, где стоял фургон.

– У нас точно есть час? – спросил, отдуваясь, Половски.

– Ну, с точностью до минуты не скажу. Транквилизатор предназначен для крупных животных, так что дозу пришлось определять на глазок. Да и наш герой оказался тяжелее, чем я думал. – Олли сморгнул повисшую на ресницах капельку пота. – Эй, Половски, держи крепче, а то выскользнет.

– Я и держу. Просто у него правая рука тяжелее левой.

Боковая дверца фургона уже открылась. Блэка кое-как загрузили и затолкали вглубь. Дверцу закрыли. Вспыхнувший яркий свет ударил по глазам, но у лежавшего на спине пленника даже веки не дрогнули.

Кэти опустилась на колени и внимательно осмотрела его лицо.

– Ну что? – спросил Виктор. – Сможешь?

–Я-то смогу, насчет этого не беспокойся. Проблема в другом: сойдешь ли ты за него? – Она смерила взглядом Блэка, потом посмотрела на стоящего Виктора. – Роста вы примерно одинакового, сложения тоже. Волосы сделаем потемнее. – Кэти повернулась и посмотрела на Мило, уже стоявшего в сторонке с фотоаппаратом наготове. – Начинай. Щелкни по нескольку раз с каждого угла. Мне надо побольше деталей.

Пока Мило фотографировал, Кэти надела фартук и натянула резиновые перчатки. Потом указала на простыню.

– Его нужно накрыть, – распорядилась она. – Оставить только лицо. Не хочу, чтобы пришел в себя и обнаружил на одежде следы от гипса.

– Может, он вообще не очнется, – проворчал Мило, с опаской поглядывая на неподвижное тело.

– Очнется. Обязательно очнется, – заверил его Олли. – Причем в том же самом месте, где мы его нашли. А если ты сделаешь свою работу как надо, мистер Арчибальд Блэк никогда и не узнает, что же такое с ним случилось.

Очнуться его заставил дождь. Холодные капли били по лицу и стекали в открытый рот. Блэк застонал, перевернулся на живот и почувствовал под плечом острый камень. Еще не придя толком в себя, он понял – что-то не так. Но что? Во-первых, падающий с потолка дождь. Во-вторых, камни в постели. В-третьих, туфли на ногах…

Туман в голове наконец рассеялся, и Блэк с изумлением обнаружил, что сидит на подъездной дорожке, а кейс лежит рядом. Дождь усилился, теперь лило по-настоящему. Надо поскорее уходить под крышу. Кое-как, на полусогнутых, едва ли не на четвереньках, он поднялся по ступенькам, открыл дверь и ввалился в дом.

Часом позже Блэк сидел, съежившись, в кухне, с чашкой кофе, и пытался сложить кусочки мозаики. Что же все-таки случилось? Он помнил, как приехал на машине. Помнил, как шел с кейсом по дорожке и, похоже, дошел до середины. А потом… что?

Арчибальд Блэк поморщился от какой-то уходящей боли. Потер шею. И вдруг вспомнил нечто странное, случившееся перед тем, как он потерял сознание. Что-то, ассоциировавшееся с болью в шее.

Он подошел к зеркалу. Присмотрелся. Так и есть – крохотный след от укола. И первая – абсурдная – мысль: *вампиры*. Ну конечно. *Черт*

возьми, Арчибальд. Ты же ученый. Найди какое-нибудь рациональное объяснение.

Блэк достал из бельевой корзины свою промокшую рубашку и, внимательно ее осмотрев, обнаружил на воротнике капельку крови. Потом обнаружил и кое-что поинтереснее: самую обычную портновскую булавку. Она была воткнута в воротник, и оставили ее, несомненно, работники химчистки. Вот оно, рациональное объяснение. Он укололся забытой булавкой и потерял сознание.

Блэк с отвращением швырнул рубашку в корзину. Утром надо первым делом заехать в «Тайди герлз», высказать претензии и потребовать в качестве компенсации бесплатной чистки костюма.

Вот где настоящие вампиры.

– Тебе сильно повезет, если ты сойдешь за него даже при плохом освещении, – сказала Кэти.

Отступив, она еще раз окинула Виктора придирчивым взглядом. Потом обошла вокруг, рассматривая только что покрашенные волосы и новое лицо. Цвет глаз изменили с помощью линз. Кэти сделала почти все, что могла, но понимала – этого недостаточно. Впрочем, она вряд ли осталась бы довольна, даже если бы сделала свою работу в десять раз лучше, – ведь на кону стояла жизнь Виктора.

– А по-моему, вылитый Блэк, – не согласился Половски. – От настоящего не отличишь. Так что вам не нравится?

– Не нравится то, что сама затея совершенно безумная. Послушайте, давайте все отменим.

– Вы работали с ним полдня. Вы сделали точную копию Блэка, вплоть до веснушек на носу. Чего не хватает? Что еще здесь можно улучшить?

– Не знаю. Просто мне все это не нравится. У меня плохое предчувствие.

Некоторое время все молчали. Потом Олли покачал головой:

– Женская интуиция. Игнорировать ее бывает опасно.

– Что ж, вот вам моя интуиция, – заявил Половски. – По-моему, все получится. Лучшего варианта у нас нет. И это наш шанс закончить дело.

Кэти повернулась к Виктору:

– Если не получится, пострадаешь только ты. Тебе и решать. – На самом деле она хотела сказать другое: «Пожалуйста. Не делай этого. Останься со мной. Живой и со мной». Но, глядя ему в глаза, Кэти знала, что он уже все решил и что, как бы она ни желала этого, он никогда не будет с ней.

– Кэти, у нас все получится. И ты должна в это верить.

Не говоря ни слова, она повернулась и вышла. Фургон стоял на парковке мотеля «Рок-абай». Было темно и холодно. Кэти обняла себя. За спиной хлопнула дверь. Он подошел к ней сзади.

– Тебе не обязательно здесь оставаться. Пляж в Мексике… не забыла? Можешь улететь туда еще сегодня.

– Хочешь, чтобы я улетела?

Пауза.

– Да.

Она пожала плечами – получилась жалкая претензия на безразличие.

– Хорошо. Наверное, так действительно будет лучше. Я свое дело сделала.

– Ты спасла мне жизнь. Я в долгу перед тобой. Самое меньшее, что я могу сделать для тебя, – это позаботиться о твоей безопасности.

Кэти повернулась к нему:

– Тебя это больше всего беспокоит, да? Что ты чем-то мне обязан?

– Больше всего меня беспокоит, что ты можешь попасть под перекрестный огонь. Я готов рискнуть. Готов проникнуть в «Виратек». Готов наделать глупостей. Но не готов увидеть, как из-за меня пострадаешь ты. Понимаешь? – Он притянул ее к себе. – Кэти, Кэти. Я же не сумасшедший. И не хочу умирать. Но я не смогу защитить тебя…

Она прижалась лицом к его груди. Его сердце билось так спокойно, так ровно. Страшно было даже представить, что оно перестанет биться, что эти руки не будут больше обнимать ее. Если ему достает смелости пуститься в эту безумную авантюру, то почему такой же смелости не хватает ей? *Я прошла с тобой весь этот путь. Как я могу теперь уйти? Как я могу уйти, зная, что люблю тебя?*

Дверца открылась, и парковочную площадку рассекла полоска света.

– Герш? – окликнул Олли. – Уже поздно. Если мы собираемся провернуть это дельце, пора отправляться.

Виктор все еще смотрел на нее.

– Ну? Хочешь, чтобы Олли отвез тебя в аэропорт?

– Нет. – Она расправила плечи. – Я поеду с тобой.

– Ты уверена, что хочешь именно этого?

– Я в последнее время ни в чем не уверена. Но я так решила. Я справлюсь. – Она вымученно улыбнулась. – К тому же тебе еще может понадобиться моя помощь. На случай, если грим вдруг поплывет.

– Ты нужна мне не только для этого.

– Герш?

Виктор взял ее за руку.

– Мы идем. Оба.

– Приближаюсь к передним воротам. Один охранник в будке. Больше никого не видно. Вы меня слышите?

– Слышим отлично, – отозвался Половски.

– Хорошо. Ну, я пошел. Пожелайте удачи.

– Будем на связи. Ни пуха ни пера! – Половски выключил микрофон и обвел взглядом остальных. – Он пошел.

Куда? Что ждет его там?

Все четверо остались в фургоне. Машина стояла в полумиле от ворот «Виратека». Расстояние позволяло поддерживать радиосвязь, но в случае чего помочь Виктору они не успевали. Они могли только следить за ним.

До самого конца.

Никто ничего не говорил. Все застыли в ожидании.

Первое препятствие…

* * *

– Добрый вечер, – сказал Виктор, останавливаясь у ворот.

Охранник выглянул в окно будки. Это был мужчина лет двадцати пяти, в фуражке и застегнутой на все пуговицы форменной куртке. Звали его Пит Зан, или мистер Делаю-Все-По-Инструкции. Если кто и мог сорвать операцию, то в первую очередь именно он. Виктор изобразил слабое подобие улыбки. «Только бы маска удержалась». Визуальный контакт длился несколько секунд, но и они показались ему вечностью. Наконец охранник улыбнулся в ответ и поднял руку:

– Срочная работа, доктор Блэк?

– Забыл кое-что в лаборатории.

– Должно быть, что-то важное, а? Иначе бы не приехали в полночь.

– Правительственные контракты. С этим строго.

– Да. – Охранник махнул рукой. – Проезжайте.

Виктор проехал в ворота. Сердце стучало, как работающий на пределе двигатель. И только свернув на пустынную в этот час парковочную площадку, он позволил себе выдохнуть и немного расслабиться.

– Первая база пройдена. Где вы, парни? Ответьте.

– Мы здесь, – тут же отозвался Половски.

– Направляюсь к зданию. Имейте в виду, что сигнал может и не пройти – стены здесь толстые. Так что если от меня ничего не будет…

– Мы все время на связи.

– У меня сообщение для Кэти. Пусть подойдет.

После короткой паузы в наушнике раздался голос Кэти:

– Я здесь. Слушаю. Что случилось?

– Ничего. Просто хотел сказать… Я вернусь. Обещаю. Ты слышишь?

Может быть, ему только показалось, но ее голос дрогнул.

– Слышу.

– Все. Я вхожу. Без меня не уезжайте.

Питу Зану понадобилось не больше минуты, чтобы проверить регистрационный номер на машине Арчибальда Блэка. В будке был «ролодекс», но Питер пользовался им нечасто, потому что прекрасно запоминал номера и вообще все связанное с цифрами. Все номера машин служащих «Виратека» он знал наизусть. Едва взглянув на табличку доктора Блэка, Пит Зан понял – что-то не так.

Неужели подвела память?

Карточку он нашел быстро. Значившийся там серый «линкольн»-седан 1991 года выпуска соответствовал марке и модели автомобиля, на котором приехал Блэк. А вот номер не совпадал.

Откинувшись на спинку стула, он попытался найти разумное объяснение странному факту. Возможно, доктор Блэк просто приехал на другой машине. Возможно, его, Питера, проверяют.

Или же в машине не Арчибальд Блэк.

Он подтянул стоявший на столе телефон. Самый простой способ прояснить ситуацию – позвонить Блэку домой. Да, уже поздно, за полночь, но ничего не поделаешь. Если Блэк не ответит, значит, в «линкольне» был он. Если же ответит, тогда получается, что случилось нечто странное, и доктор обязан об этом знать.

Трубку сняли после второго гудка.

– Алло? – произнес чуть хрипловатый, сонный голос.

– Это Пит Зан, охранник ночной смены «Виратека». Я разговариваю с доктором Блэком?

-Да.

– С доктором Арчибальдом Блэком?

– Послушайте, уже поздно! Что случилось?

– Не знаю, как и сказать, доктор Блэк... – Пит на секунду замялся. – Дело в том, что через ворота только что проехал ваш двойник.

– Прохожу через центральный вход. Иду по коридору в крыле безопасности. На случай, если меня кто-то слышит. – Ответа Виктор не

ждал. Его и не последовало. Здание представляло собой бетонную громадину, построенную с расчетом на века. Пройти через такие стены радиосигнал, скорее всего, не мог. С самого начала операции он действовал в одиночку, но на первом этапе поддерживала мысль, что друзья, по крайней мере, следят за его перемещениями. Сейчас же он остался совсем один.

Табличка на запертой двери предупреждала «Только для сотрудников, имеющих допуск». Висевшая под потолком камера нацелила на него стеклянный глаз. Стараясь не обращать на нее внимания, Виктор осмотрел контрольную панель справа от двери. Полученный от Джерри код позволил пройти через первую дверь; сработает ли вторая комбинация? Он набрал семизначное число и вздрогнул, услышав короткий звуковой сигнал. На панели вспыхнула надпись: «Неверный код. В доступе отказано».

Лицо под маской покрылось потом. Что же не так? Не те цифры? Или он просто что-то перепутал? Виктор знал – за ним наблюдают, у подключенного к камере монитора сидит охранник. И наверняка уже удивляется, почему доктор Блэк не может войти. Еще немного, и наблюдающий может заподозрить, что здесь что-то не так. Он перевел дыхание и повторил попытку, на этот раз полностью сосредоточившись на простой задаче. Если и сейчас прозвучит тот же сигнал…

Но сигнал не прозвучал.

На панели вспыхнула другая надпись: «Код принят. Доступ разрешен».

Виктор вошел в следующее помещение.

Итак, третий барьер, с облегчением подумал он, услышав, как за спиной закрылась дверь. Уже близко.

Еще одна камера пристально наблюдала за ним из угла. Чувствуя себя неуютно под ее бдительным оком, Виктор прошел через комнату к внутренней двери лаборатории, повернул ручку и…

Сигнал тревоги ударил по ушам.

«Что еще?» – подумал он и только тут заметил мерцающую над дверью красную лампочку и предупредительную надпись: «Лазерная решетка активирована». Ее нужно выключить, и для этого ему необходим ключ. Но где этот ключ? Как его найти? Как пройти в лабораторию?

Похоже, пришло время рискнуть. Сыграть ротозея. Он похлопал себя по карманам, покачал головой, повернулся к камере и помахал рукой.

– Привет!

– Какие-то проблемы, доктор Блэк? – спросил по интеркому невидимый охранник.

– Да. Не могу найти ключи. Должно быть, оставил дома…

– Я могу отключить лазеры отсюда.

– Да, спасибо. Сам не знаю, как такое могло случиться.

– Не беспокойтесь.

Красная лампочка погасла. Виктор опасливо взялся за ручку, повернул… Дверь открылась. Он еще раз помахал в камеру и вошел в последнее помещение.

Здесь – слава богу – никаких камер не было. По крайней мере, он ни одной не заметил. Можно взять передышку. Виктор быстро огляделся. Увиденное поражало воображение. Кроме привычных центрифуг и микроскопов здесь находились инструменты, о существовании которых он даже не подозревал. Все новенькое, сияющее – настоящий космический век. Виктор прошел дезактивационную камеру и повернул к инкубаторам. Открыл дверь…

В штативах на стеллаже стояли стеклянные пробирки. Виктор взял одну из них. В пробирке была какая-то розовая жидкость. На ярлычке надпись «Серия № 341. Активный».

Должно быть, оно самое. Олли детально проинструктировал его, что именно нужно искать. Так вот оно какое, чудовище, черная смерть, очищенная до самой своей сути, до субмикроскопических частиц!

Виктор взял две пробирки, положил их в заранее приготовленный портсигар и опустил его в карман. «Миссия выполнена!» Он повернулся и направился к двери. Все самое трудное позади. Осталось только прогуляться неспешно по коридору, выйти, сесть в машину… А уж потом шампанское и все остальное.

Громкий, режущий слух сигнал тревоги настиг его в нескольких шагах от двери.

Виктор замер. В ушах еще билось пронзительное эхо.

– Доктор Блэк! – донесся из интеркома голос охранника. – Пожалуйста, не уходите. Оставайтесь на месте.

Виктор повернулся к скрытому динамику:

– Что происходит?

– Меня попросили задержать вас. Подождите минутку, сейчас я узнаю, в чем дело…

Ждать объяснений он не собирался и метнулся к двери. В ту же секунду взвыли, набирая мощь, лазеры. Что-то ударило по руке. Он проскочил первую дверь, промчался через небольшую комнату вроде приемной и вылетел в коридор.

Сигнализация сработала везде. Все здание гудело от пронзительных сирен и сумасшедшего звона. Виктор повернул направо, к главному выходу, но там уже стоял охранник. Он резко повернул влево, туда, где находилась пожарная дверь. За спиной кто-то громко крикнул: «Стоять!» Он прибавил.

Коридор закончился. Но не запасным выходом, а лестничным пролетом. Ступеньки вели вверх и вниз. Куда дальше? Вниз? А если там только подвал? Его запрут, как крысу. Нет. Он рванулся вверх.

Виктор успел подняться на один марш, когда внизу, на лестничной клетке, бухнула дверь. И снова грозный голос:

– Стоять, или буду стрелять!

«Блефует».

Пистолетный выстрел прозвучал неестественно громко, и эхо, отскакивая от бетонных стен, запрыгало по ступенькам.

«Нет, не блефует».

Страх добавил сил. Он выскочил на площадку, толкнул тяжелую металлическую дверь и оказался в коридоре второго этажа. Никого и ничего. Только закрытые двери по обе стороны. Куда? Времени на раздумья не оставалось. Он нырнул в третью комнату слева и осторожно прикрыл за собой дверь.

В полутьме тускло поблескивали стеклянные мензурки и нержавеющая сталь стеллажей и столов. Еще одна лаборатория. Но в отличие от первой здесь было большое окно, через которое в помещение лился лунный свет.

Громыхнула дверь. Тяжелые шаги протопали по коридору.

– Стоять!

Выход оставался только один. Виктор схватил стул, поднял над головой и что было сил швырнул в окно. Стекло треснуло и обрушилось на пол водопадом серебристых осколков. Виктор даже не стал смотреть, что там внизу. Он вскочил на подоконник и, не теряя ни секунды, прыгнул…

…и приземлился в каких-то кустах.

– Стоять! – снова крикнул охранник.

Виктор моментально вскочил и, вырвавшись из цепких объятий колючих веток, помчался через лужайку к темнеющим невдалеке деревьям. Бросив взгляд через плечо, он никого не увидел. Его не преследовали. Должно быть, прыжок из окна в планы охранника не входил.

«*А* теперь к воротам».

Обогнув здание, Виктор добрался до небольшой дубовой рощицы, откуда открывался вид на главные ворота. Только вот картина отнюдь не внушала оптимизма.

В ярком свете прожекторов он увидел четыре блокировавших дорогу автомобиля службы безопасности. На помощь им как раз подоспел грузовичок. Шофер, выйдя из кабины, открыл заднюю дверцу и отдал какую-то команду. В ту же секунду на землю спрыгнули две немецкие овчарки.

Виктор отступил под прикрытие деревьев. «Похоже, выхода нет», – подумал он, оглядываясь на высокий забор, поверх которого шла колючая проволока. Издалека донесся хриплый лай собак.

«Если я сейчас же срочно не разверну крылья и не улечу, мне конец».

Глава 11

– Что-то случилось! – воскликнула Кэти, когда мимо промчалась первая машина службы безопасности.

Половски потрепал ее по плечу.

– Успокойтесь. Скорее всего, рутинная проверка.

– Нет. Посмотрите. – За деревьями промелькнули еще три машины. Все мчались в направлении «Виратека».

Олли тихонько выругался и потянулся за микрофоном.

– Подожди! – Половски схватил его за руку. – Мы не можем так рисковать. Подождем, пока он выйдет на связь.

– Но если что-то случилось...

– Он знает об этом не хуже нас. Дадим ему шанс разобраться самому.

– А если не разберется? Если он не может выбраться оттуда? – возразила Кэти. – Мы что же, так и будем сидеть сложа руки?

– Другого варианта нет. Если они блокировали главные ворота...

–Другой вариант есть! – ответила Кэти, пробираясь к водительскому креслу.

– Эй, вы что это, черт возьми, делаете? – Фэбээровец привстал со стула.

– Мы должны ему помочь. Если не поможем...

Она не договорила – молчавший до того приемник внезапно захрипел, а потом заговорил голосом Виктора:

– Я, похоже, влип. Выхода не вижу. Вы меня слышите?

Олли схватил микрофон:

– Слышим, Герш. Ты как?

– Плохо.

– Точнее.

– Ворота блокированы. Они включили прожекторы, так что все освещено не хуже, чем футбольное поле. А сейчас привезли собак...

– Через забор можешь перебраться?

– Нет. Он под током. Напряжение невысокое, но все равно... Думаю, ребята, вам лучше уходить без меня.

Половски выхватил микрофон у Олли:

– Образец у тебя?

– К черту образец! – вмешалась Кэти. – Спросите, где он находится. Ну же?

– Холланд? Ты где? – спросил Половски.

– У северо-восточного периметра. Здесь кругом забор. Послушайте, не ждите меня. Я как-нибудь...

– Скажите, пусть идет к восточной стороне! – бросила через плечо Кэти. – К середине.

– Что?

– Вам повторить?

– Холланд, иди к восточной стороне периметра, – передал Половски.

– Понял.

Фэбээровец недоуменно посмотрел на Кэти:

– Вы что еще задумали?

– У нас ведь мощный автомобиль? – пробормотала она, поворачивая ключ зажигания. – Пора использовать его по назначению.

Мотор взревел, получив порцию газа. Кэти налегла на руль и развернулась.

– Эй, ты же не туда едешь! – крикнул Мило.

–Туда! Где-то здесь пожарная дорога. Ага, вот она.

Пожарная дорога представляла собой узкий проселок. Фургон прыгал по неровностям, подминая кусты и ломая ветки. Пассажиров швыряло из стороны в сторону.

– И как только вы отыскали это чудное шоссе? – поинтересовался Половски.

– Эта дорога обозначена на карте. Я заметила ее еще тогда, когда мы обсуждали план проникновения.

– А она куда-нибудь ведет? Или существует только на карте?

– Ведет к восточной стороне ограждения. Там был рабочий проезд. Надеюсь, от него еще что-то осталось, и нам удастся проехать...

– А что потом?

Олли вздохнул:

– Не спрашивай.

Кэти ловко объехала прыгнувший под колеса куст, но налетела на молодое деревце. Удар получился несильный, но пассажиры полетели на пол.

– Виновата, – пробормотала она и, дав задний ход, выехала на проселок. – Где-то здесь… впереди…

Прямо перед ними в темноте проступил забор. Кэти моментально погасила фары. Все притихли, прислушиваясь. Где-то лаяли собаки. Но где же Виктор?

– Вот!

Они увидели его в лунном свете. Он бежал вдоль забора. Справа кто-то крикнул. Грянул выстрел.

– Держитесь! – взвизгнула Кэти и, защелкнув ремень, утопила педаль газа.

Фургон прыгнул вперед, как испуганный мустанг, проломился через кусты и врезался в ограждение. Проволока прогнулась, электрические искры посыпались в ночь. Кэти сдала назад и тут же снова ударила по газу.

И забор не выдержал. Колючая проволока царапнула по ветровому стеклу.

– Прорвались! – крикнул Олли и откинул боковую дверцу. – Герш! Мы здесь! Сюда!

Темная фигура резко сменила курс. Выстрелы затрещали, как хлопушки. Виктор прыгнул через упавший забор и, споткнувшись, упал.

– Давай, Герш!

По фургону застучали пули.

Виктор, пошатываясь, поднялся, рванулся через проволоку и почти упал на протянутые руки товарищей, которые и втащили его в фургон.

Дверь захлопнулась. Кэти дала задний ход, развернулась и снова вдавила в пол педаль газа.

Машина запрыгала через кусты, по рытвинам. Преследователи послали им вслед горсть пуль. Кэти даже не моргнула. Теперь бы добраться до

главной дороги. Стрельба стихла. Деревья наконец расступились, впереди блеснула знакомая полоса асфальта. Она свернула влево и снова добавила газу.

Далеко впереди завыла сирена.

– У нас хвост! – предупредил Половски.

– Куда теперь? – крикнула Кэти. «Виратек» остался позади, но теперь опасность грозила с противоположной стороны.

– Не знаю! Жми!

Пока еще полицейские машины оставались за деревьями, но они быстро приближались. *Пропустят или остановят?*

Она заметила ее в самый последний момент, просеку, уходящую в сторону от дороги, и, повинуясь внезапному импульсу, свернула с шоссе на кочковатое поле.

– Нет, – застонал Половски. – Только не это!

– Помолчите! – оборвала Кэти, направляя фургон в невысокие заросли. Проскочив кусты, она вывернула руль и погасила фары.

Вовремя. Уже через несколько секунд мимо них по дороге пронеслись две патрульные машины с мигалками. Слушая, как затихает вой удаляющихся сирен, Кэти откинулась на спинку кресла. В темноте кто-то заворочался.

– Ее зовут Бонд, – пробормотал Мило. – Джейн Бонд.

То ли всхлипнув, то ли рассмеявшись, Кэти повернулась к перебравшемуся на соседнее сиденье Виктору и в следующее мгновение оказалась в его объятиях. Он целовал ее в губы, в мокрые от слез щеки, и она понемногу притихла и успокоилась.

Позади кто-то вежливо откашлялся.

–Э, Герш? – нерешительно позвал Олли. – Ты не думаешь, что пора двигать?

Неохотно оторвавшись от ее губ, но не отрывая глаз, Виктор чуть повернул голову:

– Конечно. Но только пусть за руль сядет кто-нибудь другой, ладно?

– Вот теперь все только начинается. Главная опасность впереди, – сказал Половски. Он сидел за рулем, и они приближались к Сан-Франциско с юга. Кэти и Виктор сидели впереди вместе с фэбээровцем; Олли и Мило дрыхли сзади, свернувшись калачиком, как два наигравшихся котенка. Из динамика доносились мягкие гитарные переборы. На панели мигали зеленые огоньки.

– Улики у нас есть, – продолжал Половски. – Теперь им не отвертеться. Но без боя они не сдадутся. Эти парни пойдут на все. Начинается игра в кошки-мышки.

«Интересно, а что за игра была раньше?» – подумала Кэти, теснее прижимаясь к Виктору. Ей не терпелось поскорее остаться с ним наедине. Последние два часа они плутали по каким-то объездным дорогам, делая все возможное, чтобы избежать встречи с полицией. О происшествии в «Виратеке», несомненно, уже сообщили властям, и, конечно, вся полиция штата искала фургон со следами от пуль и разбитым бампером.

Половски был прав. Ситуация накалялась.

– В городе нам нужно первым делом передать пробирки на исследование. В разные лаборатории. Для независимой экспертизы, чтобы никаких сомнений уже не оставалось. Вы знаете, куда можно обратиться?

– У меня знакомый в Нью-Хейвене. Выпускник Йельского университета. Заведует лабораторией при больнице. Ему можно доверять.

– Йель? Отлично.

– У Олли есть приятель в Калифорнийском университете Сан-Франциско. Он может поработать со второй пробиркой.

– Когда заключения будут готовы, я поговорю с одним газетчиком, большим любителем «горяченького». – Половски довольно усмехнулся. – Прощай, «Виратек». Можешь рыть себе могилу.

– Вы так радуетесь? – спросила Кэти. – Чему?

– Приятно сознавать, что стоишь на стороне закона. На душе как-то светлее. И чувствуешь себя лучше. Голова работает яснее, адреналин в крови. Как будто остаешься молодым.

– А умереть молодым не боитесь?

Половски усмехнулся:

– Ох, женщины. Вам просто не понять, что такое настоящая игра.

– Я определенно не понимаю.

– А вот Холланд, держу пари, понимает. Он сегодня свою порцию адреналина получил. Пожалуй, даже с избытком. Так, Холланд?

Виктор не ответил. Он смотрел вперед, не отрывая глаз от убегающей полосы асфальта.

– Разве я не прав? – не отставал Половски. – Побывать в лапах у черта и вернуться, каково это, а? Сознавать, что ты прошел через ад только потому, что был хитрее и умнее их?

– Нет, – негромко сказал Виктор. – Вы не правы. Потому что игра еще не закончилась.

Половски вздохнул, и улыбка на его широком лице померкла.

– Почти закончилась. Почти.

Справа промелькнул дорожный указатель, сообщавший, что до Сан-Франциско осталось двенадцать миль.

Четыре часа утра. Звезды на небе, размытом желтоватым светом уличных фонарей, казались тусклыми пятнышками. В пирожковой на Норт-Бич четверо мужчин и женщина сидели за столиком, торопливо глотая горячий кофе и плюшки с сыром. Еще один клиент, мужчина с красными от недосыпания глазами и трясущимися руками, сидел отдельно. Девушка за стойкой уткнулась в газету. Позади нее тихонько ворчала и шипела кофеварка.

– За «Олд кутс», – провозгласил Мило, поднимая чашку. – Которые были и остаются лучшими.

Все подняли чашки.

– За «Олд кутс»!

– И за последнее пополнение, – продолжал Мило. – За прекрасную и бесстрашную…

– Ох, не надо, – простонала Кэти. – Пожалуйста…

Виктор обнял ее за плечи.

– Расслабься и купайся в лучах славы. Попасть в состав столь избранной группы удается не каждому.

– Единственное требование, – сказал Олли, – ты должна играть на каком-то музыкальном инструменте. Причем играть плохо.

– Но я вообще ни на чем не играю.

– Это не проблема. – Олли взял со стола обертку из вощеной бумаги и достал из кармана расческу. – Казу.

– То, что надо, – одобрил Мило. – Лили играла на таком же.

– Ох… – Кэти взяла расческу. *Лили играла на таком же.* Похоже, этот призрак будет преследовать ее вечно. Праздничное настроение вдруг испарилось, словно его развеяло холодное дыхание рассвета. Она взглянула на Виктора. Он смотрел в окно на расцвеченные гирляндами улицы. «О чем ты думаешь? Жалеешь, что ее нет сейчас здесь? Что это мне, а не ей Мило вручил это дурацкое казу?»

Она поднесла расческу к губам и попыталась сыграть «Янки-Дудл». Все рассмеялись и захлопали, даже Виктор. Но когда аплодисменты стихли, Кэти снова увидела в его глазах печаль и усталость. Она положила расческу на стол.

За окном с ревом пронесся фургон службы доставки. Часы показывали пять; город понемногу просыпался.

– Ну, ребята. – Половски бросил на стол доллар чаевых. – Пора вытаскивать из постельки любителя горячих новостей. А потом нам с тобой, – он повернулся к Виктору, – нужно будет заняться своей доставкой. Когда у тебя самолет на Нью-Хейвен?

– В четверть одиннадцатого.

– Отлично. Билеты я куплю. А ты пока постарайся отрастить себе усы или придумать еще что-нибудь. – Фэбээровец посмотрел на Кэти. – Вы ведь с ним, да?

– Нет, – сказала она, глядя на Виктора.

Никакой реакции. И на что она только надеялась? Ей даже показалось, что он облегченно вздохнул.

Нет, он не попытался переубедить ее. Только сказал:

– Куда ты теперь?

Кэти пожала плечами:

– Наверное, воспользуюсь нашим первоначальным планом. Улечу куда-нибудь на юг. Побуду какое-то время с Джеком. Как думаешь?

Она подбросила ему шанс. Он еще мог остановить ее. Мог сказать: «Нет, я не хочу, чтобы ты уезжала. Останься со мной. Навсегда». Если бы он любил, то именно это бы и сказал.

Но Виктор только пожал плечами, и она почувствовала, как сжалось от боли и застыло на мгновение сердце.

– Хорошая мысль.

Она успела сморгнуть подступившие слезы, прежде чем их заметили другие, и с натянутой улыбкой посмотрела на Олли:

– Когда вы с Мило возвращаетесь домой? Может, и меня подбросите?

– Прямо сейчас, тянуть не будем, – растерянно сказал Олли. – Мы свое дело сделали.

– Так вы меня возьмете? Хочу успеть на автобус в Пало-Альто.

– Без проблем. И даже уступим почетное место впереди.

– Ты, главное, не пускай ее за руль, – проворчал Мило. – Хочу вернуться домой в целости и сохранности.

Половски первым встал из-за стола.

– Вот и договорились. Всем есть куда податься. Расходимся.

Они попрощались на уже проснувшейся, шумной улице. Друзья отошли в сторонку, стараясь не смотреть в их сторону. Не самое лучшее место для романтических расставаний. Наверное, так было даже лучше – ничего хорошего все равно бы не получилось. По крайней мере, она сохранила остатки достоинства. По крайней мере, избавила себя от необходимости выслушивать горькую, жестокую правду. Лучше просто уйти, утешаясь сладким обманом, говоря себе, что он ее любит. Что за короткое время их знакомства она завоевала какое-то место в его сердце.

– У тебя все будет хорошо? – спросил Виктор.

– Да, конечно. А у тебя?

– Справлюсь, – Он сунул руки в карманы и сделал вид, что смотрит на неспешно выплывающий из-за угла автобус. – Я буду скучать по тебе. Но быть вместе мы не можем. Не при нынешних обстоятельствах.

«А я бы осталась с тобой, – подумала Кэти. – При любых обстоятельствах. Если бы только знала, что нужна тебе».

Виктор вздохнул:

– Я дам тебе знать, когда все утрясется. Когда ты сможешь вернуться.

– А потом?

– А потом все и начнется, – вполголоса сказал он.

Они поцеловались, неловко, чинно, скомканно, под нетерпеливыми взглядами друзей. В прикосновении холодных, сухих губ не было страсти – обычный прощальный жест. Она отстранилась. Мир расплывался и дрожал за пеленой слез.

– Береги себя, – сказала она и, втянув голову в плечи, шагнула к Олли и Мило.

– Это все? – спросил Олли.

– Это все. – Кэти вытерла глаза. – Я готова. Пошли.

– Расскажи о Лили, – попросила она.

Небо на востоке уже окрасилось первыми лучами рассвета. Позади остались неуклюжие, похожие на коробки одноквартирные домики Пасифики. Чайки кружились над остроконечными скалами, о подножье которых разбивались морские волны.

– А что тебя интересует? – Олли на мгновение оторвал взгляд от дороги.

– Какой она была?

– Лили была очень приятной, милой женщиной. Умной. Никогда не пыталась произвести на кого-то впечатление, но из всех нас она была, наверное, самой умной. И уж наверняка куда сообразительней Мило.

– И уж точно не была такой страшилой, как Олли, – подал голос Мило, расположившийся в одиночестве сзади.

– Добрая. Из приличной семьи. Помню, когда они с Гершем поженились, я подумал: ну вот, ему досталась настоящая святая. – Он стрельнул глазами в Кэти и торопливо добавил: – Конечно, не каждый мужчина хочет жениться на святой. Лично я был бы счастлив с такой, у которой мозгов поменьше, чем у меня. – Он улыбнулся. – С такой, которая может, например, проломить забор фургоном – просто так, шутки ради.

Кэти тоже улыбнулась, понимая, что Олли сказал это для нее, чтобы поднять ей настроение. Но боль, конечно, никуда не делась.

Она откинулась на спинку кресла, глядя вперед, на светлеющее небо. Вот бы убраться отсюда поскорее! В Мексике тепло, так светит яркое солнце, там ласковое море и горячий песок. Там воздух всегда пахнет свежей рыбой и лаймом. Она бы занялась любимым делом, ушла с головой в работу над фильмом. Конечно, пришлось бы терпеть Джека, который наверняка притащил на съемки очередную пассию, но с этим она бы справилась. Что бы он ни вытворял, душа уже не заболит. С ним покончено раз и навсегда. Она прошла и отчаяние, и одиночество, и боль, и теперь уже ни один мужчина не ранит ее сердце.

Дорога к дому Мило показалась бесконечной.

Когда они остановились наконец на подъездной дорожке напротив входа, рассвет уже сменился ясным, холодным утром. Мило, выбравшись из машины, щурился от солнца.

– Ну что, ребята, – сказал он, наклоняясь к окну, – похоже, дальше у нас дороги разные. – Он посмотрел на Кэти: – Тебе ведь в Мексику?

Кэти кивнула:

– Да, в Пуэрто-Вальярта. А ты куда?

– Мама уже улетела во Флориду. Пожалуй, рвану за ней. Может, схожу в «Дисней уорлд». Ты как, Олли, не хочешь составить компанию?

– Как-нибудь в другой раз. А сейчас я хочу выспаться.

– Ты даже не представляешь, что теряешь. Ладно, приключений мы хлебнули. Я даже почти жалею, что все закончилось. – Мило повернулся и зашагал к дому. Поднявшись на крыльцо, он повернулся и помахал рукой. – Еще увидимся! – Дверь за ним закрылась.

Олли рассмеялся:

– Мило и его мамочка! Хороша парочка! Не завидую я «Дисней уорлду». – Он потянулся к ключу зажигания. – Дальше у нас в программе автобусная остановка. Только бы горючего хватило и…

Повернуть ключ он не успел.

В открытое окно всунулось и ткнулось в висок Олли дуло пистолета.

– Выходите, доктор Возняк.

– Что… что вам нужно? – прохрипел, мгновенно побледнев, Олли.

– Живее. – Приказ дополнил сухой щелчок курка.

Подгонять не пришлось – Олли неуклюже выбрался из машины и, подняв руки, отступил.

Кэти попыталась вылезти вслед за ним, но ее остановил строгий окрик:

– А вы оставайтесь!

– Послушайте, – пролепетал Олли. – Заберите эту чертову машину, но отпустите женщину. Она вам не нужна…

– Нужна. Передайте мистеру Холланду, что я с ним свяжусь. Обсудим будущее мисс Уивер. – Незнакомец обошел машину спереди и открыл правую дверцу. – Садитесь за руль!

– Пожалуйста, – прошептала Кэти. – Прошу вас…

Дуло уперлось ей в шею.

– Я не люблю повторять.

Она передвинулась на водительское место, ударившись коленом о торчащий в замке ключ. Незнакомец сел рядом. Кэти посмотрела на него и встретилась с холодным, пустым взглядом. В темных, почти черных глазах не было и намека на человеческие чувства.

Она повернула ключ.

– Эй! – завопил Олли, хватаясь за дверцу. Вы не можете вот так взять и похитить человека!

– Не надо, Олли! – вскрикнула Кэти.

Незнакомец уже навел на него пистолет.

– Отпустите ее! От…

Грохнул выстрел.

Олли отшатнулся и упал с застывшим на лице выражением недоумения и страха.

Кэти не сдержалась. Дикая ярость, подстегнутая инстинктом выживания, бросила ее на убийцу. Он уклонился, и она только до крови оцарапала ему щеку. Не давая врагу опомниться, Кэти схватила его за запястье и попыталась вырвать пистолет. Конечно, у нее ничего не получилось. Он был быстрее и сильнее.

В последний момент она увидела прямо перед собой черную дыру поворачивающегося к ней дула. Пистолет смотрел ей прямо в лицо.

Что-то ударило ее сбоку. Голова как будто разорвалась от боли, и мир разлетелся на тысячи ярких осколков.

Потом они потускнели, и наступила ночь.

Глава 12

– Здесь Виктор, – сказал Мило.

Казалось, прошла вечность, прежде чем Олли отреагировал на сигналы из внешнего мира. Виктору хотелось схватить друга, встряхнуть, вырвать из его горла какие-то слова. Но приходилось сдерживаться. Тишину нарушало только шипение кислорода да бульканье в аспирационной трубке. Наконец Олли пошевелился, приоткрыл глаза и, щурясь от боли, посмотрел на троих стоящих у кровати мужчин.

– Герш… я… не смог… – Он замолчал, словно исчерпав все свои силы.

– Успокойся, Олли, – сказал Мило. – Не торопись.

– …Пытался остановить… у него был пистолет… – Олли снова взял паузу.

Виктор замер, со страхом ожидая следующих слов. Он все еще не верил, не хотел верить и надеялся, что Мило как-то ошибся, чего-то не понял, что Кэти в этот самый момент едет в автобусе и ей ничто не угрожает. Всего лишь два часа назад он собирался сесть на самолет и улететь в Нью-Хейвен. Но у выхода на посадку ему передали сообщение, адресованное пассажиру по имени Сэм Половски. Это имя стояло в его билете. В сообщении было всего три слова: «Немедленно позвони Мило».

Пассажир Сэм Половски так и не поднялся на борт.

«Два часа, – терзался Виктор. – Что они делали с ней эти два долгих часа?»

– Этот человек... Как он выглядел? – спросил Половски.

– Я его и не рассмотрел толком. Темноволосый. Лицо... худощавое.

– Высокий? Низкий?

– Высокий.

– Уехал на твоей машине?

Олли кивнул.

– Что с Кэти? – не выдержал наконец Виктор. – Что он с ней сделал? Она в порядке?

И снова пауза, растянувшаяся, казалось, на целый час. Олли виновато посмотрел на него:

– Не знаю.

На лучшее Виктор и не надеялся. При таком варианте оставалась возможность, что она еще жива.

Он в волнении прошелся по палате.

– Я знаю, что ему нужно. Знаю, что должен ему дать...

– Ты серьезно? – возмутился Половски. – Это же наша улика! Нельзя просто взять и отдать то...

– Именно это я и намерен сделать.

– Ты даже не знаешь, как с ним связаться.

– Он сам со мной свяжется. – Виктор повернулся к Мило. – Думаю, он все это время наблюдал за домом. Ждал, пока кто-то появится. И сейчас наблюдает. И позвонит, когда кого-то увидит.

– Если позвонит, – засомневался Половски.

– Позвонит. – Виктор провел ладонью по карману, в котором лежали пробирки из «Виратека». – У меня есть то, что нужно ему. У него есть то, что нужно мне. Думаю, мы оба готовы произвести обмен.

Яркое солнце безжалостно било в глаза. Она пыталась сопротивляться, крепче сомкнуть веки, защитить мозг от острых, режущих лучей, но свет побеждал.

– Очнитесь. Ну же!

В лицо плеснули ледяной водой. Кэти охнула, закашлялась, замотала головой. Холодные ручейки стекали по волосам и падали на лоб и щеки.

Она попыталась рассмотреть того, кто стоял над ней. Сначала на фоне ослепительного круга проступил темный овал. Потом незнакомец сдвинулся в сторону, и Кэти увидела черные, как агат, глаза и узкий, как прорезь, рот. К горлу поднялся крик и… застыл – щеку обожгло ледяное прикосновение стали.

– Ни звука. Понятно?

Она кивнула. И тут же комната пошла кругом. Она села, обхватив голову и забыв про страх, – накатывающие волнами боль и тошнота смывали все прочие чувства. Впрочем, длилось это недолго, несколько секунд. Потом тошнота отступила, и Кэти заметила, что в комнате есть второй мужчина – крупный, плотный, широкоплечий. Он молча сидел в углу и только наблюдал за ней, пристально, неотступно. Комната была маленькая, без окон, так что Кэти не могла даже определить, день сейчас или ночь. Из мебели – стул, карточный столик и матрас, на котором она сидела. Пол голый, бетонный. «Мы в каком-то подвале». Никаких внешних звуков сюда не доходило. «Где мы? В Пало-Альто? Или за сотни миль от него?»

Человек на стуле скрестил руки и улыбнулся. В других обстоятельствах улыбка могла бы сойти за приятную, сейчас же показалась Кэти омерзительно бесчеловечной.

– По-моему, она вполне пришла в себя, – сказал он. – Почему бы вам не продолжить, мистер Сэвич?

Тот, кого назвали Сэвичем, снова подступил к ней:

– Где он?

– Кто?

Он наградил ее звонкой пощечиной. Кэти пошатнулась и упала на матрас.

– Повторим. – Сэвич наклонился и заставил ее сесть. – Где Виктор Холланд?

– Я не знаю.

– Ты была с ним.

– Мы… разошлись.

– Почему?

Она потрогала губы. На пальцах осталась кровь, от вида которой ее едва не вырвало.

– *Почему?*

– Он… – Она опустила голову и чуть слышно сказала: – Он не захотел, чтобы я осталась с ним.

Сэвич презрительно хмыкнул:

– Быстро же ты ему надоела, а?

– Да, – прошептала она. – Наверное.

– Странно.

Он снова наклонился, погладил ее по щеке, провел пальцем по горлу. Остановился у верхней пуговицы блузки.

Нет. Только не это.

Ей повезло – сидевший на стуле мужчина подал вдруг голос:

– Это ничего нам не даст.

Сэвич повернулся к нему:

– У вас есть другие предложения, мистер Тайрон?

– Да. Попробуем использовать ее иначе.

Кэти насторожилась. Он поднялся, подошел к

карточному столику и открыл лежавшую на нем сумку.

– Поскольку мы не можем пойти к Холланду, сделаем так, чтобы он пришел к нам. – Тайрон повернулся и улыбнулся Кэти: – С вашей, конечно, помощью.

– Я же сказала, что не знаю, где он.

– Уверен, один из друзей вашего приятеля сумеет его найти.

– Это не поможет. Виктор неглуп и не придет за мной.

– Вы правы, Холланд человек неглупый, – Тайрон достал из сумки сотовый телефон и начал набирать номер, – но совестливый, а это недостаток, который может оказаться фатальным. – Он прислушался и кивнул. – Алло? Мистер Мило Лум? Я хочу, чтобы вы передали для Виктора Холланда следующее сообщение. Скажите, что у меня есть нечто, что принадлежит ему. Что-то, что я не могу хранить долго...

– Это он! – прошипел Мило. – Предлагает сделку.

Виктор тут же вскочил:

– Дай мне поговорить с ним...

– Подожди! – Половски схватил его за руку. – Не торопись. Действовать нужно осторожно. Подумай, что мы...

Виктор отвернулся от фэбээровца и выхватил трубку у Мило.

– Это Холланд, – рявкнул он. – Где она?

Человек на другом конце линии не спешил с

ответом. Выдерживая паузу, он давал понять, кто контролирует ситуацию.

– Она у меня. Живая.

– Я хочу в этом убедиться.

– Вам придется поверить мне на слово.

– На слово? Черта с два! Мне нужны доказательства.

Снова томительная пауза. Затем через потрескивания и шорохи пробился другой голос, такой дрожащий и испуганный, что у него дрогнуло сердце.

– Виктор, это я.

– Кэти? – Он шумно выдохнул. На сердце моментально полегчало. – Ты в порядке?

– Я… да… в порядке.

– Где ты?

– Не знаю. Думаю… – Она замолчала. – Нет, не знаю.

– Он трогал тебя?

Пауза.

– Нет.

«Она не может сказать правду. Он что-то сделал с ней. Может быть, просто угрожал, а может…»

– Кэти, я обещаю тебе, все будет хорошо. Клянусь тебе…

– Поговорим о делах, – перебил его мужской голос.

Виктор стиснул трубку так, что побелели костяшки пальцев.

– Если ты тронешь ее, я…

– Вы не в том положении, чтобы диктовать условия.

Кто-то положил руку ему на плечо. Он обернулся. Фэбээровец смотрел на него, качая головой и словно говоря: «Не теряй головы. Договаривайся. Торгуйся. Нам нужно выиграть время»

Виктор кивнул, перевел дыхание, и, когда заговорил, голос его прозвучал почти бесстрастно.

– Ладно. Тебе нужны пробирки – они твои.

– Этого мало.

– Хорошо. В нагрузку к пробиркам добавлю себя. Устраивает?

– Устраивает. Вы с пробирками в обмен на ее жизнь.

Виктор услышал приглушенное «нет!». Кричала Кэти.

– Нет, Виктор, не соглашайся! Они хотят…

Крик оборвался… Кэти застонала от боли. И

тут уж Виктор сорвался. Самообладание разлетелось на кусочки. Он орал, сыпал проклятиями и просил, угрожал и обещал сделать все – лишь бы Кэти не трогали. Он как будто сошел с ума.

И снова Половски взял его за руку и встряхнул. Виктор остановился. Лицо его горело, глаза блестели, сердце колотилось, а глаза застилали слезы.

– Соглашайся, – прошептал фэбээровец. – Ты еще не обо всем договорился.

Виктор сглотнул и на секунду зажмурился. «Господи, дай мне сил».

– Когда произведем обмен? – сухо спросил он.

– Сегодня. В два часа ночи.

– Где?

– В Пало-Альто. Старый театр «Сарацин».

– Но ведь театр закрыт. Его закрыли на…

– Откроют. Специально для вас. Замечу кого-то еще, пристрелю ее без предупреждения. Понятно?

– Мне нужна гарантия. Я должен знать…

Ему ответило молчание, а потом, через пару

секунд, в трубке послышались гудки.

Виктор медленно положил трубку на рычаг.

– Ну? – спросил Половски. – Договорились?

– Да. В два часа ночи в театре «Сарацин».

– То есть через полчаса. Времени мало. Мы даже не успеем подготовиться…

– Я пойду один.

Мило и фэбээровец посмотрели на него, как на сумасшедшего.

– Черта с два, – сказал Половски.

Виктор схватил переброшенный через спинку

стула пиджак и похлопал по карманам – портсигар с пробирками был на месте. Он повернулся и шагнул к двери.

– Подожди, Герш! – окликнул друга Мило. – Он же убьет тебя!

Виктор оглянулся.

– Может быть, – тихо сказал он. – Но другого шанса у Кэти не будет. И я этот шанс не упущу.

– Он не придет, – сказала Кэти.

– Заткнись, – процедил Мэтт Тайрон, подталкивая ее в спину.

Они шли по усыпанному битым стеклом переулку с тыльной стороны театра, и Кэти отчаянно пыталась придумать, как сорвать назначенную встречу. В том, что встреча закончится смертью не только для Виктора, но и для нее самой, она не сомневалась. В расчеты этих двоих вовсе не входило оставлять ее живой. Самое лучшее, на что Кэти могла рассчитывать, – это спасти Виктора. И она твердо намеревалась использовать для этого все шансы.

– Улики у него, а больше ему ничего не надо. Неужели вы думаете, что он отдаст их в обмен на меня?

Тайрон с сомнением взглянул на Сэвича:

– А если она права?

– Холланд придет. Я таких знаю. Оставить женщину в беде – это не его стиль. – Сэвич повернулся и обманчиво ласковым жестом потрепал ее по щеке. – Он даже прибежит, когда узнает, что именно мы с ней сделаем.

Кэти вздрогнула, словно к ней прикоснулось что-то мерзкое и липкое, и отвернулась. «А если Виктор действительно не придет? Если он поступит, наконец, так, как подсказывает голос рассудка, и оставит меня умирать?»

Что ж, винить его она не станет.

Тайрон подтолкнул ее к ступенькам.

– Шевелись. Поднимайся и входи.

– Здесь ничего не видно, – запротестовала Кэти, пробираясь на ощупь по темному коридору, спотыкаясь о перевернутые ящики, отводя в сторону что-то похожее на тяжелые шторы. – Хоть глаз коли…

– Да будет свет, – произнес чей-то голос.

И свет вспыхнул. Совершенно неожиданно и такой яркий, что Кэти на несколько мгновений ослепла и, вскинув руку, заслонила глаза. И все же она успела увидеть еще одного человека, стоявшего перед ней на самом краю укрытого мраком зрительного зала.

Они стояли на театральной сцене. Последние представления проходили здесь по меньшей мере лет пять назад. С балок свисали рваные, похожие на паутину занавеси. У задней стены притулились старые декорации, обвитые плющом башни средневекового замка и пара швабр.

– Какие-то проблемы, Дефо? – раздраженно спросил Тайрон.

– Нет, – ответил третий мужчина, которого Кэти прежде не видела. – Провел рекогносцировку. Двери здесь две, передняя и задняя. Есть еще пожарный выход, но там замок. Если блокировать оба выхода, он окажется в мышеловке.

– Вижу, ФБР ест свой хлеб не зря.

Дефо усмехнулся и кивнул:

– Я так и знал, что Ковбой пожелает получить самое лучшее.

– О'кей, мисс Уивер. – Тайрон подтолкнул Кэти к стулу, стоявшему прямо под прожекторами. – Давайте сядем так, чтобы он вас видел. Вот сюда. В самую серединку.

Сэвич привязал ее к стулу, сделав это с ловкостью профессионала. Тугие узлы не позволяли шевельнуть ни рукой, ни ногой. Закончив, он постоял секунду в раздумьях, потом оторвал край шторы и завязал ей рот.

– На всякий случай. Чтобы уж точно никаких сюрпризов.

Тайрон посмотрел на часы:

– Осталось пятнадцать минут. По местам, джентльмены.

Трое мужчин бесшумно отступили в тень, оставив Кэти одну на пустой сцене. Прожектор бил прямо в лицо, и она уже чувствовала на лбу первые капельки пота, словно сидела под полуденным солнцем. Кэти не видела своих похитителей, но слышала их голоса. Ближе всех стоял Тайрон. Сэвич занял позицию где-то у главного входа в театр. И наконец, третий, тот, которого называли Дефо, расположился вверху, в ложе. Эти люди знали свое дело и действовали профессионально. Они перекрыли все пути отхода и взяли на мушку все двери.

«Не будь дураком, Виктор. Не суйся в западню. Держись отсюда подальше. А если он не придет?»

Ей не хотелось даже думать о таком варианте. Это означало бы, что он бросил ее, даже не попытавшись спасти.

Она закрыла глаза, сдерживая повисшие на ресницах горячие слезы. «Я люблю тебя. И я все вынесу, даже это, если буду знать, что и ты меня любишь».

Руки занемели от веревок. Она попыталась ослабить узлы, но только натерла запястья. С каждой секундой сохранять самообладание становилось все труднее. Сердце колотилось о ребра, по виску уже стекала тонкая струйка пота.

Где-то в темноте скрипнула, открывшись и закрывшись, дверь. Шаги приближались, осторожные, расчетливые. Кэти напрягла глаза, но смогла различить лишь неясные очертания фигуры.

Она почувствовала, как дрогнули доски. Это Тайрон выступил из-за кулис.

– Оставайтесь на месте, мистер Холланд, – сказал он.

Глава 13

Сбоку вдруг включился еще один прожектор. Виктор остановился – одинокая фигура в ярком круге света.

«Боже, ты пришел за мной! Я знала… знала, что ты придешь…»

Если бы только она могла освободиться, крикнуть, предупредить его о двоих других мужчинах. Но прилепленный на рот скотч позволял лишь тихонько скулить.

– Отпустите ее, – сказал Виктор.

– Сначала мы хотим получить кое-что от тебя.

– Я сказал, отпустите ее!

– Вы не в том положении, чтобы чего-то требовать. – Выйдя из-за кулис, Тайрон подошел к Кэти. Что-то твердое и холодное прижалось к ее виску. – Покажите, что у вас есть, Холланд.

– Сначала развяжи ее.

– Я могу прямо сейчас застрелить вас обоих и забрать то, что мне надо.

– Вот, значит, как, да? – крикнул Виктор. – Федеральные деньги за убийство гражданских лиц?

– Все относительно. Да, сейчас кое-кому придется умереть. Но подумайте о миллионах американцев, которые спасутся, если страна вступит в войну.

– Я думаю об американцах, которых вы уже убили.

– Необходимые жертвы. Но вам этого не понять. Вы ведь никогда не видели, как умирают солдаты, а, Холланд? Вам не понять чувства бессилия, которое испытываешь, когда видишь, как наши американские парни гибнут на поле боя. Если мы будем располагать таким оружием, потери будет нести только враг.

– От чьего имени вы говорите?

– Я говорю от своего имени.

– В таком случае кто вы, черт возьми, такой?

– Я – патриот, мистер Холланд! Я выполняю работу, за которую не рискуют браться другие. Моя задача – разрабатывать оружие с наибольшей поражающей силой. Меня даже не надо об этом просить. Пусть остальные притворяются, что ни о чем не догадываются. Пусть изображают из себя невинных овечек.

– Так вы, получается, козел отпущения.

Тайрон пожал плечами:

– Такова участь каждого хорошего солдата. Нужно всегда быть готовым броситься на собственный меч. Я к этому пока не готов.

Кэти вздрогнула – у самого ее уха щелкнул курок. Дуло все так же прижималось к виску.

– Как видите, расклад карт не в ее пользу, – сказал Тайрон.

– С другой стороны, – спокойно заметил Виктор, – вы ведь не знаете наверняка, принес ли я те пробирки или нет. А что, если они надежно припрятаны где-то? Что, если по прошествии определенного времени все связанное с ними станет достоянием общественности? Убьете ее – никогда ничего не узнаете.

Тупик. Тайрон опустил пистолет. Секунду-другую мужчины молча фехтовали взглядами. Потом Тайрон опустил руку в карман, и Кэти услышала щелчок пружинного ножа.

– Ладно, Холланд, этот раунд за вами, – сказал он, перерезая веревку на запястьях и срывая со рта полоску скотча. – Получите. Она вся ваша.

Кэти с трудом спустилась со сцены и, с трудом переставляя ноги, проковыляла по проходу к Виктору и упала в его объятия.

– Ваша очередь, Холланд! – крикнул Тайрон.

– Иди, – шепнул Виктор ей на ухо, и Кэти только теперь поняла, что он и сам держится из последних сил. – Уходи отсюда.

– Послушай, у него здесь еще двое…

– Ну же, Холланд!

Постояв в нерешительности еще пару секунд, Виктор сунул руку в карман и вынул портсигар.

– Следить будут за мной. Иди к выходу. Выбирайся отсюда. Быстрее!

Кэти не знала, что делать. Оставить Виктора? Дать ему умереть? Нет, поступить так она не могла. К тому же она знала, что за каждым их шагом наблюдают из темноты два стрелка.

– Мисс Уивер останется на месте! – распорядился со сцены Тайрон. – Я жду, Холланд! Пробирки!

Виктор сделал еще один шаг… потом еще…

– Стойте! – распорядился Тайрон.

Виктор остановился.

– Вы же хотите их получить, так?

– Положите пробирки на пол.

Он медленно наклонился и положил портсигар на деревянный пол.

– А теперь подтолкните их ко мне.

Портсигар, скользнув по доскам, остановился у оркестровой ямы.

Тайрон спрыгнул со сцены. Виктор же осторожно отступил и, взяв Кэти за руку, медленно повел ее к выходу.

И тут же где-то в темноте гулко щелкнули спусковые крючки. Виктор машинально вскинул голову, но обнаружить кого-либо было невозможно из-за бьющих в глаза прожекторов.

– Подождите, вас еще не отпускали, – сказал Тайрон, наклоняясь за портсигаром. Откинув осторожно крышку, он молча уставился на содержимое.

«Вот и все, – подумала Кэти. – Он получил то, что нужно, и теперь живые мы ему не нужны…»

Тайрон вскинул голову.

– Обман… Нас надули! – взревел он. – Убейте их!

Эхо крика еще гремело в дальних уголках театра, когда свет вдруг погас. В наступившей внезапно темноте Кэти не видела даже собственной руки.

В тот же миг Виктор увлек ее за собой по проходу.

– Остановите их! – завопил в темноте Тайрон.

И тишина взорвалась. Стреляли, казалось, со всех сторон. Виктор и Кэти упали на четвереньки и поползли между рядами. Пули рвали в клочья парчовую обивку на спинках кресел.

– Прекратить огонь! – крикнул Тайрон. – Прислушайтесь! Найдите их!

Стрелять перестали. Кэти и Виктор замерли и даже задержали дыхание, боясь выдать свое местонахождение. Некоторое время Кэти не слышала абсолютно ничего – только частое биение двух сердец. «Мы в западне. Стоит только шевельнуться, и они поймут, где мы…»

Затаив дыхание, она протянула руку, стащила туфлю, размахнулась и швырнула ее наугад через зал. Туфля ударилась где-то о кресло, вызвав

новый шквал огня. За несколько секунд Виктор и Кэти успели доползти до бокового прохода.

Огонь снова прекратился.

– Выхода нет, Холланд! – крикнул Тайрон. – Обе двери у нас на мушке. Дело лишь во времени.

Где-то наверху, на балконе, вспыхнул огонек – Дефо щелкнул зажигалкой. Пламя затрепетало, и по стенам запрыгали жутковатые тени. Виктор толкнул Кэти на пол.

– Я знаю, что они здесь! – взорвался Тайрон. – Ты видишь их, Дефо?

Дефо поднял руку, и тени сместились, являя новые формы, открывая новые тайны.

– Сейчас найдем… подождите. Кажется, я уже…

Никто не понял, откуда грянул выстрел. Дефо вдруг дернулся, и его словно отшвырнуло к краю балкона. Свет запрыгал по лицу. Фэбээровец попытался ухватиться за перила, но подгнившее дерево не выдержало, и он рухнул вниз, на кресла.

– Дефо! Какого черта…

С пола вдруг взметнулся желтый язык пламени – от зажигалки вспыхнули занавеси! Огонь распространялся с невероятной быстротой, взлетая по тяжелым парчовым шторам, подбираясь к потолочным балкам. Едва попробовав дерево на вкус, он жадно загудел…

Адское пламя осветило все: притаившихся в проходе Виктора и Кэти; Сэвича, стоящего у двери с пистолетом на изготовку; Тайрона, застывшего на сцене в позе дьявола.

– Они твои, Сэвич! – завопил Тайрон.

Сэвич вскинул руку. На этот раз спрятаться

было некуда. В последний момент Виктор обнял ее, защищая от пули…

Выстрел.

Оба вздрогнули и сжались. Еще один – она снова не почувствовала боли.

Кэти посмотрела на Виктора – он смотрел на нее с тем же странным выражением, словно удивленный тем, что они еще живы. Потом они

вместе посмотрели на Сэвича. Тот уже выронил пистолет и даже успел упасть на колени. На его рубашке расплывалось темное пятно.

– Живей, Холланд! Уходи!

Обернувшись, оба увидели на фоне полыхающих штор знакомую фигуру. Появившийся, словно чертик из шкатулки, Сэм навел пистолет на Тайрона.

Но спустить крючок не успел.

Тайрон выстрелил первым. Пуля развернула фэбээровца и бросила на тлеющие кресла.

– Уходи! Быстрее! – крикнул Виктор, толкая Кэти к выходу. – Мне нужно вернуться за ним…

– Нет!

Но он уже не слышал. Дым вырывался из здания, и там, в дыму, Виктор пробирался между креслами. «Ему необходима помощь… время на исходе…»

Горячий, обжигающий воздух опалил горло. Закашлявшись, Кэти упала на колени, где еще можно было дышать. Она еще могла успеть. Надо было лишь проползти по проходу до двери. И все ее инстинкты требовали одного – бежать, спасаться, пока такая возможность еще есть.

Но вместо этого Кэти повернулась и последовала за Виктором в бушующий огонь. Он двигался вдоль стены, и она, прикрывшись рукой от огня, шагнула за ним.

– Виктор!

Ответом были лишь рев пожара и зловещий хруст ломающегося дерева. Кэти задрала голову и с ужасом увидела, что потолочные балки прогнулись и вот-вот обрушатся.

Поддавшись панике, она торопливо, наугад устремилась за Виктором, но он уже исчез в дыму, а там, где она видела его в последний раз, кружился огненный водоворот. Где же он? Неужели уже вышел? Неужели она осталась одна?

Что-то ударило ее по щеке. Прямо перед ней болталась окровавленная человеческая рука. Кэти подняла голову и… заглянула в безжизненные глаза Дефо. С ее губ сорвался крик ужаса.

– Кэти?

Она повернулась на звук. Виктор был неподалеку, всего лишь в нескольких футах от нее. Подхватив под руки Половски, он пытался тащить его к выходу, но жар и дым, похоже, уже лишили его сил.

– Потолок сейчас обвалится! – крикнула она.

– Уходи!

– Без тебя не уйду! – Кэти протиснулась к нему и подхватила Половски за ноги. Совместными усилиями они протащили фэбээровца по проходу, через тлеющий уже ковер. До спасительного выхода оставалось несколько ярдов.

– Я его подержу, – прохрипел Виктор, – а ты открой дверь...

Она повернулась...

Перед ней стоял Тайрон.

– Виктор! – всхлипнула Кэти.

Виктор повернулся. Лицо его, перепачканное копотью и потом, напоминало жуткую маску. Пару секунд мужчины молча смотрели друг на друга. Оба знали – игра сыграна, пора ставить точку.

Тайрон поднял пистолет.

И в тот же самый момент вверху, прямо над ними, громко затрещала балка. Тайрон вскинул глаза – потолок с усталым стоном просел, швырнув вниз охапку искр.

Он отвлекся всего на секунду, но Кэти хватило и этого. Собравшись с силами, она кинулась Тайрону в ноги. Пистолет выскользнул у него из пальцев и, скользнув по полу, исчез под креслами.

Если Тайрон и растерялся, то всего лишь на миг. В следующее мгновение он выпрямился и ударил ее ногой по ребрам. Боль пронзила насквозь. Даже не вскрикнув, Кэти отлетела на пару ярдов и грохнулась на пол в проходе.

Оглушенная и беззащитная, она не смогла отползти, чтобы избежать дальнейших ударов, и лишь подняла голову.

Сквозь собирающуюся перед глазами тьму Кэти увидела двух вцепившихся друг другу в горло мужчин. Тайрон первым ударил

противника в лицо, и Виктор отшатнулся. Тайрон ринулся в атаку, наклонив голову, как бык. В последний момент Виктор сделал шаг в сторону, и его враг, споткнувшись, рухнул на тлеющий ковер. Впрочем, он тут же попытался встать, чтобы продолжить схватку.

Потолок снова затрещал, и Тайрон опять взглянул вверх. Прежде чем балка ударила по голове, на его лице еще успело проступить недоуменное выражение.

Кэти попыталась позвать Виктора, но не смогла издать и звука. Горло пересохло и распухло от дыма. Кое-как, цепляясь за кресла, она поднялась на колени. Половски лежал рядом, чуть слышно постанывая. Вокруг все горело – огонь охватил весь пол и уже пожирал остатки занавесей.

Из этого ада вдруг выступил Виктор. Протянув Кэти руку, он помог ей подняться, а потом они уже вместе, кашляя и задыхаясь, вытащили Половски из театра, перенесли через улицу, опустили на тротуар и, обессиленные, сами свалились рядом.

Ночное небо вспыхнуло – крыша обрушилась, взметнув фонтаны огненных брызг, и взрыв потряс театр. Из окон во все стороны полетели пылающие щепки, и Виктор, вскочив, прикрыл Кэти от головешек.

Половски заворочался и застонал. Виктор тут же повернулся к раненому:

– Сэм? Ты как, приятель?

– Черт… бок зацепило…

– Все будет хорошо. – Виктор ободряюще улыбнулся. – Слышишь? Слышишь сирены? «Скорая» уже едет.

– Слышу. – Морщась от боли, Половски посмотрел в залитое багровым отблеском небо.

– Спасибо, Сэм, – добавил негромко Виктор.

– А что делать? Ты ж не слушаешь… упрямец…

– И все-таки мы ее вытащили, да?

Половски медленно перевел взгляд на Кэти:

– Да… вытащили…

Виктор провел ладонью по перепачканному лицу.

– С другой стороны, нам снова придется все начинать сначала – улик-то ведь больше нет.

– Мило…

– Пробирки остались там… – Виктор с тоской посмотрел на охваченное пламенем здание старого театра.

– Они у Мило… – прошептал Сэм.

– Что?

– Когда ты не смотрел, я взял их и отдал Мило.

Виктор растерянно посмотрел на фэбээровца.

– Хочешь сказать, что подменил пробирки?

Половски кивнул.

– Ах ты… сукин…

– Виктор! – одернула его Кэти.

– Ты слышала? Он подменил пробирки! Стырил у меня единственный козырь!

– Он спас нас!

Виктор укоризненно покачал головой.

Половски виновато улыбнулся и тут же скривился от боли.

– Слушай дамочку – у нее, в отличие от некоторых, есть голова на плечах.

Сирены внезапно стихли, и в шипении и реве огня прорезались человеческие голоса. Какой-то плотный пожарный, соскочив с подножки, подбежал к Половски и опустился рядом с ним на колени.

– Что у нас тут?

– Огнестрельное ранение. И пострадавший, который считает себя умней всех, – проворчал Виктор.

Пожарный кивнул:

– Не беспокойтесь, сэр. Справимся и с первым, и со вторым.

К тому времени, как Половски загрузили в «скорую», от театра «Сарацин» осталось догорающее кострище. Габаритные огни машин растворились в темноте, сирены давно стихли, и осталось только шипение изливающейся на уголья воды.

Не говоря ни слова, Виктор заключил Кэти в объятия и прижал к себе. Так они и сидели, две одинокие фигуры на фоне дымящихся обломков и хаоса. Оба так вымотались, что держались из последних сил, но и усталость не помешала Кэти ощутить магию момента: танцующие на стенах ближайших зданий тени, призрачно мигающие огоньки, шипение догорающих головешек – зрелище одновременно прекрасное и пугающее.

– Ты все-таки пришел за мной, – прошептала она. – Я так боялась, что не придешь…

– Кэти, ты же знала, что я приду!

– В том-то и дело, что не знала. Улики были у тебя. Ты мог спокойно уйти и не думать обо мне.

– Не мог. – Он поцеловал ее в макушку. – Слава богу, я не успел подняться в самолет. Тогда нас разделило бы две тысячи миль.

Кто-то подошел к ним по усыпанному битым стеклом тротуару.

– Извините, – произнес незнакомый голос. – Не вы ли Виктор Холланд?

Они обернулись – перед ними стоял мужчина в мятой парке, с переброшенным через плечо фотоаппаратом.

– А вы кто? – спросил Виктор.

Незнакомец протянул руку:

– Джей Уоллес из «Сан-Франциско кроникл». Мне звонил Сэм Половски, обещал фейерверк, приглашал полюбоваться. – Он обвел взглядом руины театра и покачал головой. – Похоже, я немного опоздал.

– Подождите-ка, – нахмурился Виктор. – Сэм звонил вам? Когда?

– Ну, может быть, часа два назад. Не будь он моим шурином, я бы, конечно, не поверил. Сэм уже несколько дней намекал на какую-то историю, которой готов со мной поделиться. Но дальше намеков дело так и не пошло. Вот почему я и сегодня сильно не спешил. Знаете, от города досюда не так уж близко.

– Он рассказал вам обо мне?

– Он сказал, что у вас есть интересная история.

– Ну, интересная история есть у каждого.

– Да, но у некоторых они интереснее, чем у других. – Репортер огляделся. – Кстати, а где Сэм? Или этот болван так и не появился?

– Этот, как вы выражаетесь болван, настоящий герой. Так и напишите в вашей чертовой статье.

Еще шаги. На этот раз к ним подошли двое полицейских. Глядя на них, Кэти почувствовала, как напрягся Виктор.

– Мы получили информацию, – начал старший, – что раненый доставлен в пункт скорой помощи. И что вас обнаружили на месте происшествия.

Виктор кивнул и устало, как человек, которому теперь все равно, ответил:

– Да, я был здесь с самого начала. Поищите хорошенько, и вы найдете в руинах три трупа.

– Три? – Полицейские переглянулись.

– Да, фейерверк, похоже, был еще тот, – пробормотал репортер.

– Будьте добры, сэр, назовите свое имя, – попросил полицейский.

– Имя... – Виктор посмотрел на Кэти, словно говоря: «Да, мы дошли до конца. Придется сказать. Меня заберут, и я не знаю, увидимся ли мы когда-нибудь».

Все еще глядя ей в глаза, он произнес отчетливо и громко:

– Я – Виктор Холланд.

– Холланд... Виктор Холланд? Не вас ли...

Он так и смотрел на нее до самого конца. Смотрел, когда на нем защелкнули наручники, когда повели к ожидающей неподалеку патрульной машине, когда усадили на заднее сиденье.

И вот она осталась одна – усталая, беспомощная, озябшая среди догорающих развалин.

– Мэм, вам тоже придется поехать с нами.

– Что? – Кэти недоуменно посмотрела на полицейского. – Что?

– Эй, парни, она вовсе не обязана ехать с вами! – возразил Джей Уоллес. – Вы ведь не предъявили ей обвинения.

– Заткнись, умник.

– Это не имеет значения, – вздохнула Кэти. – Я согласна и поеду с вами.

– Подождите! Я хочу поговорить с ней! Только лишь несколько вопросов.

– Поговоришь потом, – бросил полицейский помоложе, беря ее за локоть. – После нас.

Стражи порядка вели себя вежливо и даже любезно. Возможно, они видели, что она держится из последних сил. Или на них произвели впечатление ее покорность и нежелание спорить. Кэти ответила на все вопросы. Позволила осмотреть оставшиеся на запястьях следы от веревок. Она рассказала им об Олли и Саре, о двух других женщинах по фамилии Уивер. И все то время, что ее продержали в полицейском участке Пало-Альто, Кэти надеялась хотя бы мельком увидеть Виктора. Она знала, что он где-то здесь, рядом. Может быть, его даже допрашивали одновременно с ней и задавали ему те же, что и ей, вопросы.

Кэти отпустили на рассвете.

На ступеньках ее поджидал Джей Уоллес.

– Мне нужно поговорить с вами, – начал он, когда она вышла.

– Не сейчас. Ради бога, не сейчас. Я так устала…

– Всего лишь несколько вопросов…

– Не могу. Мне нужно… нужно… – Она не договорила и, стоя напротив участка, на холодной и пустынной в ранний час улице, неожиданно для себя расплакалась. – Я не знаю, что делать. Не знаю, как помочь ему. Как связаться с ним.

– Вы имеете в виду Холланда? Его уже отвезли в Сан-Франциско.

– Что? – удивилась Кэти.

– Да, да. Примерно час назад. За ним прислали машину министерства юстиции. С солидным эскортом. Насколько я смог понять, они собираются отправить Холланда прямиком в Вашингтон. Первым классом.

Кэти покачала головой.

– То есть… он не под арестом?

– Да вы что, леди? – рассмеялся Уоллес. – Ваш приятель прославился на всю страну. Он настоящий герой.

Герой. Впрочем, пусть называют, как хотят, подумала Кэти. Главное – Виктор теперь в безопасности.

Она перевела дыхание. Облачко пара растаяло на холодном ветру.

– У вас есть машина, мистер Уоллес?

– Конечно. Припаркована на стоянке за углом.

– Не хотите ли подвезти меня?

– Куда?

– Куда… – Она помолчала, прикидывая, где станет искать ее Виктор. Ну конечно, у Мило. – К одному другу. Я хочу быть там, когда Виктор позвонит.

Уоллес взял ее за локоть.

– Надеюсь, этот ваш друг живет не по соседству? Мне нужно о многом с вами поговорить…

* * *

Виктор не позвонил.

Четыре дня Кэти не отходила от телефона, ожидая, когда же в трубке прозвучит его голос. Четыре дня Мило и его мать угощали ее чаем и печеньем, поддерживали улыбками и заботой. На пятый день, так и не получив ни весточки, она поддалась первым сомнениям. Вспомнила то утро у высохшего озера, когда Виктор пытался услать ее с Олли. Подумала о словах, которые он мог бы, но так и не произнес. Да, верно, Виктор вернулся за ней в театр, но разве он не поступил бы точно так же ради любого из друзей? Однажды она спасла ему жизнь, а он помнил

долги и всегда их возвращал. Такой уж он человек, добрый и порядочный.

Вот только к любви это не имеет никакого отношения.

Кэти перестала просиживать у телефона, а потом и вовсе вернулась в Сан-Франциско. Убралась в квартире, вставила новую оконную раму, заделала следы от пуль на стенах. Она подолгу гуляла и часто навещала в больнице Олли и Сэма Половски. В общем, делала все, чтобы только не оставаться у молчаливого телефона.

Как-то ей позвонил Джек.

– Мы приступаем к съемкам на следующей неделе, – жалобно сообщил он. – А монстр в ужасном состоянии. Здесь такая влажность! Все плывет, ничего не держится. Приезжай, ладно? Выручи меня!

Кэти сказала, что подумает, а через неделю приняла решение.

Работа – вот что ей нужно. Растекающийся грим и капризные актеры – вот чего ей не хватает. Все лучше, чем сидеть впустую, ожидая звонка, которого никогда и не будет.

Она заказала билет на самолет из Сан-Хосе до Пуэрто-Вальярта и собрала вещи, целый чемодан, рассчитывая задержаться подольше и устроить себе настоящий отпуск.

Но прежде она заедет в Пало-Альто. Нанесет давно обещанный визит Сэму Половски.

Глава 14

Ассошиэйтед пресс, Вашингтон.

«Официальный представитель администрации Ричард Джанкунц повторил сегодня, что ни президент, ни кто-либо из его окружения не знали об исследованиях в области биологического оружия, проводившихся в Калифорнии «Виратек индастриз». Работы по проекту «Цербер», направленные на разработку генетически измененных вирусов, проводились с явным нарушением международного права. Последние материалы, собранные репортером Джеем Уоллесом из «Сан-Франциско кроникл», показывают, что прямое финансирование проекта обеспечивал покойный Мэтью Тайрон, старший помощник министра обороны.

На сегодняшних слушаниях в министерстве юстиции, отложенных на четыре часа из-за сильного снегопада, президент «Виратека» Арчибальд

Блэк, дававший показания впервые, пообещал рассказать о прямых связях между администрацией и проектом «Цербер». Вчерашнее выступление бывшего служащего «Виратека» доктора Виктора Холланда уже вскрыло тревожные факты обмана, сокрытия улик и, возможно, убийств.

Между тем министерство юстиции по-прежнему сопротивляется требованиям конгрессмена Лео Д. Фанелли провести официальное расследование случившегося…»

Кэти отложила газету и улыбнулась троим своим друзьям.

– Ну что, ребята, считайте себя везунчиками. Вы здесь, греетесь в солнечной Калифорнии, а кто-то отмораживает последнее в Вашингтоне.

– Ты что, шутишь? – проворчал Половски. – Да я бы все отдал, чтобы только выступить на тех слушаниях. Но с этой штуковиной далеко не уйдешь. – Он подергал за трубочку, через которую в его вену поступала из капельницы прозрачная жидкость.

– Терпение, Сэм, – успокоил приятеля Мило. – Вашингтон у тебя еще впереди.

– Ха! Да Холланд уже рассказал им все интересное. Пока очередь дойдет до меня, эта новость уже на последние полосы перекочует.

– Не думаю, – не согласилась Кэти. – По-моему, интерес к этой теме пройдет не скоро. – Она выглянула в окно, за которым сияла под солнцем аккуратная лужайка. Как же долго. В последний раз они с Виктором виделись три недели назад. А когда увидятся снова? И увидятся ли вообще? От уехавшего в Вашингтон Джея Уоллеса она знала, что при каждом появлении Виктора на публике его окружает толпа репортеров, представителей Министерства юстиции и Генеральной прокуратуры. Постороннему к нему и не подойти.

«Даже мне», – подумала она.

Хорошо, что здесь у нее было трое друзей. Олли поправился быстро, и его выписали – дали пинка под зад, как выразился Мило, – через восемь дней после поступления. Половски повезло меньше. Пребывание в больнице затянулось из-за послеоперационных инфекций и последствий сильного отравления угарным газом во время пожара в театре. Теперь каждый новый день становился для него днем мучений. Фэбээровец

мечтал только о том, чтобы выйти, съесть настоящий гамбургер и выкурить сигарету.

Еще неделя, сказали доктора.

«Он-то, по крайней мере, знает, когда это кончится, – подумала Кэти. – А увижу ли я когда-нибудь Виктора?»

В том, что он молчит, ничего странного нет, объяснил Половски. Так положено. Свидетелей всегда так охраняют. Министерство юстиции настроено не допустить утечки информации, а потому главного свидетеля будет изолировать по максимуму. У остальных участников недавних событий всего лишь взяли письменные показания. Кэти дала свои двумя неделями раньше, после чего ей сказали, что ее свободу передвижения никто не ограничивает.

И вот сейчас в сумочке у нее лежал билет на самолет в Мехико.

Ей надоело ждать у телефона. Надоело искать у себя в голове ответ на вопрос, любит он ее или нет. Однажды она уже пережила нечто подобное с Джеком: сомнения, страхи, медленное, но неизбежное осознание простого факта – что-то не так. Теперь, после всего пережитого, Кэти знала, как избежать боли и разочарования.

«По крайней мере, у меня появилось три новых друга. Олли, Половски и Мило – поразительная троица. Ну где еще найдешь таких!»

– Послушай, Сэм, – обронил Мило, засовывая руку в рюкзак. – Мы тут принесли тебе кое-что.

– Если снова шорты с веселыми девочками, то лучше не надо, – предупредил фэбээровец. – Мне и за прошлые досталось – медсестры проходу не давали.

– Не беспокойся. Это кое-что для твоих легких. Чтобы не забывал дышать поглубже.

– Сигареты? – с затаенной надеждой спросил Половски.

Мило усмехнулся и помахал подарком:

– Казу!

– Вот чего мне точно не хватало.

– Сейчас и опробуем. – Олли открыл футляр, в котором лежал его кларнет. – Мы сегодня пришли с инструментами, а потому и тебя решили в стороне не оставлять.

– Шутите.

– А что, место вполне подходящее. – Мило любовно провел ладонью по своей пикколо. –

Посмотри вокруг. Здесь столько больных, все в депрессии. Ребятам просто необходимо взбодриться. А самое лучшее для этого средство – хорошая музыка.

– Самое лучшее средство – тишина и покой! – Половски обратил молящий взор к Кэти: – Скажи, что они пошутили?

Кэти ответила ему непоколебимым взглядом и достала собственное казу.

– Мы все настроены абсолютно серьезно.

– О'кей, ребята, – сказал Олли. – И... поехали!

Такого исполнения популярной «Калифорния, это я!» мир еще не слышал. И если ему сильно повезет, больше не услышит. К тому времени, когда отзвучала последняя нота, в солярий уже стянулись несколько десятков пациентов и медсестер, желавших поближе познакомиться с источником этого режущего ухо звука.

– Мистер Половски! – заявила старшая медсестра. – Если ваши гости не умеют себя вести...

– Вы их выставите, да? – с надеждой сказал фэбээровец.

– Не надо, – сказал Олли. – Мы уже сворачиваемся. Кстати, ребята, мы играем на частных вечеринках, днях рождения и коктейль-пати. Достаточно связаться с нашим бизнес-менеджером... – он похлопал по плечу Мило, который улыбнулся и помахал всем рукой, – и мы устроим вам незабываемое представление.

– Я хочу вернуться в палату, – простонал Половски.

– Еще рано, – заметила медсестра. – Вам необходима дополнительная стимуляция. – Она лукаво подмигнула Мило и вышла.

– Ну что ж, – вздохнула Кэти. – Я свой вклад в твое выздоровление внесла. А теперь мне пора.

Половски горестно покачал головой:

– Ты оставишь меня с этими кретинами?

– Что делать? У меня самолет.

– Куда направляешься?

– В Мексику. Джек сказал, что они вот-вот начинают съемки, вот я и подумала, что было бы неплохо поработать с монстрами.

– А как же Виктор?

– А что Виктор?

– Ну… я думал… – Половски посмотрел на Олли и Мило, но те только пожали плечами. – Ему будет тебя не хватать.

– Я так не думаю. – Она повернулась и еще раз посмотрела в окно. Внизу, на дорожке, с удовольствием грелась на солнышке сидевшая в кресле-каталке старушка. Кэти подумала, что через пару дней и она сама будет наслаждаться жарким солнцем на пляжах Мексики.

Судя по тому, что трое мужчин молчали, сказать им было нечего. В конце концов, Виктор был их другом. Они не могли ни защищать его, ни осуждать. Да и она тоже. Она просто любила его, а потому и решение уехать представлялось, учитывая все обстоятельства, еще более правильным. Нет ничего хуже для женщины, чем безразличие со стороны мужчины.

Кэти вовсе не горела желанием увидеть его в глазах Виктора.

– Ну все, ребята, пока. – Она подняла лежавшую на стуле сумочку.

Олли покачал головой:

– Лучше бы ты все же осталась. Он ведь вернется когда-нибудь. Да и нельзя разбивать такой великий квартет.

– Меня вполне заменит Сэм.

– Вот уж нет, – проворчал Половски.

Она чмокнула его в лысеющую макушку.

– Выздоравливай. Ты еще нужен стране.

– Рад слышать, – вздохнул фэбээровец.

– Я напишу тебе из Мексики! – Кэти повесила сумочку на плечо и повернулась, но сделать успела только один шаг.

В двери с чемоданом в руке стоял Виктор.

– Что это за разговоры насчет Мексики? – спросил он, глядя на нее во все глаза.

Ответа не нашлось. Она просто смотрела на него и не могла оторвать глаз. Ну почему мужчина, от которого она собралась сбежать, выглядит настолько роскошно?

– Вовремя вернулся, – подал голос Олли. – Она нас покидает.

– Что? – Виктор выпустил из пальцев чемодан. И только тогда Кэти заметила, что одежда на нем мятая, на лице щетина, а из угла закрытого чемодана выглядывает носок. – Ты не можешь уехать.

Она откашлялась.

– Все случилось немного неожиданно. Я нужна Джеку.

– Что-то случилось? Без тебя там никак нельзя?

– Ничего особенного. Просто начались съемки, и... возникли кое-какие проблемы... – Кэти взглянула на часики. – Послушай, мне действительно пора – самолет ждать не станет. Обещаю позвонить, как только...

– Но ты же не единственный художник по гриму. У него есть другие...

– Есть, но...

– Джек вполне в состоянии снять фильм без тебя.

– Да, но...

– Ты хочешь уехать? Да?

Она не ответила. Только посмотрела на него молча – неужели же он не видит застывшей в ее глазах боли?

Он решительно взял ее за руку и повернулся к остальным:

– Извините, парни, но нам с этой леди нужно прогуляться.

Ветер гнал листья по бурой лужайке. Они шли мимо выстроившихся шеренгой дубов, то ступая в тень, то попадая на солнце. Внезапно Виктор остановился и, взяв ее за плечи, повернул к себе:

–А теперь скажи, откуда такая безумная идея? Почему ты решила улететь в Мексику?

Кэти опустила глаза:

– По-моему, тебе все равно, останусь я здесь или уеду.

– Все равно? Кэти, я только что на стену не лез от одиночества. Только о том и думал, как бы сбежать и вернуться к тебе. Ты даже не представляешь, как я волновался. Все время думал, как ты, закончилась ли эта заварушка. Звонить мне не позволяли до самого конца слушаний. Однажды я все-таки ускользнул из мотеля и позвонил Мило домой, но никто не ответил.

– Мы, наверное, были здесь, навещали Сэма.

– А я сходил с ума. Они снова и снова гоняли меня по одному и тому же кругу, заставляли отвечать на одни и те же вопросы. Что мне оставалось? – Он покачал головой. – Господи, я так по тебе скучал. Рванул сюда при первой же возможности. Из-за снегопада пришлось немного задержаться в Чикаго. Но я все же здесь. И похоже, вовремя. – Виктор посмотрел ей в глаза. – А теперь скажи, ты все еще намерена улететь к Джеку?

– Я улетаю не к Джеку. Я улетаю, потому что так нужно мне самой. Потому что я знаю – у нас ничего не получится.

– Кэти, после того, что выпало на нашу долю, у нас получится все. Все, что угодно.

– Но только не это.

Он опустил руки, но продолжал смотреть на нее.

– Помнишь ту ночь, когда мы занимались любовью? Разве это ни о чем тебе не говорит?

– Да ты не со мной занимался любовью! Ты думал только о ней… о Лили!

– О Лили? – Виктор недоуменно уставился на нее. – С чего ты взяла?

– Ты так ее любил…

– А ты любила Джека. Помнишь?

– Я его разлюбила. А ты ее – нет. Как бы я ни пыталась, мне никогда не стать с ней вровень. Я не такая умная и не такая добрая… Я…

– Кэти, перестань.

– Я не стану ею.

– А я и не хочу, чтобы ты была ею! Мне нужна женщина, которая прыгает со мной с крыши и может вытащить меня из лесу. Мне нужна женщина, которая спасла мне жизнь. Которая называет себя обычной и не понимает, насколько она незаурядная. – Виктор снова наклонился к ней. – Да, Лили была чудесной женщиной. Мудрой, внимательной, заботливой. Но она не была тобой. Мы с ней не были идеальной парой. Я думал раньше, что виноват в этом сам, что если бы я был более умелым любовником…

– Ты прекрасный любовник…

– Нет. Разве не понятно? Это все ты. Я хочу только тебя. – Он перевел дыхание и заговорил уже шепотом: – В ту ночь у меня все было как в первый раз. И даже лучше. Потому что я тебя любил.

– А я любила тебя, – прошептала она.

Он обнял ее и поцеловал.

– Кэти, Кэти… Из-за всех этих проблем мы даже не успели сказать друг другу главного…

Он вдруг напрягся – за спиной у них грянули жидкие аплодисменты. Они повернулись – с больничного балкона на них взирали три ухмыляющиеся физиономии.

– И… поехали! – завопил Олли.

Кларнет, казу и пикколо выдали нечто. Разобрать в этих звуках мелодию можно было только при наличии большого воображения. И все же по паре знакомых нот Кэти угадала «Кто-то охраняет меня» Гершвина.

Виктор опустил руки и застонал.

– Послушай, мы еще исполним это, но только с другой бандой. И без зрителей.

Кэти рассмеялась:

– В Мексике?

– Согласен. – Он схватил ее за руку и потащил к стоящему у тротуара такси.

– Подожди! – запротестовала она. – А мой багаж? А одежда?

Он оборвал все возражения крепким поцелуем, от которого у нее закружилась голова.

– Забудь про багаж. Забудь про все. Поехали…

Они нырнули в такси, и в этот самый момент трио на балконе разразилось новым номером, который Кэти узнала далеко не с первой ноты. Постепенно, однако, из хрипов и визга родилось нечто волшебное. «Тангейзер»! Они исполняли свадебную музыку!

– Это что еще за чертовщина? – проворчал таксист.

– Музыка, – сказал Виктор, счастливо улыбаясь Кэти. – Самая прекрасная музыка в мире.

Она упала ему в объятия.

Такси отвалило от тротуара, но даже когда машина уже свернула за угол, до них все же донеслась растворяющаяся в зимнем воздухе прощальная нота казу.